

Ася Ветрова

Сапфировый туман

Глава 1. Измена

Знаете поговорку: «Всё, что ни делается — к лучшему»? А есть ещё фраза Вольтера: «Всё к лучшему в этом лучшем из миров».

Кто-то может и согласится, а кто-то — нет, но эти слова были моим якорем, за который я держалась всю мою недолгую жизнь.

Меня зовут Маша. Мне двадцать пять лет. Невысокая стройная шатенка с короткой стрижкой. Глаза тёмно-карие, губы бантиком, высокие скулы. Симпатичная, в общем.

Я сирота. Воспитывалась тётей, папиной сводной сестрой. Думаю, что нет особой нужды описывать трудную долю сиротинушки, тем более, что она таковой у меня не была.

Тётя Лида заменила мне родителей, была моим единственным другом и близким по духу человеком. Она проработала учителем начальных классов столько же, сколько мне лет. А ещё она была одержима любовью к романам, которой заразила и меня.

Правда, в последние годы обе мы поостыли. Тётя тяжело болела и ей трудно было читать. А кинофильмы она считала плохими копиями оригиналов. Я же училась в медицинском институте в городе, и не так часто могла приезжать к ней, чтобы почтить её. И у самой времени не хватало. Я так жалею, что не была рядом с ней в последние часы её жизни... Тётя запретила мне срываться с выпускных экзаменов. Она так мной гордилась.

Приехала я слишком поздно, в день её похорон. В нашем доме было непривычнолюдно. Знакомые и незнакомые мне гости разговаривали тихо, боясь нарушить покой умершей. Настолько тихо, что я не разбирала ни слова.

Оглушённое состояние продлилось вплоть до кладбища. Стоя у свежей могилы с огромным количеством свежих цветов, что закрыли полностью весь холм, я с ужасом поняла, что осталась совсем одна в целом свете. Плакала я долго, с надрывом, жалея себя и злясь на родителей, что выехали в дождливую ночь, не дожидаясь утра, на тётю, что так глупо заболела неизлечимой болезнью и бросила меня. На себя, что так и не сказала тёте, что я её люблю и очень ей благодарна.

Опустошённая и печальная пришла домой. В тот вечер я заснула, как убитая. На следующий день убралась в доме, приготовила себе полноценный обед и села читать любовный роман, действие в котором происходило в горной Шотландии.

Я нашла его на тумбочке, рядом с кроватью тёти Лиды. Целый пакет уже ненужных лекарств был вынесен ещё утром, и книга невольно привлекла яркой обложкой с угрюмым мужчиной в килте и мечом за спиной, едущим на коне, что держал хрупкую девушку за талию огромной ладонью.

Зачитавшись, я и не заметила, как наступила ночь. Мне приснился странный сон, как будто я бегу по лесу. По лицу мне били тонкие ветви деревьев, а кусты цеплялись острыми иглами за полы длинного платья. Под ногами лежал толстый слой прелой листвы и извивались змеями толстые корни деревьев. Нет-нет и спотыкалась об них, чуть не падая. Но продолжала бежать, задыхаясь и судорожно рыдая. Останавливаться нельзя. Меня гнал дикий, первобытный страх. Вокруг был густой туман, впереди неизвестность, а сзади доносился шум преследования.

Вскочила я с криком, вся мокрая, с колотящимся о рёбра сердцем. В то же утро уехала в город.

С тех пор уже прошло около года. Интернатуру проходила в больнице скорой медицинской помощи. Мне предложили остаться в отделении общей хирургии на постоянной основе. Заведующий отделением и по совместительству мой куратор выбрал меня из троих студентов.

Счастлива ли я была? Конечно. Жаль, что мои близкие не дожили, чтобы разделить со мной эту радость.

Первое время после смерти тёти мне было очень трудно. Я жила на съёмной квартире. Можно было пустить в свой дом в посёлке квартирантов, но совесть не позволяла, и я не хотела, чтоб к вещам тёти Лиды кто-нибудь прикасался. Особенно к книгам.

Денег едва хватало на аренду квартиры и на еду, а из одежды давно себе ничего нового не покупала. Всё изменилось, когда я встретила Павла. Впервые я увидела его на операционном столе. Поразила его красота. Заговорили на второй день, когда пришла на обход с лечащим доктором. Я опрашивала, он отвечал, при этом внимательно разглядывая меня и мягко улыбаясь. Было неудобно, и я уходила из палаты смущённой.

В течение десяти дней, что он у нас пролежал, мы подружились. А через месяц после выписки он пришёл с букетом цветов.

Павел был перспективным предпринимателем. Его фирма занималась поставками стройматериалов. До недавнего времени даже не предполагала, что они так быстро расширятся, заключив контракты с зарубежными поставщиками.

Я не стала возражать, когда он предложил мне поселиться у него. Полугодие серьёзных отношений позволяло пойти на такой ответственный шаг. Дом за городом, шикарная квартира в центре города. Отличный автомобиль.

Павел любил и умел хорошо себя преподнести. Высокий стройный брюнет с холодными синими глазами становился нежным и домашним, когда приходил домой. Он с удовольствием мог покушать то, что я ему приготовлю. А мог и потащить в крутой ресторан. Мог прийти домой смертельно усталым и заснуть у меня на коленях на диване перед телевизором, или потащить в страшно дорогой бутик, одеть меня в дорожное шмотье и объявиться на какой-нибудь скучной вечеринке в честь кого-то или чего-то.

Так что одна его часть мне безумно нравилась, а другая заставляла нервничать и откровенно пугала.

Незадолго до окончания интернатуры Павел надел мне на палец кольцо. Согласие я не дала, потому что и вопроса не прозвучало.

— Поговорим, когда я вернусь, — сказал он мне тогда и уехал на неделю по делам в Англию.

Прошла не одна неделя, но разговор так и не состоялся. То он был вне доступа, то я постоянно торчала в больнице. Редкий совместный ужин, быстрый перепихон, а утром разбегались.

Сегодня Павел пообещал, что вечером мы закатим праздник на двоих в доме за городом. Это много значило, потому что я знала, что его не прельщает работающая жена, но меня поддерживал. Для меня это было очень важно.

— Я подожду, пока ты созреешь, чтобы стать для меня полноценной женой и будешь принадлежать только мне, — сказал он мне как-то.

Эти слова задели меня тогда, но чувство собственника по отношению к себе всё же польстило. Ведь каждая женщина хочет быть любимой и нужной.

Вот только понятие о любви и нужности у всех разное.

Закончив обход больных, я отпросилась у заведующего и остаток дня решила потратить на себя. Маникюр, причёска, флакончик с ароматом понравившегося парфюма. Новое платье, туфли под цвет на гвоздиках и бесстыдно-ажурное бельё. Я была во всеоружии.

Такси подъехало к дому раньше назначенного времени на два часа.

Увидев две машины во дворе, слегка удивилась. Чувство липкой неприязни сдавило сердце. Одна из машин была Павла, а вот вторая точно принадлежала женщине. Ярко-красная, изящная дорогая игрушка.

Страшно захотелось очутиться на другом конце города. Нет, страны. Ненавижу такие ситуации. Всегда оставляют чувство гадливости, когда слышишь от других. А сейчас, со стопроцентной уверенностью в измене, я положила пакеты у входной двери и медленно стала подниматься по лестнице на второй этаж.

«Я могу сейчас уйти, переждать где-нибудь и прийти позже, сделать вид, что ничего не было. Пока я не увижу, это так и есть. Но, с другой стороны, зачем себя обманывать? Лучше сразу удалить гниющую плоть. Иначе зараза распространится. Для этого я трудилась? Такой ли я себе хочу жизни, начатой с обмана?» — с такими рассуждениями я поднялась на второй этаж и как сомнамбула поплелась к спальне.

В ней никого не оказалось. Мой облегчённый выдох был густым и тяжёлым. Почему-то саднило горло, а глаза горели.

— Спасибо, что хоть не в нашей постели, — сделала я очередной вдох-выдох.

Тихо прикрыла дверь и пошла дальше. В гостевой комнате было жарко. И не потому, что включено отопление. В комнате было сумрачно, но свет торшера падал на сплетённые в морской узел два тела. Кожа лоснилась от пота. Смотрелось даже красиво. Два великолепных образца женщины и мужчины двигались в извечном ритме плотского наслаждения.

Я даже с некоторой долей любопытства смотрела, как перекачиваются под гладкой кожей мышцы. Плечи, руки, ягодицы, бедра двигались в унисон, загоняя твёрдый член, покрытый любовными

соками, в ярко-розовое лоно, жадно принимающее его.

Голова мужчины была запрокинута, челюсти сжаты, глаза зажмурены. Из горла рвалось рычание.

А течная сука под ним выгибалась, лънула всё ближе, тёрлась всем телом.

Мокрая кожа была скользкой. Чтобы удержаться, тонкие пальцы впились во вздувшиеся мышцы острыми, длинными, с ярко-красным лаком ногтями. Несколько красных росчерков красовались на плечах. Девушка вскрикивала тонким хриплым голосом.

— Цвет ногтей под цвет машины. А звуки издаёт, как гиена, — хмыкнула я.

Мой голос произвел эффект разорвавшейся бомбы. Павел резко стащил с кровати простынь и прикрыл обоих.

— Маша!? — на выдохе произнёс он.

— Извините. Вы продолжайте. Прерванный оргазм вреден для здоровья. Особенно для мужского. Береги себя, Павел.

Не помню, как пробежала коридор, как слетела с лестницы. Машинально схватила ключи с комода в прихожей, где он обычно их оставлял, и выбежала во двор.

Я вдавила педаль газа и миновала ворота, когда увидела мужчину, выбежавшего на улицу. Уже в брюках, в накинута рубашке, но босого.

Я гнала машину на всей скорости, но замедлилась, выехав на трассу. Водила я плохо. А умирать не собиралась. Мне всего лишь нужно было забрать вещи из квартиры, пока не примчится бывший любовник.

Кто же знал, что у судьбы на меня другие планы?

Глава 2. Узница

До дома оставалось совсем немного, когда случилось непредвиденное.

Я всегда считала, что случайности не случайны. И ещё, если тебе не везёт, то по полной программе армагиддец. Не знаю, у кого как, но у меня точно.

Я увидела, как на дорогу выкатился мяч. По закону жанра о дорожных происшествиях сейчас под колёса должен был прыгнуть ребенок, побежавший за мячом. Я нажала на тормоз и машина встала, как выкопанная. Не успела я облегчённо вздохнуть и посмеяться над своими умозаключениями, как на дорогу (правда, странно?) выбежал мальчишка лет десяти.

Краем глаза уловила движение в боковом зеркале прежде, чем в мою машину въехали сзади. Автомобиль дернулся вперёд и встал поперек дороги. Едущий по встречной дороге водитель внедорожника отвлёкся на секунду на нашу аварию и в последний момент увернулся от мальчишки, застывшего посреди дороги со злополучным мячом в руках и со всей дури въехал в бок моей машины, сминая её чуть ли не в лепёшку, вдавив в автомобиль, что влетел раньше.

На всё про всё ушло буквально несколько секунд. Но этого хватило, чтобы моя бедная голова ударилась об стекло дверцы. Подушки безопасности сработали поздно.

Перед тем, как я погрузилась в темноту, вспыхнул яркий свет.

«Вау! Это я умерла что ли?» — мелькнула и погасла мысль вместе с моим сознанием.

Очнулась я лицом в мутной вонючей жиже. Быстро встала на ноги и отряхнулась от прилипшей, склизкой от грязи, жухлой листвы. Кругом стоял осенний лес. Деревья были полуголыми, под ногами толстый слой из засохшей травы и листвы. Я покружилась вокруг себя. Везде деревья. И что ещё хуже, с неба сыпала холодная изморось. Я вздрогнула от холода и схватилась за плечи.

Только сейчас догадалась осмотреть себя. На мне был длинный чёрный плащ с остроконечным капюшоном. Под ним мерзкого бурого цвета платье из грубой шерсти длиной до пят. Из-под подола выглядывали ботинки. Я пошевелила ногами. Пальцы в толстых шерстяных носках заныли.

«Как только я их надела? Это скорее колодки, а не обувь» — подумала я.

И вдруг в голову пришла здравая мысль: «А какого рожна я здесь делаю? Что это за место? На парк не похоже. Когда я успела нацепить на себя это рубище? И где я достала такой наряд? И вообще, я должна сидеть в машине. Или уже ехать в больницу с шишкой на голове. Стоп. Я в коме. Это точно» — решила я для себя.

А потом вспомнила сон, что мне приснился в день похорон тёти. Подумать над этим я не успела. Со стороны послышался шум погони. Собаки, лошади, крики людей.

«Господи, это ищут меня?» — ужаснулась я.

И почему-то меня понесло в обратную сторону от шума вместо того, чтобы идти навстречу. Я старалась бежать, но мешали полы намокших плаща и платья, что путались между ног. И ещё я заметила, что низ живота тянет и болит. С каждым шагом всё сильнее. В какой-то момент я даже почувствовала, что по ногам течёт тёплая жидкость.

— Что это за хрень? — возмутилась я, когда, сунув руку под подол, вытащила окровавленную ладонь. Мне чуть дурно не стало. И так дыхание сбивалось и кружилась голова, а тело стало бить от озноба. Дождь, усталость, неприятие происходящего, потеря крови сделали своё дело. Через минут десять, что растянулись для меня на часы, я просто свалилась у одного из деревьев. С трудом выпрямилась, прислоняясь спиной к мокрому шершавому стволу.

В глазах двоилось. Вокруг и так было пасмурно, а для меня ещё и резкость упала. Лай собак был слышен всё ближе. Впереди раздался шум. Ко мне приближался кто-то огромный.

— Только не ешь меня живой, мишка, — были мои последние слова перед тем, как я окунулась в чёрный омут.

Отрывочно помню, что меня укачивало, от чего рвало. Спазмы сопровождалась резкой болью внизу живота. Меня трясло от жестокого холода, что пробирался прямо до костей, а затем я плавилась на жарком огне. Помню прохладу на лбу, струйки тёплой воды, что струились по пищеводу, а затем попадали в желудок, следом выворачивая его наизнанку.

Очнулась я в тёмном помещении. Первое, что мне пришло в голову, что меня заживо похоронили.

Не успел ужас охватить мысли, подумала, что таких просторных гробов не бывает. Вот в склепе — точно.

Зрение было ясным, голова светлой и пустой от каких-либо переживаний. Я лежала на узкой деревянной кровати, без мягкого матраса. Топчан, кажется так её называют, или кушетка. Накрыта я была тонким шерстяным одеялом, от которого исходил кислый запах застоявшейся грязи. Как и от сомнительной белизны длинной ночной рубашки на мне. Рядом стоял табурет, а чуть поодаль небольшой столик из грубо обработанных досок. На нём находились глиняный кувшин и стакан из того же материала.

Комнатушка была похожа на клеть. Узкая, длинная. Этаким каменный мешок. Стены побелены, но так давно, что известка пожелтела и пообсыпалась местами.

За деревянной и, как ни странно, добротной дверью, раздался шум. Звякнул замок, и она открылась со скрипом.

В комнату вошёл, склонив голову, чтобы не удариться об низкую перекладину, высокий мужчина в странной одежде. Но меня интересовало его мрачное лицо. Что бы ни происходило, объяснения я могла получить только от него. Почему я так решила, сама не знаю. Но точно чувствовала, что я его знаю и боюсь.

— Очнулась? Стоило ли подвергать себя опасности, убегая? Если бы ты умерла, это посчитали бы самоубийством.

— Я... — от першения в горле я закашлялась.

Мужчина наполнил стакан водой и протянул мне. Руки были слабыми и невероятно сильно тряслись. И я ничего не могла с этим поделать.

Мне помогли. Крепкая тёплая ладонь поддержала затылок. Вода была затхлой и не вкусной. С трудом сделала два глотка и отвела руку. Отметила контраст своей худой, почти прозрачной кисти, что белоснежным мазком выделялась на смуглой коже крепкой руки.

— Хватит. Как давно не меняли эту воду? — поморщилась я.

— Ты и здесь умудряешься возмущаться, — скупое ухмыльнулся посетитель.

— Вы кто? — спросила я, мягко подтянувшись на кровати, принимая удобную позу, если это возможно так назвать. Подушка будто набита камнями.

— Не понял, — прищурился мужчина.

— Вы мне кто? — снова задала я вопрос. Делая акцент так, чтобы выглядело не как обычный вопрос, а как желание дать возможность высказаться. Сработало.

— Твой муж, — вкрадчиво ответил он. Точно не дурак. Чует подвох.

— Почему, если я ваша жена, я нахожусь в этих ужасных условиях? Неужели я так провинилась, что вынуждена, будучи больной, быть заключённой среди этих мрачных стен? Я наказана? Так уже несколько раз искупила свою вину.

— Ты прекрасно знаешь, почему ты здесь, — мрачно произнёс мужчина.

— Неужели? За какое такое прегрешение можно посадить в тюрьму больную жену? — стала напирать я, почувствовав лёгкую неуверенность (или вину?). Скорее всего, от меня (от этой женщины) хотели избавиться.

То, что это не моё тело, я поняла ещё в лесу. Некоторые фразы, услышанные, когда наступало просветление между приступами лихорадки, женщины в мрачных робах, что ухаживали за мной, — всё это говорило о том, что я не дома, а вселилась в чужое тело.

Я отгоняла от себя эти мысли, чтобы не сойти с ума. Но сейчас передо мной сидел тот, кому я обязана своим состоянием (вернее, эта бедная женщина). И мне надо выжить, хотя бы пока не пойму, что к чему.

— Я приехал за тобой и ребёнком. Но ты решила убежать, — выдавил из себя мужчина.

— Значит, было от чего бежать. Но больше я этого делать не буду. Обещаю, — решила пойти на уступки. Может и передумать. — Заберите меня отсюда. Я хочу домой.

— Ты ещё очень слаба. Дорогу можешь не выдержать. Я заберу сына. За тобой приеду позже.

— На сколько позже?

— Сейчас холодно. Дороги развезло от дождей. Весной. А пока побудешь в монастыре. Мать Анна обещала присмотреть за тобой.

— Так присматривала, что я сбежала отсюда сразу после родов, — возмутилась я. — Ты не приедешь. Я чувствую это. Пожалуйста, возьми меня с собой! Если я даже сдохну по дороге, я убегу отсюда и последую за своим сыном, — привела я последний аргумент.

— Хорошо. Завтра выезжаем.

Он встал и прошел к двери, но остановился.

— Ничего для тебя там не изменится, Мелинда, — сказал он, слегка повернув голову, и вышел.

Дверь закрылась и послышался звук замкнувшегося замка.

Глава 3. Покушение

— Проклятье! Что за попадалово?

Мне было очень плохо не только физически, так как я чувствовала себя так, будто меня переехал грузовик, но и душа металась.

— Ах да. Я же попала в аварию. Совсем забыла, — горько пробормотала я.

На душе было хреново. Я была уничтожена нравственно и морально. Унижена дальше некуда. А тут ещё и попала чёрт знает куда. Да ещё и в тело родившей женщины, которую муж не только ненавидит, но и упёк в монастырь.

— Отличный антураж. Подходящие персонажи вокруг. Завкасса сценария лучше не придумаешь. Просто супер. Можно сразу снимать фильм. Господи, что же мне делать? Повторяй, глупая: всё, что ни делается, к лучшему.

Повторила. Несколько раз. Не помогло.

— Так. Остаётся только одно. Задавать много вопросов. Отвечать вопросом на вопрос. Слушать и смотреть. Подслушивать и подсматривать тоже не возбраняется. Надо для дела, хоть и противно. Успокойся, Маша. Всё путем. Раз сюда попала, значит, наверху знали, что делают. Так просто через время не путешествуют.

Замок опять звякнул. В каморку (или келью, что правильней?) вошла худощавая особа с мертвенно-бледным лицом и с выражением смирения со своей судьбой. Очень симпатичная девочка лет пятнадцати. Может и больше, но выглядела она как подросток. Глазки долу (киндер-сюрприз, не верю я таким смиренным).

— Я принесла вам вещи, леди, — тихо сказала она, предварительно оглянувшись. — Жаль, что не получилось. Лорд прислал человека узнать, почему вы не появились на месте встречи.

— Кто же знал, что супруг явится за мной именно сегодня? — осторожно ответила я слабым голосом. Почувствовала себя сапёром на минном поле.

— Я тоже не знаю. Вроде он был в отъезде. В Абердин направился. Информатор не мог ошибиться. Что вы намерены делать дальше? — поинтересовалась она.

Мне её интерес совсем не понравился. С чего бы простая послушница интересуется моими планами? То, что она называла меня леди, говорило о том, что она из простых. Не одного мы ранга, хоть и узницы обе.

— Я обязана отчитываться? — надменно спросила я, дёрнув бровью.

— Нет, что вы? Простите меня, — повинилась она, но в голосе не было ни тени раскаяния.

«Темнишь ты что-то. Надо рвать отсюда когти. Такие помощники и соглядатаи мне не нужны. Ещё и левый лорд какой-то отыскался.

— Ничего, дорогая. Я просто устала и расстроена. Завтра утром меня забирают, ты же слышала? — печально произнесла я, щупая почву.

— Да. Лэрд Годвин попросил матушку подготовить вас на выезд с сыном к рассвету. Вы уверены, что ребёнок будет в безопасности?

— Почему ты спрашиваешь? — резко спросила я. — Он же его сын. Его кровь и плоть, — слишком эмоционально ответила я. И сразу же пожалела об этом. Не зная, к чему приведет разговор, надо было бы быть осторожней. Мысленно уже побилась головой о каменную подушку.

— Кому это знать, как ни мне? Будь он не его ребенком, вы бы не ушли из монастыря одна.

Я чуть облегчённо не выдохнула, обрадовавшись, что опять пронесло.

— Выпейте отвар и ложитесь. У вас только несколько часов для отдыха. Ехать далеко. В вашем состоянии очень опасно. Прощайте, леди.

— Прощай, сестра.

Имени я её не знала, так что подумала, что так назвать её правильнее.

Я думала, что не усну. Шорохи, стоны, надрывный кашель кого-то за стенкой, гулкие шаги, когда кто-то проходил. Стены хоть и каменные, звуки пропускали. Не вздохнёшь, чтобы не услышали.

Но стоило коснуться подушки, как я заснула мгновенно. Нырнула, как в омут, и вынырнула в ослепительно-белой палате. На потолке люминесцентные лампы, широкое чистое окно. Рядом с головой пикал аппарат искусственного дыхания. Во рту торчала трубка. Повернув голову, увидела нашего заведующего, незнакомого врача и Павла, с которым они разговаривали. Выглядел мой женишок неважно. Бледный, с синяками под глазами, хоть и безупречно одетый. Какого чёрта он здесь забыл?

Потом вдруг до меня дошло, что я попала обратно в свой мир. Моё дыхание участилось, сердце забилось быстрее и рядом запиликал другой прибор, фиксирующий изменения гемодинамики.

«Как же хорошо. Это просто коматозное состояние. Надо же... А как всё выглядело реально»

Павел бросился ко мне. Увидев, что я открыла глаза, схватил за руку, то сжимал, то разжимал и что-то быстро говорил. Как сквозь толщу воды до меня доносились слова, которые я слышать не хотела. Он это понял по моим глазам.

— Ты только вернись ко мне. Дай мне шанс извиниться! Всё будет хорошо, обещаю тебе! Я всё равно тебя никуда не отпущу!

От отвращения и обиды я стала задыхаться. Только на секунду прикрыла глаза и тут же открыла, а надо мной нависла сестричка. Я снова в келье, а над головой, прямо под потолком, небольшой оконный проём с решеткой.

— Почему ты не выпила отвар? —дохнула она на меня несвежим дыханием. — Сколько от тебя проблем, ведьма! Ты никогда его не получишь! Ты не заслуживаешь его любви.

Я даже ответить или спросить, кого она имела в виду, не успела. Я ещё не отошла от разительной смены обстановки, как девушка решила действовать.

Лицо резко накрыли какой-то вонючей тряпкой. Я хотела вытащить руки, но девушка навалилась мне на грудь всем телом и зафиксировала одеяло. Я стала задыхаться. Никогда бы не подумала, что такая худышка может обладать такой тяжестью и силой.

Она попыталась обмотать тряпкой мою голову, но я прижалась затылком к каменной подушке (спасибо, что она не мягкая), и у неё ничего не получалось. Я хоть и слабела, но умудрилась вдыхать воздух через вонючую ткань. Ещё немного — и грудь разорвёт от боли. Нехватка кислорода вызвала приток крови и мне казалось, что лёгкие горят огнем. В голове шумело.

«Не дамся, дрянь! Я ещё не успела пожить. Хоть и в этом грёбаном жутком месте, но я хочу жить»

Ноги мне никто не держал. Освободив их от одеяла (благо, ночнушка была с широким подолом), я вскинула и обхватила коленями голову девицы, скрепляя голени перед её лицом.

Резкий рывок — и хрупкая тушка опрокинулась в бок и назад, с противным хрустом стукнувшись головой о каменный угол дверного проёма. Я присела в кровати, спустив ноги и попытаюсь отдышаться. Девчонка не подавала признаков жизни. А рядом с ее головой росла темная лужица.

«Блин, меня же казнят за убийство в монастыре», — подумала я с ужасом, пытаюсь сообразить, как мне выпутаться из этого происшествия. Я вылила на себя отвар (предположительно яд или убойная доза снотворного), разорвала рубашку, взлохматила ещё больше волосы и, схватившись за ворот, побежала к двери, а оттуда просто вывалилась в коридор и больше не вставала. Холод грязных каменных плит проник внутрь вплоть до сердца.

Вскоре раздался крик, топот ног. Кто-то забежал внутрь кельи. А меня подняли на руки и занесли обратно.

К моему большому удивлению, шума почти не было. Как будто ничего и не случилось.

— Одевайся. Мы выезжаем сейчас же, — только и сказал мне мой якобы муж.

Было ещё очень рано, но светало. Дождь прекратился, но туман ещё стелился в низинах, храня сырость от зарождающегося дня и солнечных лучей.

Наш отряд состоял из десяти человек, включая меня и лэрда, как они его называли. Только отличался он от них значительно. Первое впечатление при дневном свете было таким же, как и в тёмной клетушке при свете лучины. Открыто его разглядывать или остальных воинов я не решалась.

Слабость никуда не ушла, но чувствовала я себя бодрее на свежем воздухе. Дышала полной грудью, пряча лицо под капюшоном и кутаясь в толстый шерстяной плед.

Я сидела на повозке, похожей на дроги, накрытые слоем сена. Рядом со мной восседала пухлая

женщина, одетая в сто одежек и прижимала к себе корзину, накрытую тоже пледом. В ней спал младенец. Предположительно, мой ребёнок.

Я грустно смотрела на дорогу, на две борозды, оставляемые деревянными колёсами в грязи, и на стройные ноги лошадей, месящих коричневую жижу.

Хотелось уснуть под чавканье и топот и проснуться дома. Никаких радужных мыслей насчёт будущего Мелинды у меня не было.

Глава 4. Маленькая победа

Остановились мы всего раз, чтобы справить, кому надо, малую нужду. Я бы ещё поменяла тряпки между ног. Но, наверное, придётся потерпеть. Тянувшая боль внизу живота была пока терпима. Ещё и грудь ныла, но тоже терпимо, если не касаться её. Грудь наливалась и я чувствовала, что скоро у меня начнутся проблемы со сцеживанием молока.

Когда я с трудом залезла на дроги (помогать мне никто не спешил), мне в руки сунули свёрток из чистой тряпицы. В нём я нашла кусочек твёрдого сыра, по специфическому запаху овечьий или козий, а также ломоть чёрного, грубого помола, хлеба.

Я давилась жёсткой пищей, пока моя спутница не протянула мне бутылку с сильно разведённым вином.

— Я не буду это пить, — отказалась я. — Мне бы простую воду.

— Это лучшее, что есть. Воду никто с собой не берёт в дорогу, — обиженно поджала губы женщина.

— Почему я не слышала, что ребёнок плачет? — вспомнила я о твердеющей груди. Всё-таки я не вынашивала это дитя и материнское чувство во мне ещё не проснулось.

— Я покормила его, когда вы спали, — всё ещё дуясь, пробурчала женщина.

— Ты кормилица? — спросила я.

— Нет, конечно, — возмутилась пышка, как будто я её оскорбила.

— Дона, когда ты успела сиськи молоком накачать? — воскликнул один из воинов. — Вроде не рожавшая. Надо у Гара поинтересоваться.

Раздался дружный хохот. Посыпались скабрзные шуточки. Один из массивных всадников с рыжими патлами грубо отчитал шутника, бросая взгляды на мою спутницу.

Я постаралась поймать в поле зрения чёрного коня, на котором ехал лэрд. Предсказуемо, что тот даже не оглянулся. Зато его спутник резко обернулся, но я успела опустить голову и сделала вид, что поправляю плед на корзине. Сунула руку глубже. Вроде тепло.

Но что-то не давало мне покоя. Сама не могла понять, что. Ребенок, вроде, действительно спал. Щёчки только были неестественно румяными. Поцеловала его в лоб. Вроде не горячий.

— Чем ты его кормила? — задала я снова вопрос.

— Вы такая неугомонная. Откуда такой интерес вдруг проснулся? Не плачет, в тепле. Что ещё надо? — дерзко ответила женщина и даже не отвела наглого взгляда.

— Это мой ребёнок. Если с ним что-нибудь случится, землю заставлю жрать. Отвечай, — повысила я голос.

Дона побледнела и её стало трясти. Она пыталась выдавить из себя слёзы.

— Что здесь происходит? — раздался голос с моей стороны.

— Я лишь интересуюсь... — не поднимая головы начала я.

— Вы меня взяли с собой, чтобы я присмотрела за молодым господином. А леди сопротивляется, — автоматной очередью выдала женщина, перебивая меня и довольная собой вздохнула.

— Что ты себе позволяешь? — возмутилась я. Но, поняв, что наступила абсолютная тишина, подняла голову и посмотрела прямо на Годвина.

«Господи, что за мужчина! — проскочило у меня в голове. — Побрить, постричь и отмыть — просто электрошок для эстета»

Широкий разворот плеч, гордо посаженная голова с аристократическими чертами, резковатыми, но правильными. Прямой нос, острые скулы, чувственный рот и жгуче-чёрные глаза. Волосы до плеч. Руки, ноги накаченные, мускулистые. Ткань одежды была растянута до предела. Не так повернётся — треснет. Широкий клетчатый плед закрывал туловище и левое плечо. За спиной торчала рукоять меча.

— Чем ты недовольна сейчас? Мне пожалеть, что я взял тебя с собой? — вкрадчиво спросил он. Тяжёлая аура давила, как невидимый груз. Внутри меня паниковала маленькая испуганная девчонка. Но сейчас разговор шёл не обо мне.

— Я хочу выяснить, чем кормят ребенка. Только и всего, — спокойно ответила я, радуясь, что голос не дрожит.

— Она не хотела пить вино. Брезгует, — не выдержала Дона, пытаясь увеличить мои прегрешения. Под взглядом чёрных глаз она поперхнулась. А я вздохнула чуть глубже. Смотреть прямо в глаза этому мужчине — то ещё испытание.

— Так чем ты его кормила? — прозвучал вопрос от лэрда.

У меня глаза стали, наверное, величиной в пять копеек.

— Вином? — как бы спрашивая, ответила женщина.

— Я для чего тебя взял с собой? — воздух вокруг заметно сгустился.

— Я думала, что мы доедем быстро. А так — ребенок спит. Никому не мешает. Все женщины так делают, — залепетала испуганная пышка.

— Будьте добры, уберите эту особу отсюда. Я сама присмотрю за своим сыном, — сухо потребовала я.

— В ближайшей деревне найдём молоко и служанку, чтобы присмотреть за ребёнком, — решил лэрд.

— Это займёт больше времени. Если сделаем такой крюк, мы не успеем до вечера добраться, — вклинился в разговор тот, кто всю дорогу ехал рядом с лэрдом.

— Кевин, — строго осадил парня Годвин.

— Я сама присмотрю за сыном и кормить его буду сама, — сказала я достаточно громко. И второй раз за последние несколько минут увидела людей в шоке.

«Совершаю одну ошибку за другой. Я так совсем скоро спалюсь» — досадливо поморщилась и чуть не икнула. Мужчина не спускал с меня внимательных глаз.

Ребенок решил проснуться именно в этот момент. Дона демонстративно отвернулась и стала слезать с дрог.

— Пелёнки дай, — дернула я её за рукав.

— Мне ничего не дали в дорогу, — ощерилась женщина.

— Ладно. Обойдёмся, да, малыш? Безо всяких грозных дядек и противных тётек, — заворковала я.

Высвободилась от кокона из пледа, приподняла подол и вытянула нижнюю рубашку.

— Могли бы отвернуться, — буркнула я, не поднимая головы, зная, что все пялятся. Леди решила заняться ребенком — небо на землю рухнет. Все мои потуги разорвать ткань не приводили к успеху.

— Ножик дайте, — протянула я руку.

Кевин недоверчиво протянул мне нож с широким лезвием. С ним я справилась быстрее. Отрезала приличный кусок от рубашки. Разорвала и его на две части.

«До вечера хватит, наверное», — подумала я.

Надо было ребенка перепеленать. Но в такой холод это сделать было невыносимо, хоть солнце и светило ярко.

— Помогите сделать из пледа шалашик, чтобы ребенка не просквозить. Я быстро справлюсь, — попросила я.

Как ни странно, мне помогали Гар и Кевин. Через минут пять вонючая тряпка улетела в кусты. Стараясь максимально не раскрывать ребенка, я его быстро перепеленала. Ножом распорол платье в области груди, рассекая тесёмки. Прижала к груди ребёнка и попросила нас укутать. Первый захват сока мягким тёплым ртом пустил сладкую стрелу в грудь. А когда мальчишка присосался, я чуть не застонала от боли. Слезы брызнули из глаз.

— Едем! — крикнул Годвин.

Я взглянула из-под капюшона. В чёрных глазах мужчины, прямо на самом дне, трепыхалось удивление. Может, мне и показалось. Потому что он сразу отвернулся и поскакал вперёд. Мой транспорт тоже покатился, натужно скрипя.

Где-то через полчаса я уже лежала на мешковине, пахнувшей прелым сеном, крепко прижимаясь к корзине, где сладко спал малыш. Мне бы тоже уснуть и проснуться дома. Вся эта ситуация с ребенком, кормлением, с грубым окружением и антисанитарией меня убивала. Малыша я забрала бы с собой. Однозначно.

Незаметно для себя я уснула, но никаких передвижений, никаких снов не наблюдалось. Я проснулась ближе к вечеру, от радостных возгласов. Когда я присела, мне открылся потрясающий вид. Вдали виднелся замок, расположенный на берегу огромного озера, у самых гор.

— Какая красота! — восхитилась я.

— Ты же ненавидишь это место. Тебе бы в бродячем балагане играть. Ничего не изменится, Мелинда, — сухо произнёс мой муж.

— Ты меня хочешь в этом убедить или себя? — спросила я и мысленно раз двадцать ударила себя по лбу рукой.

Мужчина гикнул и погнал коня галопом.

Глава 5. Дом, где тебя не ждут

— Почему ты его дразнишь? — вопрос Кевина застал меня врасплох. Да я и не ожидала, что кто-то ко мне обратится.

— С чего ты взял? — повела я плечом. — Соскучилась я по нормальному общению. Знаешь ли, тесные стены и всеобщее скорбное выражение лиц и чувство безысходности настраивают на философский лад. Тут с драконом поговоришь, не только с предателем мужем.

— Будь осторожней в выражениях, Мелинда: языка лишиться недолго. Или вернём тебя обратно к матери Анне, — хищно улыбнулся Кевин.

— Ну, конечно. Вы же молча разрешили ему совершить такой некрасивый поступок. Премного благодарна за совет, братец, — съязвила я.

Кевин поджал губы и резво отъехал. Правда никому не нравится.

Остановившийся было транспорт резво покати́л по неровной дороге. Красота места меня уже не привлекала. Тем более, что темнело довольно быстро. Я с тихим ужасом смотрела на стены крепости, что надвигались на меня так неумолимо. С грохотом промчавшись по деревянному подъёмному мосту через глубокий, мрачно чернеющий ров, наш отряд въехал во двор через массивные ворота.

Дона очень резво для своей комплекции прыгнула с лошади, на которой её везли впереди одного из воинов, и не оглядываясь засеменила ко второй стене, что вела в верхний двор, где виднелась четырёхугольная башня в несколько этажей. Темнота опустилась внезапно. Стали зажигаться факелы. Все занимались своими делами, только я сидела и не двигалась. Через некоторое время, когда я отчаялась, что обо мне вспомнят, подошла миловидная женщина и хмуро уставилась на меня.

«Достали. Что за отношение к хозяйке?» — возмутилась я.

— Я надеюсь, что детская готова? — надменно спросила я. Женщина приподняла бровь.

— Я что, непонятно выражаюсь или ты онемела и оглохла? — с нарастающим гневом поинтересовалась я.

Женщина выдернула из моих рук корзину и пошла вперёд. Неуклюже прыгнув с досок, я поплелась следом.

Внутренний двор был более обширным. Здесь было много построек, о назначении которых мне вскоре придётся узнать. Все сновали по своим делам, кидая неприязненные взгляды.

«Господи, что эта женщина им сделала?»

Мы подошли к башне, и я зашла следом в просторный зал с огромными окнами и просто гигантским камином, который жарко горел.

Женщина не останавливаясь пошла наверх, я за ней, попутно отметив, что хозяин крепости, Кевин и несколько человек сидят за столом. Рядом с Годвином находилась очень красивая молодая женщина и громко смеялась.

Я отвернулась и поспешила за угрюмой прислугой по лестнице.

— Идите в свою комнату. Вас проводит Силва. Здесь детская, — буркнула тётка, положив корзину на стол и вытаскивая ребёнка.

— Есть чем его перепеленать? — спросила я её. — Эти вещи грязные. Его кормили недавно, но он захочет ещё.

— Ребенком займётся кормилица. Она скоро придёт. Идите в свою комнату, — невозмутимо продолжила она.

— Повернись сейчас же, — прошипела я. Женщина с удивлением повернулась. Малыш стал кричать. Сейчас расплачется. — Какого рожна ты позволяешь себе со мной так разговаривать? Немедленно предоставь мне гребанные тряпки и отошли кормилицу. Я не позволю кормить ребенка неизвестно кому. Поняла?

— Поняла, леди, — презрительно бросила женщина и вышла за дверь, намеренно стуча башмаками.

Глубоко вздохнув, я присела. Через несколько минут мне принесли охапку тряпок. Пахли они

чистотой и лавандой, к большому облегчению.

Дверь резко открылась, когда я сидела к ней спиной и кормила пацана.

— Даю тебе неделю, чтобы оправиться, и ты вернёшься обратно, —дохнул мне в шею горячий воздух, смешанный с алкогольными парами.

— Отойди. Ты ребёнка напугаешь, — спокойно ответила я Годвину, не поворачиваясь.

Мужчина обошёл меня и уставился на молочно-белую грудь, что сосал малыш, смачно причмокивая.

— Зачем ты это делаешь? — вдруг устало спросил муж.

— Что я делаю? Занимаюсь своим ребёнком. Это запрещено? — удивлённо спросила я, поднимая голову. Лучше бы я этого не делала. Жгуче-чёрные глазищи сверлили во мне дырки не хуже дрели. — Я не сделала ничего плохого, — к моей досаде, голос дрогнул и мужчина поморщился. — Мне ничего не надо. Я хочу быть со своим сыном. Я разве просила что-нибудь для себя, для своего удобства? Нет. Оставьте меня в покое! Такое чувство, словно я сих пор сижу узницей взаперти.

— Разве это возможно? Я не верю в твоё смирение, — тяжело вздохнул мужчина.

— Я и не говорю, что я превращусь в овцу. Но, если я ваша жена, то будьте добры разъяснить своим людям, что я здесь хозяйка. Пока мы женаты.

Только после того, что я сказала, поняла, что ляпнула глупость.

— Если бы... Давно бы подал на развод. Не пойму, почему ты согласилась на этот брак? Ведь могла отказаться, — пустился он на откровение.

— С чего ты взял, что я не хотела за тебя выйти? Может я рассчитывала создать нормальную семью. Почему ты никогда со мной толком не поговорил? Именно со мной?

— Прекрати, это не имеет смысла. Неделя, и не больше, — как отрезал, сказал он.

— Ни за что! Слышишь? Только попробуй меня ещё раз куда-нибудь отослать! Я не буду смиренно ждать ссылки. Ты уже знаешь, что могу выкинуть, что угодно, — пригрозила я.

— Я сверну твою шею, — схватил меня за шею длинными пальцами мужчина. — Замолчи или всё закончится здесь и сейчас.

— Ну, давай. Убей меня, когда я кормлю твоего ребенка. Не станешь же отрицать, что он твой? Ну, давай же. Что ты медлишь, лэрд Годвин?

Мне казалось, что я от гнева одним взглядом его испепелю. Но страх опять мной завладел.

«Что я творю? Я сумасшедшая провоцировать льва, положив голову в пасть?»

Сердце заколотилось, как у пойманной птички.

На лице мужчины сменилось несколько выражений. Только одна эмоция привлекла моё внимание — боль.

Может он и не любил Мелинду, но боль предательства мучила его. Я почему-то была уверена, что женщина ничего предосудительного не делала. Не может быть, чтобы такому мужчине изменили. К тому же беременность, роды, нахождение в монастыре. Не до шашней.

— Я не предавала тебя, Годвин, — прошептала я.

Он резко отнял руку и стремительно удалился, хлопнув дверью. А я, судорожно вдохнув застоявшийся воздух с запахом сырости и дыма, всхлипнула. Но с усилием воли сглотнула предательский ком в горле, погладила саднящую кожу на шее.

«Я ещё вам покажу! Сволочи. Все скопом на одну маленькую Мелинду. Кем бы она ни была, это неравная схватка!»

Когда пришла служанка, я приказала перенести корзину с ребенком в мою комнату.

Если бы я осталась одна в этом неизвестном мне жилище, я бы могла сойти с ума.

Как ни странно, в комнате было тепло. В камине горели дрова, разнося приятный и уютный аромат костра. И не так затхло, как в детской. Огромный стержень свечи венчался маленьким лепестком жёлтого огонька, что всего на полметра разгонял темноту. Служанка улеглась в углу на

деревянный топчан, накрывшись меховой курткой и сразу захрапела. Счастливая.

Я зарылась в тяжёлое меховое одеяло на огромной кровати с балдахином и переложила младенца к себе под бок. Так теплее и вставать не придётся ночью.

До самого утра мне снились глаза Годвина и его потрясающие губы.

Глава 6. Информация

Проснулась я от скребущих звуков. Потихоньку выглянула из своей пригретой норки. В комнате было холодно. Служанка — Силва, кажется, — сидела ко мне спиной и выгребала из камина золу. Рядом лежало несколько поленьев и связка хвороста. Я медленно осмотрела помещение.

Высокое окно с витражным стеклом в мелкую ячейку, тяжёлые, даже на вид, деревянные ставни, что сейчас были распахнуты. Большой сундук, окованный железными пластинами. Небольшой столик рядом с окном. На стене висело прямоугольное зеркало в серебряной оправе. Стул с витой спинкой. Дальше виднелась дверь, меньшая по размеру, чем входная. На полу — пушистый ковер с разноцветным узором. Непозволительная роскошь в этом месте, как и тяжёлые гобелены, потемневшие от времени. В комнате было сумрачно, день только зарождается.

За сосок дёрнули, и сладкая волна прокатилась по телу. Нежность затопила сердце. Младенец спал крепким сном. Губки приоткрылись, и я смогла освободить ноющую грудь.

Тихо выскользнула из-под одеяла. Тело обдало прохладой. Я передёрнула плечами от озноба, осмотрелась и увидела на деревянном кресле рядом с кроватью брошенный халат. Тяжёлая бархатная ткань укрыла мою замерзающую тушку полностью.

Девчушка даже не оглянулась. Она за это время успела поджечь лучину и подложить её под хворост, что аккуратной стопкой был уже сложен в жерле очага. Огненные языки сразу лизнули сухие ветки.

— Силва, открой окно, — попросила я, подходя к столу. Выдвинула ящик и нашла гребешки.

Поворошила серебряные шпильки, странной формы заколки с камнями, выдвинула шкатулку, но открывать её не спешила: пока не было настроения. Поэтому задвинула её в дальний угол.

Девушка не торопилась исполнять мою просьбу.

Я развернулась и долго смотрела ей в спину. Она уже положила несколько поленьев, по комнате пополз дым от сырого дерева, но его затянуло обратно в дымоход. Хорошая вентиляция.

— Подойди, пожалуйста.

Силва вздрогнула, но поднялась и подошла, остановившись в двух шагах.

— Ещё ближе, если тебе не трудно, — попросила я. — Посмотри на меня.

Взгляд больших голубых глаз был печальным и виноватым.

— Я сделала тебе больно в прошлом? — задала я участливо ещё один вопрос.

— Нет, — тихо прошелестела она.

— Наказывала тебя, обижала?

— Нет.

— Так в чём дело? Я понимаю, что остальным я чем-то не угодила, включая мужа. Правда, не пойму, чем. Но ты-то ведь моя служанка!? Почему ты игнорируешь мои просьбы? Я же могу и приказать. Но не хочу. Должен же быть хоть кто-то, кому я могу доверять? Кто станет мне другом? — я взяла её за руки. Небольшие ладошки с шершавой кожей и мелкими царапинами. — Я жду. Ведь ты хочешь мне что-то сказать, и я это чувствую.

Глазки девушки забегали, губы задрожали.

— Я не дам тебя в обиду. Ты же видишь, что я вернулась? И не собираюсь никуда больше уходить.

— Простите меня, госпожа, ради Бога. Умоляю вас! Я виновата. Я испугалась. Я сама, клянусь вам жизнью, ничего не делала, но промолчала, когда вас увозили. Я так переживала всё это время. Мне обещали, что выгонят из замка. Куда я пойду? У меня никого нет. А сейчас... а сегодня ... Защитите, умоляю-ю-ю-ю-ю...

Горькие слёзы и тихий плач Силвы очень меня расстроили. Мне было и жаль её, и обидно, что своим молчанием она тоже меня предала. Но я не могла позволить сломать девчонке жизнь.

— Что сегодня? Говори яснее, — потребовала я.

— Сегодня меня отправят в деревню. Отдадут замуж за Кайдена, — всхлипнула служанка.

— Что плохого в замужестве? — удивилась я. — Ведь каждая девушка мечтает выйти замуж.

— Не за старика же! Он мне в дедушки годится и умом тронутый, — обиженно произнесла она.

— Понятно. И кто у нас такой смелый и обладающий властью, чтобы распоряжаться моей личной служанкой? — спросила я.

Девушка вскочила так быстро, что я даже глазом моргнуть не успела. Выглянув за дверь, Силва так же быстро вернулась.

— Леди Аннабель, — выдохнула она. — Она здесь негласная хозяйка и... — девушка замялась.

— Греет постель хозяина, так?

— Вы же сами знаете?

— Очень хорошо представляю, — мрачно выдала я.

— Вы не волнуйтесь. Хозяин стал очень мрачным после того, как вас увезли. И они не так ладят, как раньше.

— Что-то не жалко мне его. Тем более, что моё сочувствие ему не нужно, — повела я плечом.

— Леди Мелинда, он вас любит! Вот голову дам на отсечение, что это правда. Он сам понимает, что все это поклёп. Вас увезли раньше, чем он приехал. Он так кричал в тот день. Страшно было — жуть. Потом за ним приехали, и он с отрядом отправился на юг. Сами знаете, что он часто так уезжает. Приезжал домой только раз. И...

— Предавался блуду и разврату с милой Аннабель, забыв собственную жену, — продолжила я.

— В пылу страсти он называл ваше имя, — ляпнула девушка и испуганно прикрыла рот.

— И? Я слушаю, Силва, — строго сказала я. — Ты подслушивала или подсматривала?

— Я случайно. Честно-честно, — она закивала головой, как болванчик, подтверждая свои слова. — Я пряталась от Гертруды в западном крыле. Там пустые комнаты и мало кто туда ходит. Они появились внезапно, что я даже не успела убежать. Пришлось спрятаться в нише за гобеленом. Но в дырку всё было хорошо видно.

— И что ты видела?

— Простите, госпожа, но это так стыдно. Разве такое можно делать? Это плотские утехы... — смутилась девушка.

— Ну, да. Говорить можно многое, но делают так, как хочется, — хмыкнула я.

— Она такая бесстыжая. Взяла его орган в рот и сосала, как телёнок сосёт вымя. Меня чуть не стошнило.

— Ему понравилось? — спросила я с серьёзным лицом. А саму разрывало от смеха.

— Он стонал от боли и, схватив её за волосы, хотел её оттолкнуть, но та не сдавалась. Я побоялась им мешать. Ведь лэрд сам сильный, мог бы освободиться. Но, видимо, не хотел её ранить.

— Да уж. Прямо благородный рыцарь. Достоин восхищения, — с сарказмом выдавила я. — Ну и как? Как потом вела себя наша отчаянная минетчица?

— Кто? — опешила Силва, но догадалась, о ком речь. — Он навещает её, когда бывает дома.

— Понятно. А с чего это он за мной явился? Из-за ребёнка?

— Я всего не знаю, но, кажется, это из-за вашего покровителя.

— У меня такой есть? — удивилась я. А потом вспомнила о разговоре с Годвином.

«Понятно. Не так он и самостоятелен, как кажется. По крайней мере, в отношении Мелинды. Хоть какая-то хорошая новость. Узнать бы, кто этот всесильный покровитель»

— Госпожа!? — напомнила о себе служанка.

— Когда у вас завтрак подают? — спросила я.

— Все уже на ногах. Давно уже покушали. Я вам принесу сюда. Так я открою окно?

— Да, пожалуйста. Пока я умоюсь, проветрить надо.

— Там вода, наверное, остыла, — сокрушённо сказала девушка. — Внизу, в купальне, должна быть горячая вода, я сейчас принесу.

— Не нужно. Я хотела бы искупаться. Это возможно?

— Конечно. Я помогу. После обеда меня уже тут не будет, — огорчённо вздохнула она.

— Это мы ещё посмотрим, — решительно заявила я. — С этого момента ты делаешь только то, что я тебе говорю. Поняла? Никаких приказов, даже от лэрда.

— Хор-шо, — икнула девушка.

«Минет, значит? Горячая штучка? Бедному лэрду бобо делает. Ну-ну. Поглядим на голубков. Страдалец. Хрен драть даёт, хоть и переживает о жене»

Глава 7. История

Пока я завтракала, комната проветрилась и дышать стало легче. На улице разгорался солнечный день. Я выглянула в окно, выходящее прямо на озеро. Над стальной поверхностью ещё клубился туман, солнечные лучи преломляясь, не достигали воды, но создавали невообразимые завихрения, что при хорошем воображении можно было принять за морских чудовищ. Дальше виднелись покатые невысокие горы, покрытые осенним лесом. То тут, то там золото разбавлялось красными и зелёными мазками.

На горизонте горы с двух сторон полого спускались, как бы образуя выход из каменной чаши, где покоился огромный водоем. Я прикрыла створки окна. Надо было согреть комнату, чтобы присмотреть за мальчишкой. А потом мы пойдём гулять. До обеда мне ещё надо искупаться и разобрать гардероб. Что-то же Мелинда должна была носить до того, как от нее избавились? Если она леди, то гардероб должен быть приличным.

Я вдруг вспомнила, что любовницу лэрда Силва называла тоже леди.

«Ага. Лебедь. Очень сомневаюсь, что леди живут под одной крышей с мужчинами без компаньонов и являются официальными любовницами. Да ещё и с привилегиями хозяйки. Блин. Во что меня втянули? За что?»

Я тяжело вздохнула и решила пока не переживать по этому поводу. Единственное, о чём я действительно жалела, так это о своей работе. Кому здесь нужны будут мои знания? Ни инструментов, кроме холодного оружия, ни лекарственных препаратов, ни операционной, ни антисептиков. Сплошная антисанитария. Я о лекарственных травах мало что знаю. Необходимости не было. Ромашка, подорожник, крапива и ещё несколько всем знакомых трав. А здесь, похоже, и такие вряд ли найдешь.

Послышалось кряхтение со стороны кровати, и все мои грустные мысли ушли на второй план.

Малыш был выкупан у камина в импровизированной палатке из простыни, чтобы его не просквозить, перепеленат и накормлен. Благо, молока хватало. Хотя кому-то я была нужна, и меня поддерживало чувство ответственности за малыша. Пока его мама далеко (надеюсь, что с её душой все в порядке), я присмотрю за ребёнком. О том, что эта душа могла сейчас благополучно обитать в моём несчастном теле, я боялась думать. Каково ей придётся в современном мире, если даже здесь она не смогла себя защитить?

Я побоялась выйти во двор, поэтому попросила Силву вывести меня на воздух, где меньше людей.

— Можно на крышу, — сразу предложила она.

Туда мы поднялись по каменной лестнице. Широкая квадратная площадка ограждалась толстыми зубцами. Я отдала ребёнка в корзине Силве, а сама начала обход, выглядывая из каждого проёма.

Вид был потрясающим. Мы находились на высоте примерно пяти-шести этажей. С одной стороны озеро, с другой стороны — склон горы. Ворота с подъёмным мостом вели в нижний двор, где и располагались жилые и хозяйственные постройки. Вокруг всей крепости была высокая толстая стена, а со стороны берега даже две, делящие крепость на нижнюю и верхнюю части. Верхний двор был не таким привлекательным, там виднелись развалины. Похоже, что крепость долгое время пустовала.

— Силва, давно здесь обосновался лэрд Годвин?

Задавая этот вопрос, я рисковала, но могла же Мелинда не знать о таких вещах, если они особо не дружили с мужем?

— Раньше здесь жил одинокий лорд.

— Почему лорд, а не лэрд? — поинтересовалась я.

— Он из пришлых был. Аж из самой Франции или Германии. Не знает никто. О нём рассказывают жуткие истории. Он был очень страшным. Так говорят, — объяснила она, округлив голубые глаза. — Такой высокий, что касался головой о притолоку (я сразу вспомнила Годвина в монастыре), когда входил в дверь. Худой, как скелет и покрытый шрамами. Даже через лицо проходил жуткий шрам, нос поэтому обвисал, делая его похожим на хищную птицу. Да, он ещё и хромал на одну ногу.

— И что в этом страшного? Покалечила, небось, война мужчину. Многие имеют шрамы и хромают. Даже рук и ног не имеют.

— Не скажите, госпожа. Говорят, что он уходил ночами. А факел часто видели у берега. Были слухи, что он занимается контрабандой. Связан с разбойниками. Правда, никаких контрабандных вещей

никто не видел. Или он так их прятал, что никто и не смог найти.

— А искали? — не выдержала я.

— Не-е-е. Его ещё считали колдуном. Поэтому боялись, — наклонившись ко мне ближе, прошептала девушка.

— Да ладно? — удивилась я, тоже округляя глаза, чтобы девушка была заинтересована в продолжении рассказа.

— Да. Он исчезал из крепости и появлялся внезапно. Так и не смогли за ним проследить. А отряд англичан, что за ним явились незадолго до битвы, вообще исчез. Без следа.

— Ты говоришь о... — задержала я дыхание. Понять о чем речь, можно было догадаться. Клетчатые пледы говорили о том, что я в Шотландии. Мне ещё более повезло, я в горной Шотландии. Далеко на севере страны. А может, это и к лучшему. Здесь люди суеверные, но в лучшем в виде. Верят в сказочных персонажей и не так фанатичны. Я уже догадалась в каком я времени.

«Господи, этого не может быть»

— Ага, у ручья Бэннокберн. Лорд Габриэль тоже там был. Когда его привезли, он был тяжело ранен и прожил всего год после этого. Хотя, он и так уже был достаточно стар. Даже старше Кайдена, — Силва издала печальный вздох. — Вот в те времена в крепости и появился наш хозяин. Говорят, что нашему языку господин научился здесь. Лопотал на непонятном наречии. А больше молчал. С ним долгое время жил наставник, который появился на похоронах лорда Габриэля вместе с нашим королём, — ещё тише произнесла она и оглянулась, как будто нас могли подслушать.

— Сам..? — выждала я.

— Брюс. Ага, лорд Аннандейл. Тогда ещё только барон.

— Боже праведный, — воскликнула я.

С одной стороны испытала восторг, что прикоснулась к истории, с другой стороны внутри разлился леденящий холод.

Я нахожусь во времена позднего средневековья. Возможно, что бывший хозяин крепости был беглым тамплиером из Европы. Известно ведь, что Брюс сам член ордена храмовников. Магистр Ордена Чертополоха. Капец. А кто тогда Годвин? Что здесь прятал лорд Габриэль? И, вообще, причём здесь я? Вернее, Мелинда? Быть не может, чтобы она не была связана со всем этим. Боюсь даже предположить, кто мой покровитель. Абзац!»

— Не так быстро, Силва, — хрипло произнесла я, опираясь о крепостную стену.

— Вам плохо, госпожа? Может, вернёмся? Вы ещё не оправились от родов, — беспокоилась девушка.

— Да, конечно. Ещё малыша застудим. Пойдём.

У лестницы я обернулась. Окинула взглядом озеро.

— Это озеро, наверное, хранит много тайн? — произнесла я, надеясь, что услышу нужный мне ответ. И не ошиблась.

— Конечно. Ведь здесь обитает чудовище. Рыбаки выходят на озеро только днём. А с вечера никто не смеет подходить к воде близко.

Я чуть не навернулась, рискуя сломать шею, скатившись вниз по узкой лестнице.

«Я хочу проснуться. Пожалуйста, разбудите меня. Я. Маша. На озере Лох-Несс. А это крепость Аркварт или Уркхварт, если правильно помню»

Мой мозг находился в шоке, переваривая информацию, но тело двигалось и желало, чтобы его помыли. Чувствую, что при здешней антисанитарии и принципах, это тело не обмыли даже после родов.

Я попросила Силву пригласить Гертруду. Я не ошиблась. Это была та женщина, что встретила меня во дворе в день приезда.

— Присмотри за ребёнком, пока я не вернусь. Силва мне нужна.

— Я не кормилица, — огрызнулась женщина.

— Хорошо. Я скажу лэрду, что ты отказалась присматривать за маленьким господином. Силва, позови того, кто предан хозяину, — отвернулась я от женщины.

— Не надо. Я присмотрю, — буркнула Гертруда.

— Рада, что ты из тех, кто предан лэрду, — с невозмутимым лицом произнесла я.

Велела Силве следовать за собой, с охапкой вещей. Следовало раньше пересмотреть гардероб. Но это подождёт. Грязное рубище мне уже надоело.

— Вы в халате пойдёте? — спросила девушка.

— Нет, конечно. Но и одевать это рубище не собираюсь. Подай плащ.

Глава 8. Купальня

Я спустилась первая. Зал внизу пустовал. С любопытством осмотрелась: ставни открыты, из окон, преломляясь в цветных мутных стёклах, лился призрачный солнечный свет. Камин не горел. Перед ним располагалось два массивных кресла с небольшим изящным столиком между ними (предмет, неподходящий этому интерьеру).

Чуть ниже, в зале, стояли п-образно расположенные столы. За столом посередине виднелись высокие резные спинки стульев, а у столов по краям располагались добротные скамьи.

Пол был без покрытия, что радовало. В эти времена обычно его застилали камышом, и в свалывшейся массе чего только не было. Сплошной компост грязи и кишящих насекомых. Меня передёрнуло.

— Госпожа!? — позвала меня девушка.

— Конечно, иду, — пробормотала я и поспешила за ней.

Меня провели коротким коридором в пристройку, которая делилась на две части. Одна, более просторная — кухня. В ней было шумно. За закрытой дверью (почувствовала облегчение потому, что не было желания кого-либо видеть), громко переговаривались женщины, слышался один мужской голос. Смех, грубые шутки. Стук ножа, посуды. В общем, весело у них было. Совмещённая с ней вторая часть отводилась под купальню и прачечную, как я поняла. Помещение было тёмным, и освещалось только тусклым светом из небольшого окошка под потолком.

— Сейчас, госпожа, — воскликнула Силва и ушла. Вернулась тут же с горящей лучиной. Подожгла факел на стене, у самой двери. Как ни странно, он не чадил.

— Дыма нет, — озвучила я свои мысли.

— Конечно. Это парафин. Хозяин для дома ничего не жалеет.

«Да уж! Твой хозяин Монте Кристо, и у него несметные сокровища вкупе с офигенным багажом знаний», — хмыкнула я.

Деревянный настил, чуть приподнятый над полом, находился близко к нагретой от печи стены. Рядом находился большой железный котёл с горячей водой и второй, поменьше, с холодной. Меня заинтересовала примитивная качалка.

«Умно. Только откуда воду-то качают? Неужели есть подземный источник? Ведь рядом озеро»

Напротив стояла широкая скамейка и над ней находились крюки для развешивания одежды.

В самом углу была большая медная ванна. У меня челюсть отвисла. Откуда такая роскошь?

Моя уверенность, что этот Габриэль был из известной братии под белым флагом с восьмиугольный красным крестом, укреплялась. К тому же, совсем не рядовым, а из элиты.

Ещё больший интерес у меня разгорелся в отношении Годвина. Имя ведь тоже не из местных. Вспомнила добрым словом свою тётю. Её книга, что я читала последней, дала мне много информации. Чисто из интереса я тогда пролистала историю средневековой Шотландии. Грешным делом, не поэтому ли я попала сюда? Страшно подумать. Ведь я никогда не верила в мистику, реинкарнацию, в путешественников во времени. Только если немного в волшебство.

Силва стала мне помогать разоблачаться.

— Дверь закрыла? — спросила я.

Девушка кивнула на выход. Массивная щеколда была задвинута в пазл.

Я позволила снять с себя ночную рубаху и помогла Силве с ванной. Как ни странно, по весу она была не такой тяжёлой, как показалось вначале. Если сравнить с бессознательными телами, что я двигала и поднимала, когда девочкам-медсёстрам требовалась помощь, то это намного легче.

Воду Силва наносила быстро. Благо, всё рядышком. Да и не рискнула я ей помогать после недоуменного взгляда, когда я ей подсобила с ванной.

Попросила оставить воду горячей. Как объяснить чувство блаженства, когда опускаешься в горячую мыльную воду, и она постепенно соприкасается с зудящей грязной кожей?

— Госпожа, а вам можно в горячую воду после родов? — поинтересовалась девушка.

— Не думаю, что она вреднее грязи, что тоннами начнёт сейчас с меня сползать. Помой мне голову, пожалуйста.

Волосы пришлось промывать несколько раз. Терпкий запах трав был приятен для моего чувствительного носа.

Отмывшись, как следует, спросила насчёт средств для ухода за кожей. Не сказать, что Мелинда была повышенной волосатости, но мне не нравилось. Силва, улыбнувшись, достала из дальнего угла с полки с разными глиняными горшочками и плоскими вонючую мазь. Мне чуть дурно не стало.

— Она кожу не снимет с меня? — поинтересовалась я.

— Ну что вы, госпожа. Я же живая.

Процесс продлился не более десяти минут.

— И всё? — удивилась я, поглаживая гладкую, как попка младенца, кожу на ногах.

— Ну да, — хихикнула девушка.

Она завернула меня в простынь, и я уселась на табурет поближе к горячей стене. Силва принялась расчёсывать мне волосы, развеивая их, чтобы быстрее высохли.

— Скажи, Силва, а почему ты за мной сейчас так ухаживаешь? Я же раньше здесь не мылась. И мы с тобой были не так близки.

Руки девушки застыли на полдороге. Потом расчёсывание возобновилось.

— Я много думала, когда вас увезли. Это было не справедливо — то, что с вами сделали. И я помогла им своим молчанием. Я молилась каждый день, чтобы Бог смиростивился над вами. Вы никогда не были злой или сварливой. Не били, не унижали меня. Всё время были печальны и много молились. Редко покидали комнату, особенно в последнее время.

— Можешь мне рассказать, как ты это видела? Со стороны виднее, как говорят. Знаешь, я уже смутно всё себе это представляю. Как будто происходило в чужой жизни.

— В первое время всё было спокойно. Вы вышивали, рисовали. Я, кстати, спрятала ваши рисунки и поделки. На ужин спускались вниз, когда хозяин был дома. Но однажды всё закончилось, — девушка глубоко вздохнула.

— Что тогда произошло?

— Я помню, что за вами пришла Гертруда. Вы несколько дней плохо себя чувствовали от ребёнка. И она сказала, что надо подобрать травы и ещё что-то, уже и не припомнить. Говорила быстро и всё торопила вас. Я ещё удивилась тогда, зачем вам идти вниз, когда всё можно было принести сюда. Меня вы оставили в комнате. В тот вечер вас не могли найти. Нашли утром в закрытых комнатах.

— Где хозяин предавался блуду с минетчицей, — констатировала я факт.

— Э-э-э-э. Это я видела позже. А тогда это было не там. Я после подслушала, как Гертруда рассказывала Элзе, вы, наверное, помните рыжую жену Сэвиша — кузнеца, они подруги, — я кивнула на автомате, — что вы тогда наткнулись на хозяина и на леди Аннабель в купальне, и убежали в слезах.

— Нет. Меня туда отвела Гертруда.

Я сказала это с уверенностью, зная уже сценарий.

— Госпожа, вы же и раньше знали, что Аннабель его любовница. Почему вас так это расстроило?

— Слышать от кого-то сплетни и видеть — это не одно и то же, Силва. Знать-то знала, но надеялась, что у нас сложится, — я вспомнила Павла.

— Хозяину вы нравитесь. Он посещал вас каждый день до беременности, — искренне произнесла Силва.

— Ага. Любвеобильный ваш хозяин. Прямо безотказный, — с сарказмом произнесла я.

Я привсталала, чтобы одеться, когда запахнулась дверь. И совсем не та, что была закрыта на щеколду, а та, что я даже не заметила. Она располагалась за котлом с горячей водой и была прорублена в кухню.

— Что за ...!? — в голове прыгали одни междометия и застрявшие в горле весёлые выражения алкаша Васи из соседнего подъезда.

Глава 9. Аппетитный

Если сказать, что я была в шоке, то это ничего не сказать. Такой подставы я точно не ожидала.

Опешил вначале и Годвин. Но он пришёл в себя быстрее.

— Странно тебя видеть здесь, — сказал он.

— Почему это? Я же не с улицы пришла. Это мой дом. Или у меня здесь есть ограничения? Силва, подай платье, что застыла? — более грубо, чем хотела, приказала я.

Девушка зашуршала одеждой и подошла ко мне.

— Может, выйдешь? — с надеждой спросила я, видя, как мужчина начинает раздеваться.

— С чего бы это? Я у себя дома, и ограничений в перемещении у меня нет, — с сарказмом подколот он меня.

— Тогда хоть отвернись, — потребовала я охрипшим голосом.

— На свою собственность я имею право смотреть, — выдал он, нахально улыбаясь.

— Хм. Ну и пялся. Просто после родов я не в форме и не хотела задевать твой эстетический вкус. И самой, если честно, неприятно, — я глубоко вздохнула и просто распахнула простынь, заодно цепляя короткую нижнюю рубаху у Силвы.

Девушка выхватила полотно и, пискнув, убежала.

— Да чтоб тебя черти на огне жарили, идиотка! — выругалась я, подбегая и закрывая на щеколду дверь. — Я вам что, стриптизёрша?

Со злостью натянула рубаху и подошла к крюкам, чтобы взять платье. Одним коленом пришлось опереться об скамью, чтобы дотянуться.

Сзади раздался едва слышный вдох.

«Ага. Я тоже думаю, что у малышки красивая попка», — про себя усмехнулась я.

Ещё ранее, когда я скинула простынь, то заметила, как мужчина окинул моё тело цепким взглядом. Когда развернулась, чуть заикой не стала на всю жизнь: Годвин оказался очень близко (когда только и успел так быстро?). Глаза — и так тёмные, — сейчас были похожи на чёрные дыры провала в бездну. Ноздри раздувались от возбуждения, а губа прикушена белоснежными зубами.

«Блин. Мечта стоматолога. Откуда такие зубы в это время?»

— Вин, я здесь, — приятный женский голос — и вот она, минетчица Аннабель собственной персоной. Так забавно было увидеть её вытянутое от удивления лицо, которое постепенно темнело от стыда. Или от злости? В любом случае, девица была в раздразне.

А я почему-то вдруг успокоилась. Полный штиль на море. Паруса тряпками висят.

— Ты что-то здесь забыла, Аннабель? — спросила я, приподняв одну бровь для пущей выразительности лица.

Годвин же, который скрипнул зубами при появлении женщины, с изумлением посмотрел на меня. Аннабель тоже застыла, её лицо приобрело оливковый оттенок.

— Я на непонятном языке изъясняюсь? Вроде, нет. Мало, что не постучалась, что должен делать каждый воспитанный человек, так ещё и стоишь в купальне с мужчиной.

— А ты что тут делаешь? Никогда же не опускалась до купальни! — нагло ответила она.

— Я тебе не подруга, и не надо мне тыкать — это во-первых. Во-вторых, я здесь со своим законным мужем. И в-третьих, с какой стати я должна отчитываться перед тобой? Уходи немедленно!

— Вин? — развернулась Аннабель к Годвину.

— Вин??? Это ты, дорогой муж? С каких это пор лэрд Годвин стал Вином для подстилки? — усмехнулась я.

— Прекратите, — ожил мужчина. — Обе уходите!

— Не пойду. Мне надо одеться. Хотя, я передумала. Буду тебе спинку тереть, а может и приятное сделаю. Я соскучилась, — невозмутимо сказала я и упёрлась руками в бока.

— Бель, уходи, — попросил Годвин. Его тихая просьба полоснула по сердцу. Так просят только близкого человека.

«Как так можно? При живой жене? Какого ты тогда на Мелинде женился?»

Дверь на кухню закрылась с другой стороны.

— Что ты хочешь доказать? Чего хочешь добиться? — спросил мужчина.

— Я-то знаю, чего хочу. Знаешь ли ты? Определись, наконец, кто тебе больше нужен. Не то потеряешь и семью и драгоценную любовницу.

Голос у меня был грустный. Я вспомнила свою ситуацию. Обещание Павла не отпускать. Тогда зачем предавал?

— Слишком смелая стала. Ты сказала, что потрёшь мне спинку. Даже удовольствие мне доставишь.

Голос мужчины звучал натянуто и со злой иронией.

— Ну, раз обещала, надо выполнять свои обещания, — прямо посмотрела в чёрные омуты и улыбнулась. Мне показалось, что Годвин вздрогнул. Может и показалось. Но в том, что он такой свою жену видит впервые, я не сомневалась.

Платье осталось лежать на скамье.

— Как тут сливать воду из ванны? Я её не подниму, — обошла я полную воды и пены ванну.

— Не надо. Мне подойдёт. Потом обольюсь чистой водой, — остановил моё мельтешение мужчина.

— Я бы не советовала. Там грязь, сошедшая с меня за последние лет десять, наверное, — поморщилась я.

Мужчина опрокинул медную ёмкость, жидкость из неё широким потоком ушла в слив на полу.

— Довольна?

Я думала, он заставит меня таскать воду. Но нет. Сам набрал и со вздохом опустил в горячую ванну.

— Я жду. Кто меня будет мыть? — спросил он.

— Я уже думаю, что это была неудачная идея выпроводить твою Бель, — пробормотала я.

— Что ты там бормочешь, как старуха? Я жду.

— Хорошо, хорошо. Не злись.

«Господи! К какой из аппетитных частей тела этого самца я должна прикоснуться первой?»

Я уже говорила, что лэрд был высоким. Подтянутое тело было рельефным от прокачанных мышц. Литые, крепкие, соблазнительные. Руки, ноги, живот, даже член у этого мужчины были великолепными. Не говоря о лице.

Внутри меня погибал от передозировки восторга эстет. Не захлебнуться бы слюной. Я бы сейчас с удовольствием облизала бы его всего языком. Потрогала бы все бицепсы, трицепсы, грудные и все остальные мышцы, которые есть. Меня ошеломило своё желание. Такого я никогда не испытывала.

«И этим пользуется какая-то левая женщина? Нет уж. Это тело родной жены, а моя душа была предана и одинока. Так что, ничего плохого не будет в том, что я возьму себе данный судьбой подарок», — решила я.

Тем временем мои руки делали свою работу. Я намылила шелковистые пряди густых волос. Так странно было запускать тонкие длинные пальцы в эту копну. Шея, широкие плечи, руки грудь, спина. Кожа упругая и горячая. Я гладила, скользя руками в пене, потом разминала затвердевшие мышцы, заставляя мужчину буквально стонать.

— Ты убить меня хочешь? — спросил он. — Больно же!

— Делаю, как положено. Потом спасибо скажешь.

Самым трудным было мыть длинные ноги, что он мне протягивал, ставя на борт.

— А бёдра? — с ухмылкой спросил он.

— Сам помойся. И давай ополоснись, вода уже грязная.

Рубашка на мне намокла и облепила фигуру. Я заметила это, когда на мне остановился взгляд потемневших глаз. Руки лэрда сжимали бортики ванны до белизны кожи на суставах.

Я хотела проشمыгнуть мимо, положив рядом ковшик с чистой водой, как меня схватили за руку. Годвин опрокинул на себя ковш воды, не отпуская меня. Естественно, что я опять намокла. Бросив ковш в котел, Годвин притянул меня к себе, подхватил за талию и понёс к скамье. Уселся со мной на коленях.

Стремительно наливающийся силой член упёрся в попку, принося дискомфорт. Глубокий влажный поцелуй застал меня врасплох, как и крепкая хватка на груди. Она идеально подходила к его ладони. Я глухо застонала. Кажется, из меня высосали весь воздух. Я стала бить мужчину по груди и плечам маленькими кулачками.

Меня вдруг резко освободили из захвата. Стало неудобно и зябко.

— Уходи, — глухо произнес мужчина. — Сейчас же.

Рано. Я тоже понимаю. Но, сейчас, горячий и аппетитный, как свежеиспечённая булочка, он достанется этой дряни.

«Не позволю»

Глава 10. Ультиматум

— Мне надо высушить рубашку, — сказала я. — Я могу помочь, — добавила тихо.

Вставать тоже не спешила. Шикарный мужчина, весь горячий и возбуждённый подо мной. А я не в форме. Где справедливость? Но, с другой стороны, получается, что я в теле женщины, которая родила ему ребенка. Значит, у них был секс? Определённо. Я заёрзала на крепких бёдрах.

Каменная эрекция под попой дёрнулась, и длинные пальцы сжали за плечи.

— Мелинда, уйди, — прохрипел он.

«Ага. Я уйду, а эта минетчица, Анка пулемётчица, придёт удовлетворять тебя? Фигушки. Хочу тебя сейчас, и получу. Я тебе и твоей сучке такую жизнь устрою, что небо в носовой платок покажется, а земля под ногами гореть будет. Медик я или кто? Анатомию не знаю, хрен не видела или старая?»

Лишая себя и мизерного шанса передумать, соскользнула с колен мужчины и развела их, открывая себе доступ к сокровенному, придвигаясь ближе. Голым ногам было неудобно на каменном полу. Но ничего. Потерпим для дела.

— Что ты делаешь? — прошипел мужчина, но не оттолкнул, только зарылся в волосы и больно потянул, поднимая лицо к себе. — Я же сказал тебе уходить!

Громкий шлепок раздался в купальне. Мужчина передо мной дёрнулся от неожиданности и выпустил волосы. Это я ударила его по бедру. Хлестко и больно.

Не давая времени одуматься, одной рукой взяла подтянутые яйца, а второй схватилась за основания стального стержня.

«Ух, как мы завелись!» — восхитилась я и широким мазком прошлась по всей длине влажным языком, размыкая на мгновение пальцы. Затем снова сомкнула их. Дойдя до крупной головки, чуть отодвинулась, посмотрела вверх и нарочито медленно облизнула губы.

Я чуть не поперхнулась, руша всю игру, наткнувшись на чернящий взгляд, который прожигал меня насквозь. Такой и убьёт не глядя.

«Не бойся, Маша. Какой мужчина откажется от хорошего отсоса?»

Мои губы растянулись в хамоватой улыбке. Если у мужчины должен был случиться удар, то он произошел именно сейчас. Но мне некогда было глазеть на его ошеломлённое лицо.

Лизнула головку. Кончиком языка потревожила дырочку посередине, а затем подула на неё. Мужчину подбросило вверх.

— Что ты творишь? — прорычал он сквозь сжатые зубы. Животный оскал только взбудоражил ещё больше.

— Наслаждаюсь твоим вкусом, муж мой, — голос сел от волнения, но не дрожал. Какая я молодец.

«Работай, детка, ротиком, зарабатывай себе на приличную жизнь. Тем более, что мужчина просто конфетка», — подумала я и очень удивилась своим мыслям. Когда я успела стать такой меркантильной и развратной?

Заглотила не хилый ствол наполовину. Сжав губы, потянулась наверх, с пошлым чмоком выпуская головку. Оттянула крайнюю плоть и лизнула снова, выдыхая горячий воздух, как дракоша. Первый стон прозвучал, как музыка.

Несколько движений головой вверх-вниз и полное заглатывание, до горла. Второй, более протяжный стон — и в волосы зарылась большая ладонь, вторая схватилась за плечи.

Я почувствовала, как стала сокращаться матка. Лёгкая незначительная боль — и вниз устремилась теплая жидкость. Если учует запах, откинет в сторону. Почему-то это я знала.

Мягкое перекачивание яичек между пальцами и движение головой ускорились. Свободное скольжение вниз, пока головка не упрётся в глотку и со сжатием губ, оттягивая вверх. Хватка в волосах окрепла, как и на плече пальцы впились в нежную кожу, а колени взяли моё тело с боков в жёсткий захват. Поняв, что он скоро кончит, продолжила действовать рукой, быстро и ритмично, пока тёплая белесая струя не ударила вверх. Продолжила, выдаивая сперму до конца.

Меня выпустили из захвата. Я встала, прошлась до котла, развела воду в ковше и, вернувшись, стала обмывать пах мужа. Годвин только дёрнулся, но не сдвинулся с места, внимательно следя за

мной, как хищник за добычей. Думаю, что я выглядела соблазнительно. Белая рубаша до середины бедра, что, намкнув, не оставляла места фантазии. Растрёпанные волосы, тяжёлой волной спускающиеся до поясницы. Горящие глаза и опухшие губы. Соблазнительная картинка.

Тонкие ноздри мужчины хищно раздувались. Учужал запах зверь.

Под пристальным взглядом обмылась сама, быстро удаляя красные дорожки.

— Кровь? — меня обняли сзади. — Фаина тебя посмотрит.

— Не надо. Это нормально. Даже хорошо, что всё это из меня вылилось. Быстрее заживёт, — ответила я. Руки напряглись. Разорвет на фиг на куски. — Но мне её помощь не мешает. Попрошу настойку или отвар.

— Ты изменилась, — развернул он меня к себе. Прошёлся пальцами по мокрой щеке, шее и ключицам, собирая капли воды. Я не успела ещё вытереться.

Нежный поцелуй в губы был неожиданным.

— Ты ничего мне не хочешь рассказать? — спросил он, прижимаясь колючей щекой к моей. Горячий воздух в ухо заставил вздрогнуть.

— Может со временем. Но не сейчас. Я не готова, — еле выдавила из себя. Низ живота скрутило. Но я не позволила себе издать ни звука.

— Хорошо. Я подожду. Но до того момента больше не прикасайся ко мне, — похолодел его голос. Он отодвинулся. Я облегчённо вздохнула.

— Отлично. Но вот что я тебе скажу, дорогой мужёк. Если я узнаю, что ты спишь с кем-то — забудь обо мне. Раз и навсегда. Я брезгливая. Сегодня отмывала тебя для себя.

— Ты угрожаешь мне? — тряхнул он меня, как тряпичную куклу.

— Предупреждаю, — не позволила себе отвести твёрдый взгляд. — И не стоит меня недооценивать. То, что удалось сотворить со мной в первый раз, во второй раз не прокатит. Я уже не та глупая девочка-одуванчик. У меня было достаточно времени, чтобы пропустить через себя всё ваше дерьмо.

— Замолчи! Не выводи меня из себя, — зарычал лэрд.

— Мне ребёнка кормить надо, — сказала я и надавила на сосок. Белая струйка брызнула на грудь мужчины и потекла вниз.

Моё лицо горело огнем, но я была спокойна, как сытый удав.

Когда он собрал пальцем и слизал языком молоко, тело пронзила сладостная боль, стрельнувшая из лона и зажегшая огнём тело. Лёгкий вздох — и глубокий жадный поцелуй. Мне показалось, что он меня проглотит. Но длилось это всего несколько секунд.

Мужчина отвернулся и стал быстро одеваться. Рубаша, килт, гетры и низкие, мехом наружу, сапоги. Через минуту я осталась одна.

Силва ждала меня наверху, укачивая разоравшегося малыша.

К обеду я не стала спускаться. Не было желания провоцировать мужчину ещё больше. Я выбила его из колеи. Он-то не знал, что я другой человек. Конечно, я кардинально отличалась от его тихой, безмолвной жены. Ещё большой вопрос: что она была за человеком? Как себя вела?

Я примерно представляла себе здешнюю жизнь. Какое воспитание могла Мелинда получить, умела ли она читать, писать? Вышивать я, например, не умею. Рисую тоже не ахти. Знаний у меня много, слишком много, даже для средневекового учёного средней руки. Но кому они нужны? Смогу ли я свободно применять свои навыки, не навлеку ли я на себя беду?

Голова у меня гудела, как чугунный колокол.

Надо было с чего-то начинать, чтобы освоиться. Узнать быт, людей, что будут жить рядом. Поискать библиотеку. Хотя, здесь она вряд ли будет. Но мысли о тамплиерах не давали мне покоя. Ковры, изящные предметы мебели, медная ванна. Может, что ещё найду, всё это не отсюда. Это награбленное в крестовых походах. Я не лохушка-жена средневекового мужчины — "ой, даже не дышите в мою сторону, а то испарюсь". Я современная женщина. Любопытная, неглупая, страстная натура. Так что впереди меня ждут приключения. Главное — не переиграть саму себя.

Одна радость: горная Шотландия славилась гордыми, мужественными и независимыми людьми. И все примочки Европы их миновали.

Глава 11. Ожидание

Солнце почти скрылось за горной грядой, ярко слепя глаза и поливая червонным золотом водную гладь. Затем темнота опустилась разом, как будто накинули полог. Время, когда тонкая грань между днём и ночью разливается густыми серыми сумерками, кажется волшебным. Густой туман волнами, лениво вихрясь бурунами, когда его кто-то тревожит, устилает овраги, выемки и озерную гладь. Деревья утопали в серой дымке, а кусты горбились, став похожими на застывших фантастических зверей.

Я старалась без необходимости не выходить на улицу в такое время. Это не город и не наш поселок, где всё родное и знакомое. А здесь страшилась скрытых ловушек. Когда смотришь вниз с высоты своего роста, то кажется, что ты летишь над облаками, а ноги нащупывают земную твердь. Вот-вот тебя схватит за пятки призрачное чудовище или ты провалишься в бездонную дыру и тебя никто не найдёт.

Я стояла на крыше крепости, ставшей моим любимым местом, и неотрывно смотрела в сторону петляющей дороги, которая пока ещё светилась белесой лентой.

Сегодня должен был вернуться Годвин.

Прошло больше месяца с тех пор, как мы расстались в купальне. Больше шанса на то, чтобы мы остались вдвоём, он мне не дал. Он почти не появлялся дома. Постоянные вылазки, длящиеся по несколько дней. Долгие разговоры с Кевином и редкими гостями, что у нас появлялись и исчезали так же бесшумно. Ясное дело, что мужчина занят очень важными делами. Что беспокойно вокруг. Однажды отряд вернулся с ранеными и с одним убитым.

Я старалась не лезть в мужские дела. Держалась поодаль. Но не пряталась. Выслеживала, высматривала, слушала. Старалась не упускать ничего из вида, даже мелочи.

Тело моё пришло в форму. Тем более, что некоторые упражнения помогали уж совсем не распухнуть.

Мне нравилось своё нынешнее тело. Женственное, с выпуклостями и изгибами в нужных местах. Грудь стала немного больше, чем вначале, как и бёдра, что чуть раздалось, подчёркивая тонкую талию и округлый животик. Результаты хорошего питания. Стройные ноги, тонкие руки с узкими кистями с длинными пальцами, с очень аккуратными овальными ногтями. Даже регулярный маникюр в прошлой жизни у профессионала не давал такого результата.

Главным украшением Мелинды бесспорно были шикарные волосы цвета меди. Длинные, волнистые, блестящие на солнце золотыми искорками, они выгодно оттеняли тонкую белоснежную кожу. Примечательны были и большие миндалевидные глаза жёлто-зелёного цвета. Иногда они становились янтарными. Портрет дополняли расходящиеся изящными дугами тёмно-каштановые брови, высокий чистый лоб, пухлые, цвета земляники губы с красивым изгибом и прямой носик. Просто красotka. Я и в прежнем теле была красавицей, но сейчас саму себя прежнюю я не воспринимала, как своё, родное. Это пугало, если быть честной с собой.

Конечно же, первый шок попадания в прошлое сделал меня сильнее и осторожнее, как животное, которое учуяло хищника. А попытки спасти свой разум напускной дерзостью и отвагой не могли дать мне опору, за которую я держалась бы столько, сколько нужно, не впадая в депрессию. Мне нужно было что-то большее.

Например, друг, с которым я могла бы поделиться своим секретом. Или хотя бы делиться своими мыслями и переживаниями. Притворяться другим человеком очень сложно. Практически невозможно. Помогало только то, что Мелиндой никто не интересовался, и её мало кто знал настоящую. Оставалась Силва. Но, человек, который тебя предал однажды (просто промолчал, в её случае) может предать вновь.

И всё же моё доверие к ней очень медленно, но неуклонно росло. Видимо, не такая у неё и сладкая жизнь была без протекции леди. Особенно сейчас. Хозяйка-то превратилась из тихой скромной тени в волевою, сильную женщину. И никто не решался сейчас мне пересекать дорогу. Мне не хватало совсем немного признания или хотя бы принятия со стороны хозяина замка, чтобы меня приняли и все остальные. Мужчина, которого я пыталась соблазнить, был против соблазнения, и вообще не был настроен иметь со мной хоть какие-то дела. Мы перекинулись за это время не более, чем десятком слов.

Ни разу он мне не ответил, взглянув в лицо, тем более не улыбнулся. Думала, что и ребенка он не хочет видеть, пока однажды ночью, внезапно проснувшись (малыш до сих пор спал в моей комнате), не застала его у колыбели. Силва стояла на том, чтобы мальчишка спал в колыбели у камина. И тепло, и она рядом спит, если что. А я могу и задавить его ночью ненароком.

Полный абсурд, конечно. Но тому была причина. Я плохо спала. Просыпалась по несколько раз за ночь и стала очень нервной. Внешне старалась сдерживаться, но внутренне всегда была натянута, как тетива. Силва не отходила от меня без особой надобности. Всё-таки мне с ней очень повезло. К тому же она была моим ходячим источником информации: благодаря ей я знала обо всех событиях, что происходили за пределами моей комнаты. Кто женился, кто умер, и кто родился. Кто нажился в очередном походе, а кого ранило. Местная соцсеть.

От безделья можно было сойти с ума. На меня и так косились из-за решения кормить грудью («какой ужас, леди кормит дитя сама») и смотреть за малышом, так что надо было выбирать занятие с осторожностью. Одно из таких занятий мне нашлось довольно скоро — стоило заняться своим гардеробом.

Надо признать, что все вещи были добротными и из красивых тканей. Бархат, парча, шёлк, газ, атлас. Краски сочные, глубоких оттенков. Верхняя одежда была украшена вышивкой серебряной и золотой нитью. Пояса и головные уборы в виде сеточек и обручей украшены драгоценными камнями. Здесь же нашлось несколько пар туфель из мягкой кожи, две пары сапожек на сплошной подошве. В самом внизу была спрятана шкатулка с драгоценностями.

— Ты богатая девочка, Мелинда, — вырвалось у меня.

— Вы так и не воспользовались этим добром, госпожа. Так жаль, что всё это пропадает, — грустно произнесла Силва. Я вообще забыла про неё.

— Теперь буду носить.

Девушка завизжала от счастья.

— Без фанатизма, — осадила я её. Опять слово из прошлой жизни. Хорошо, что девица не особо слушает меня. — Отдели для меня драгоценности, подаренные хозяином, — попросила я.

— Так это они и есть. То, что вы привезли с собой, в шкатулке на столике.

— Отлично, — не смутилась я своим промахом. — Думала, может смешали. Надо радовать мужа.

Я хмыкнула, вспомнив, счастливое выражение лица служанки.

С тех пор я завела привычку одевать по очереди все вещи, комбинируя их, подбирая украшения. Не каждый день, конечно, а когда в замке находился Годвин. Только он мало обращал на это внимание. Со временем было бы не сложно изменить ситуацию, вот только у меня была соперница.

Аннабель была очень красива. Статная, на полголовы выше меня, с отличной женственной фигурой. Грудь, талия, бёдра искусно подчеркивались одеждой. Украшения подбирались тщательно. И похоже, это всё подарки Годвина. То ли мужчина имел отменный вкус в украшениях, то ли отношения этих двоих зиждились не только на плотских утехах.

Я замечала, что её он от себя не гнал. Они мило беседовали за обедом или ужином, когда удавалось застать лэрда дома.

Я лишила женщину возможности занимать место хозяйки за столом. Бесило её это или нет, понять было сложно. На людях Аннабель умела себя сдерживать.

В мысли ворвались звуки, что нарушали привычный ритм. Взгляд автоматически сфокусировался, и на горизонте нарисовалась тень всадников. Я хотела уже бежать вниз, чтобы встретить отряд, когда разглядела у ворот Аннабель. Она куталась в белую кружевную шаль.

Мне стало грустно и неудобно. Если я сейчас спущусь во двор, это будет выглядеть нелепо. Я очень не люблю такие двусмысленные ситуации. А если не выйду на встречу мужу, не знаю, что он может подумать. А может ничего и не подумает. Я для него лишь раздражитель.

Я отошла в дальний угол и присела на колоду, не понятно как оказавшуюся здесь.

Через минут десять ворота распахнулись и топот лошадей раздался во дворе. Голоса были приглушенными. Шум затих где-то ещё через полчаса. Я продрогла, но не хотела шевелиться. Плотнее укуталась и зарылась лицом в колени.

Даже когда скрипнула дверь и слышались голоса, я не сдвинулась с места. И оказалось, что не зря.

Глава 12. Интересный разговор

— Говори, — раздался незнакомый мужской голос. По крайней мере, я его не слышала в крепости.

— Я ничего не выяснила.

Это уже была Аннабель. Раздался еле слышный стон. Женщины вырвала свою руку из цепких лап мужчины и отбежала от него, потирая локоть.

— Сколько мне ждать? Уже скоро два года ты околачиваешься здесь, и никаких результатов. Не хочешь видеть дочь?

— Не смейте мне угрожать! Я делаю всё, что в моих силах. Разве я виновата, что вы сами упустили девчонку? Мне пришлось много сил потратить, чтобы втереться в доверие и залезть в постель к этому ублюдку. Когда наивная дурочка, которую вы упустили, стала его женой, я вывернулась наизнанку, всё время рискуя быть схваченной, чтобы её признали невменяемой. Даже тогда, когда мне удалось сплавить её в монастырь, вашему человеку не удалось её там ни задержать, ни даже узнать от неё ни-че-го. Иначе бы вы здесь сейчас не появились. Нет у меня для вас сведений.

— А ты научилась дерзить, — с угрозой в голосе произнес он. — Затащить в постель мужчину хорошенькой женщине, тем более с твоим опытом, — он издал мерзкий смешок, — разве проблема? Или Годвин не мужчина? Да, эту мелкую сучку мы упустили из монастыря. Даже умудрилась своими слабыми ручонками убить человека.

Аннабель отшатнулась ещё дальше. Но мужчина подошёл ближе.

— Так что ты не недооценивай её. Я тут выяснил, что ты противостоишь хозяйке дома. Не смей. Ты должна быть к ней ближе всех остальных.

— Не получится, — хрипло выдала женщина.

— Почему это? Разве сложно говорить женщине с женщиной, которых насаживает на член один самец? — мужчина весело хихикнул, оценив свою шутку.

— Это мерзко, — с негодованием произнесла Аннабель.

— Да неужели? Ты что, влюбилась в ублюдка без рода и племени? Я тебе вот что скажу: не вязни глубоко и побереги своё сердечко, милая. Он сын изгнанника и преступника. Большого тебе знать не положено. Я не хочу потерять такого милого и ценного шпиона, как ты.

— С Мелиндой ничего не выйдет, — тихо произнесла женщина.

— Ты упрямишься? — резко спросил тот.

— Дело не во мне, а в ней. Она изменилась. Если бы я не знала точно, что это Мелинда, решила бы, что увезли одного человека, а привезли совершенно другого. Как будто близнец или двойник. С ней очень сложно.

— Тебе не привыкать. Мне нет никакой разницы, как ты добьешься своего, но я даю тебе совсем немного времени, только до весны, чтобы ты нашла мою вещь.

— Вашу? — рассмеялась Аннабель.

— Ты смеёшься. Это хорошо. Я посмотрю, как ты будешь смеяться в следующий раз, когда мы здесь встретимся, — с угрозой произнёс мужчина.

— Мне надо идти. Не стоит, чтобы нас видели вместе, — женщина попыталась уйти, но не тут-то было.

Мужчина перехватил её за талию и отбросил на парапет.

— Не так быстро, милая. Я ещё кое-что слышал, — он стал задира́ть юбки женщины, раза два стукнув её по голове и спине, чтобы не дёргалась. — В сладкой киске давно не было стального члена. Надо ублажить благословенное лоно.

Они были в метрах трёх от меня. Я только молилась, чтобы восходящая луна побольше задержалась. Иначе выложит меня на блюде, осветив мой угол, который утопал в темени. Я боялась даже дышать. Спина затекла. Холод пробрался внутрь до самых костей. Ведь я сидела тут очень долго.

Женщина глухо застонала, когда мужчина грубо толкнулся пальцами в лоно. Голые ягодички матово светились. Несколько шуршащих движений — и её буквально нанизали на себя. Я видела

закушенную губу, блестящие от слёз в призрачном свете луны большие глаза, и мне было искренне жаль эту женщину. По каким бы причинам она ни оказалась в этой глупой и ужасной ситуации, её любовь к своему ребёнку заставляла её поступать неправильно.

Трахалась сволочь, как грёбанный кролик. Фрикции были быстрыми и не глубокими. Может, член маленький? Такой зацикленный и закомплексованный.

Он резко развернул Аннабель к себе и надавил на плечи. Женщина упала на колени, больно стукнувшись ими об каменные плиты.

«Какая же ты тварь!» — выругалась я про себя.

— Отсасывай. Не хочу, чтобы ты родила ещё одного ублюдка. Не от меня, точно.

Я бы очень хотела закрыть уши. Но даже незначительный шум мог бы привлечь внимание уроды.

Я смотрела, как он схватил женщину за роскошные волосы и вдавливался ей в рот. Аннабель не произнесла ни звука. А эта тварь скоро заскулила, кончая.

Он подошёл к парапету и помочился на стену.

«Вот мразь! — возмутилась я. — Не знаю как, но я тебе отомщу, гадина! Как паршивая псина метит, что попало»

Через несколько секунд он оправился и ушёл. Аннабель не шевелилась несколько минут, давась слезами. Потом тоже ушла.

Моя душа была в смятении. Жалела эту женщину и презирала её одновременно. Я тоже всего лишь человек. Пользоваться несчастной девушкой и мужчиной, сильным, гордым, чтобы их уничтожить — это несправедливо и гадко.

Я бы ещё долго торчала здесь, если бы не Силва.

— Госпожа, вы где? — услышала сначала её голос, а затем и увидела её саму.

— Я здесь, Силва, — отозвалась я.

— Да вы совсем замёрзли. Прямо в ледышку превратились. Хозяин вас искал, — внезапно выдала она.

— Зачем? — задала я глупый вопрос от неожиданности.

— Он с гостями. С того города, откуда и вы приехали. Хотел, чтобы вы поздоровались. Я сказала, что вы себя неважно чувствуете. Он, кажется, не поверил. Пойдёмте.

— Что бы я без тебя делала? — поднялась с импровизированной скамейки, с трудом разминая конечности.

В комнату мы добрались без приключений. Я потянулась к теплу. Камин горел ярко.

— Малыш не плакал?

— Нет, я проигрался с ним, и он заснул, — голос мужа пробрал от макушки до пят и обратно. Я вздрогнула всем телом.

— Ты что тут делаешь? — спросила я.

— Я что тут делаю? Ты где была? Мне, наверное, всё-таки стоит рассмотреть вопрос о замене служанки, — вкрадчиво произнес Годвин.

— Госпожа? — всхлипнула Силва.

— Никуда он тебя не отправит. Я тебе обещаю. Ты же не откажешь в просьбе своей любимой жене? — не менее вкрадчиво произнесла я.

— Любимой?

Говдин сполз вниз по кровати, где развалился. Поэтому мы его вначале и не заметили. Он присел у изножья, спустив ноги на пол.

— Обожаемой, — утверждающе ответила я. — Силва, унеси малыша. Мне надо поговорить с лэрдом, — попросила девушку.

Та быстро переложила ребенка в корзину и ушла.

— Ну, и о чём ты хотела поговорить? — спросил Годвин. Его лицо выглядело суровым, ноздри трепетали, а руки прижимались к сильным бёдрам, впиваясь пальцами в плоть. Он совсем не был спокоен.

— О том, почему ты меня избегал всё это время? И почему ты сейчас здесь?

— Подойди.

От его «подойди» меня бросило в жар, хотя тело ещё не оттаяло. Холод и жар смешались в убийственный коктейль. Я очень старалась удержать невозмутимое выражение лица, но тело предательски трясло. Видимо, я сильно озябла.

— Ну! Чего ты боишься? Всю смелость смело? — его оскал напоминал волчий. Съест и не подавится.

Я медленно подошла.

Он стянул с меня плащ, отбросив в сторону и подтянул к себе, схватившись за бёдра.

Поворачивая, как куклу вокруг своей оси, стал развязывать шнурки, что стягивали лиф и талию. Платье повторило судьбу плаща. Оставалось ещё два платья. Вернее, подобие туник. Одна длинная с узкими рукавами, другая — короткая, до бёдер. Я ей оборвала рукава, чтобы было удобнее носить.

Годвин погладил мои плечи, руки, опять спустился до бёдер и полез под подол. Он быстро развязал тесёмки и импровизированные трусы упали. Мне стало стыдно. Разве такое бельё должно быть на женщине, когда она с мужчиной, который ей нравится?

Глава 13. Только ли секс?

— На тебе ещё слишком много одежды, — прохрипел он.

Последний рубеж в виде тонко сотканной тряпки пал.

Я стояла перед ним в первозданной наготе. Прикрываться руками посчитала не нужным, хоть очень и хотелось. Мои пальцы до судорог вцепились в его стальные мышцы на плечах.

— Сначала посмотрим, была ли ты одна.

Я сначала не поняла, о чём он, потом до меня дошло.

— Да чтоб тебя! — я ударила его по плечу, только руку себе отбила.

От обиды и злости из глаз брызнули слезы. Я ещё не отошла от картинки на крыше. Та сволочь тоже так же тыкалась пальцами в чужую промежность. Я бы ему руки оторвала.

Меня держали крепко, и все трепыхания, которые и так были бесполезны, прекратились, когда глубоко внутри оказались длинные гибкие пальцы.

Было неприятно, но не больно. Он вытащил их, принялся и лизнул.

— Моя, — хищная улыбка озарила лицо. — Уже можно.

Потолок опрокинулся внезапно. Я лежала на кровати животом вниз. Только дёрнулась, но меня припечатали всем телом. Горячим, твёрдым, восхитительным. Чуть не застонала от приятных ощущений. Крепко вцепилась зубами в ребро ладони.

Тёплые упругие губы стали покрывать плечи, спину лёгкими поцелуями. Поясницу и бока гладили шершавыми ладонями, слегка проходя ногтями по чувствительной коже. Я стала таять от невероятных ощущений. Хотелось прогибаться и подставляться под эти губы и под эти руки.

От укуса в загривок я дёрнулась. Точно зверь. Метит. Резкий хлопок по ягодице обжёг нежную кожу. Я застонала.

— Отлично, — раздался хриплый голос.

— Не смей, — попыталась развернуться, но мне не позволили.

Несколько ударов — и мои ягодицы горели огнём, а промежность увлажнилась. Никогда не замечала за собой мазохистских наклонностей.

Влажный язык, что стал лизать кожу, показался прохладным.

— Сладкая.

Подтянули за поясницу — и моя попа оттопырилась. Новая попытка удрать была пресечена довольно грубо. Широкая ладонь ткнула голову в подушку.

— Не смей уворачиваться, — прозвучала угроза. Я хотела возмутиться произволом, но чуть не застонала от сладостной молнии, прошившей тело.

Лицо мужа ткнулось в промежность.

Широко лизнув языком нежные лепестки, острые зубы прикусили горошину удовольствия. Затем его накрыли горячие губы и стали посасывать, играя языком. За бёдра крепко держали, чтобы не улизнула.

Всей моей силы воли не хватало удержать тело на месте. Оно двигалось независимо от моего желания. Неутомимый язык трахал, лизал, лёгкими трепыханиями проходил по болезненно ноющим лепесткам и пульсирующему клитору, периодически проникая в глубоко в лоно.

Низ живота ныл от томления и желания освободиться.

Я давно перестала контролировать стоны.

Казалось, вот-вот — и мой мир взорвется фейерверком, но всё внезапно прекратилось. И я зарычала, утыкаясь лицом в постель.

— Ты издеваешься? — повернула голову, чтобы посмотреть в наглые глаза.

Горящий взгляд мужчины прошёлся холодком по спине.

— Я просто боюсь тебя поранить, — глухо выдал он. — Не сдержаться.

Да уж. До чего я его довела. Мужчина уже месяц без секса. А расслабляться здесь больше нечем.

— Я не стеклянная. Не разобьюсь. Иди ко мне, — повернувшись, протянула руки и развела ноги.

Только успела пискнуть, как лоно пронзили словно копьём. Хорошо, что он меня подготовил и я была расслаблена. Совсем тормоза отпустил.

Мужчина глухо застонал. Его тело мелко дрожало. А член, кажется, ещё больше увеличился внутри меня.

— Пожалуйста, — попросила я.

Годвин всем телом навалился на меня, будучи глубоко во мне, и уткнулся в сгиб шеи. Глухое рычание вибрацией отдалось по телу.

— Больше не могу терпеть. Ты напросилась.

Он вышел из лона почти полностью и толкнулся с силой до упора. Стенки влагалища плотно обступали стальной член.

— Как же в тебе узко и как восхитительно. Прости, но я не могу сдерживаться.

— Годвин, трахни ты меня, наконец. Или я тебя сама изнасилую, — вырвалось у меня.

Хищный оскал и новый выпад. Больно. Но незначительно. И она была сладостной для меня.

Годвин оказался выносливым. У меня уже дрожали ноги и всё тело покрылось испариной, когда, поменяв позу уже в третий раз, он бурно кончил мне на живот. Мужчина откатился и лёг рядом, шумно дыша. Его крупное тело мелко подрагивало.

— Мелинда!?

— Хм?

Отвечать ему не было сил. И о чём можно говорить после такого марафона?

— Так можно было и раньше?

— Ты о чём?

— Забудь. Отдыхай.

Одним гибким движением он поднялся и исчез за дверью с умывальными принадлежностями. Через минуту-две подошёл к кровати и прохладной тряпкой дотронулся до промежности. Тело рефлекторно дёрнулось.

— Прости, вода холодная. Я бы тебя потащил в купальню. Но у нас чужаки в доме.

Вытерев начисто промежность, бёдра и живот, он откинул тряпку и, подавшись ко мне всем телом, крепко поцеловал. Затем накрыл одеялом. Я провалилась в сон, как в прорубь.

Как он оделся и когда ушёл, так и не узнала.

Ночью проснулась от плача сына. Удосужившись, наконец, одеть рубаху, перепеленала мелкого и, приложив к груди, продолжила спать. Силва устроилась на своём привычном месте.

Утро настало быстро. Малыш спал в тепле и сытый. Я бы тоже поспала, послав всех далеко и надолго. Но хотелось кушать. Так сильно, что живот сводило.

Вспомнив, от чего ещё может болеть мой живот, лицо залило жаром. Потрогала ягодички. Они были болезненно чувствительны.

— Любим наказывать, значит? Проказник! — улыбнулась я.

Это так здорово — заниматься сексом с человеком, который тебе симпатичен и который к тебе не равнодушен. Сколько, видимо, нерастроченной любви, нежности и желаний у этого мужчины. Мне повезло. Убью заразу, если даже посмотрит на кого.

Уверена, что такой страсти он не проявлял до сих пор ни к кому. Каждая женщина такое чувствует.

Это у нас в природе. Годвин был влюблён в свою жену.

Непонятно, почему у них не сложилось. На этот вопрос могла ответить только Мелинда. Настроение стало стремительно портиться. Кажется, я ревную мужчину к собственной жене. Что за подстава это попаданство?

Глава 14. Развалины

Я спустилась вниз. Зал был пуст, а из кухни доносились привычные звуки возни. Решила наведаться туда. Запахи оттуда просачивались изумительные, словно из кондитерской рядом с моим домом там, в будущем. Стало грустно. Но есть все ещё хотелось, и обмыться быстренько тоже. Для этого прихватила с собой кусок полотна, что заменял полотенце. Вещи решила оставить вчерашние. Платье тёмно-зелёного цвета оттеняло мои медного цвета волосы, что я заплела в свободную косу. На голову нацепила платок, что называли здесь платом, вверху закрепила его ободком из переплетающихся серебряных ветвей. Смотрелось красиво.

— С добрым утром! — поприветствовала я женщин. Одна худая, как жердь с желтушным лицом, две девчушки лет по пятнадцать-шестнадцать и Тётенька. С большой буквы.

Дородная пухлощёкая красавица-купчиха, будто бы сошедшая с картины Кустодиева. Я даже засмотрелась, как ловко она обращается с кухонной утварью и заодно успевает надавать тумачков мальчишкам, что крутились под ногами, воруя кусочки сладкого теста, а если повезёт, то и румяные булочки.

— Что хотели, леди? — не очень ласково, но и не грубо спросила кухарка, Гвен, кажется.

— Я бы хотела горячего чая, а лучше молока. Малыш скоро проснётся.

— Пришлю поднос в комнату, — последовал короткий ответ.

— Нет, Гвен, я поем здесь. Тут тепло. Я сейчас в купальню, постараюсь быстро вернуться. Не пускайте ко мне никого.

— Ясно, — осмотрела она меня строгим взглядом.

С купанием я справилась очень быстро. Чтобы намылиться, вылить на себя несколько ковшиков воды, много времени не потребовалось. Я и этому была рада. Волосы мочить не стала.

Когда вышла из купальни через дверь в кухню, на столе стояли: большое деревянное блюдо с куском мясного пирога и свежееиспечёнными румяными булочками, небольшая плошка с горьковатым, но очень вкусным мёдом (точно от диких пчёл), а также большая кружка тёплого молока с куском масла, плавающего в нем жёлтым диском.

— Молоко будет питательнее для ребёнка. Ешьте, всё свежее, — более дружелюбно сказала женщина.

— Спасибо, — нерешительно улыбнулась я. Странно было чувствовать такое отношение, не враждебное, в общем.

Я принялась за еду. Пирог был замечательным, как и булочки.

Всё время, что наслаждалась едой, чувствовала, как кухарка бросает в мою сторону задумчивые взгляды. Вскоре мы остались вдвоём. Девочек она отправила за чем-то, как и выгнала мальчишек. Худосочная особа уселась в самом дальнем углу и стала чистить овощи, тихо бубня себе что-то под нос. Я поняла, что Гвен нужны ответы. Любопытство так и распирало ее обширную грудь.

— Надо было мальчишек накормить, — решила помочь, начав разговор.

— Балуются. Они никогда не голодают, но вечно что-то жуют.

— Всё очень вкусно, Гвен. У тебя золотые руки, — польстила ей. Еда и правда была очень вкусной.

Женщина покраснела от удовольствия и смешно оттопырила уточкой губы, слегка поводя покатыми плечами. Смущается.

— Что есть, то есть, — не стала она отрицать.

— Почему так тихо? — спросила я, кивая головой в сторону зала.

— Так ведь все уехали на охоту, ещё рано поутру. Наверное, маленький хозяин был беспокойным ночью, что вы не проснулись, леди?

— Он чудесный ребёнок. Просто я уснула крепко. Впервые за последнее время здоровый сон, — вздохнула я, и это было не притворством.

Гвен многозначительно закивала.

— Сложно молодой леди с ребёнком. Мара была бы не против заработать, если бы вы позволили ей

кормить грудью малыша. Она здоровая и молока у неё много.

— Нет. Я сама пока хорошо справляюсь. Сыну хватает. Но я буду иметь в виду... Мару.

— Жаль её. Молодка и без мужа. Все знают, что она родила от негодника Кевина. Он не отказывается ей помогать, но и жениться тоже, судя по всему, — она сделала глубокий вздох и замолчала.

Я тоже молчала. Молоко заканчивалось в кружке, хоть я и цедила его медленно, а информации ноль. Когда в следующий раз я ещё так свободно посижу? Но и навязываться кому-то леди не положено. Ждала первого хода от кухарки. Женщина меня не разочаровала.

— Я вас очень уважаю, госпожа. А как же иначе? Вы жена нашего лэрда. Раз он вас выбрал, значит, вы заслуживаете его.

Я вспомнила фразу, что бросила девушка из монастыря перед тем, как она хотела меня придушить: «ты не заслуживаешь его». Но это было явно не о Годвине.

— Я сразу сказала, что Бог миловал нашу госпожу рождением наследника и вернул ей разум, — между тем продолжала женщина.

— Но я никогда не теряла разум, Гвен. Ты как никто другой должна это знать, — я опять рисковала, бросив пробный шар. — Что за начинка в булочках? — перевела я тему, когда женщина зависла более, чем на минуту. Она была не готова мне отвечать. Поэтому я дала ей время поразмыслить. Представила, как натужно заскрипели её извилины, словно давно не смазанные колёса деревянной арбы.

— А? — очнулась она. — Ягоды. Ещё хотите? — спохватилась она, нервно улыбаясь.

— Нет. Спасибо. Завтрак был просто чудесным.

Гвен расплылась в улыбке, как блин на сковороде. Но в голове всё ещё шёл мыслительный процесс, ворочая целые пласты нужной и ненужной информации. Где же она могла скапливаться, как не на кухне? Если бы не осторожность диких зверей, что впиталась с молоком матери, мне было бы не так трудно разговорить её. Достаточно сравнить этих простых, неграмотных и в некотором смысле ограниченных людей, в основной своей массе, с моими современниками. Люди двадцать первого века, со всеми своими заумными речами, горами информации и возможностями намного общительнее, разговорчивее и доверчивее. Просто находки для шпиона.

Я поднялась к себе, надо было выводить на прогулку ребенка. Вспомнила про вчерашнее посещение площадки и решила, что надо дожидаться, пока вся гадость оттуда не выветрится или не смоем дождем. Сегодняшнее утро было на удивление солнечным, его яркие тёплые лучи ласкали лицо. Внизу было не так ветрено. Силва без усилия несла корзину, а я вышагивала за ней.

Весь нижний двор был занят хозяйственными постройками: небольшая кузня, сыроварня, прачечная, казарма, если можно так сказать. Там жили воины лэрда, кто не имел семей. Также здесь была конюшня. Около ворот ещё два жилища, где находилась охрана крепости. Сама крепость была обнесена высокой стеной. С трёх сторон она была окружена водой, а со стороны ворот защищена глубоким рвом с подъёмным мостом. Он опускался рано утром, чтобы впустить или выпустить жителей и поднимался с наступлением сумерек.

Деревня находилась примерно в километрах двух от крепости, но и под стенами замка обосновались люди. С десятков домов, с постройками для скота. Коров рядом не держали, но овцы и козы паслись в окрестностях. Между лесом и крепостными стенами лежали зелёные пастбища.

Я обошла весь нижний двор, рассмотрела башню снаружи. Только теперь я обратила внимание на то, что жилыми являются только два нижних этажа. Когда поднимаешься по лестнице в узком пространстве, этого нельзя заметить. Да и дверей там нет никаких. Только проёмы окон, закрытые массивными решётками. Странное строение.

Подъём во внутренний двор давался с трудом. Дорожка шла вверх.

Я присела на уступ полуразрушенной стены. Рядом притулилась запыхавшаяся Силва. Мой ангелочек крепко спал. Я бы поступила на его месте точно так же. Воздух здесь был одуряюще чистым, а вид на озеро и гору за спиной впечатляющим.

— Госпожа, вы же не собираетесь гулять по развалинам? Вы не можете так поступить с нами снова! — срывающийся от волнения голос девушки меня насторожил.

— Почему снова? Здесь очень красиво. Особенно красиво бывает весной. Развалины совсем не портят вид.

— Вас опять упекут в монастырь.

— Меня упекли в монастырь из-за прогулок? — поразилась я.

— Вы можете и не помнить, потому что были не в себе. Это место считают проклятым. Здесь даже скот не пасут. Только скашивают траву, чтобы в ней не прятались звери или лазутчики. Старый хозяин часто пропадал здесь. Говорят, что он из-за этого сошел с ума.

— Да ладно. Глупости. Видно, что развалины старинные. Но это просто камни, Силва. Не думала, что ты такая суеверная. Пойдём. Если не хочешь, чтобы мы здесь гуляли, так и не будем.

Девушка облегчённо вздохнула, а я для себя решила исследовать это место. Старый лорд был кем угодно, но уж точно не сумасшедшим.

Глава 15. Ужин

Близились зима. Похоже, что она здесь ранняя. Осень всего лишь месяц с небольшим радовала сочными красками, ярким солнцем, ласкающим скудным теплом и морозящим время от времени холодным дождём. По утрам уже затягивались тонким льдом лужи, и прибрежная полоса хрустела шугой. Жухлая трава и ставший буро-коричневым слой листвы покрывались, как и деревья, инеем.

Как только солнце показывалось на горизонте, всё это таяло и исходило лёгким паром. Тем не менее серое небо, иногда натягивающее грузное, намокшее влагой дождевое одеяло из туч-лоскутков, потерявшее золотой налёт, бледно-жёлтое солнце, горбатая линия горизонта и тёмно-синее озеро — создавали непередаваемую картину поздней осени. Увядшая красавица дарила свежий, живительный воздух, отдых глазам и покой сердцу.

Вот в такой прекрасный день отряд из десятков мужчин отправился на охоту. Позже я узнала, что с ними были две женщины. Одна из них, естественно (как же без неё?), Аннабель, а вторая была гостьей, приехавшей с таинственным незнакомцем. Хотя, подозреваю, что с Мелиндой он был знаком, и довольно близко.

Это-то меня и тревожило. Сделать вид, что я его не помню, не смогу. Остаётся один единственный выход — подожду, когда он сам ко мне сунется. Вот тогда и поговорим.

Я не люблю охоту. Здесь же это необходимость. Пока ещё есть возможность добыть дичь, нагулявшую вес за лето и раннюю осень, надо ею воспользоваться. Всё это и так было понятно. Но сегодня люди решили не столько раздобыть вдоволь мяса, сколько развлечься.

Я переживала весь день. К вечеру уже не знала, куда себя деть. Снедало чувство тревоги.

Не нравилось мне, что здесь ошивается неизвестно кто. Да и близость любовницы к мужу на природе тоже не нравилась. Вдруг где-то дом охотничий есть, может же парочка случайно отстать? Надумала с целый короб. Не выдержав давления четырёх стен, поднялась на крышу. Уже почти стемнело, когда послышался шум приближающегося отряда.

Я быстренько вернулась к себе.

Шум во дворе раздался через минут пять. Кони, встречающие, прибывшие. Весёлый смех и шутки говорили о том, что охота оказалась удачной. Я прождала ещё больше часа, когда в коридоре раздался шум и в мою дверь постучались. Силва недовольно заворочалась на месте, но всё же встала и пошла открывать. Я сидела в кресле у камина и не двигалась.

У дверей раздалось шебуршание и негромкий разговор.

— Госпожа, вас хозяин просит спуститься вниз к ужину, — передала она мне то, что я и так хорошо слышала.

— Хорошо.

Решила приодеться. Надела поверх жёлтого нижнего платья с узкими рукавами до запястий, парчовое, с рукавами, расширяющимися колоколом вниз. Третьим предметом одежды послужил длинный, до пола, жилет из тёмно-зелёного бархата, украшенного меховой отделкой у ворота и по краям проймы рукавов. В замке было холодновато.

Силва быстро сплела мне две косички на висках и закрепила их заколкой. Нацепила на голову золотую сеточку, что аккуратно легла на эти косички и была закреплена за них. Сзади волосы свободно каскадом струились по спине до ягодиц. Никаких украшений я не надела, кроме обручального кольца, как меня просветила Силва в последний момент. Рассказывать долго, но оделась я по-армейски быстро.

В зале было шумно. Все столы были заняты воинами и простыми жителями. Некоторых я знала, а некоторых видела впервые.

За столом хозяина сидели и две красавицы. Темноволосая смуглая Аннабель и светлокожая, с белоснежными кудрями женщина, похожая на куклу Барби.

На данный момент блондинка активно кокетничала с Годвином. Он ей отвечал, улыбаясь. Сей картиной не очень была довольна Аннабель, которую отвлекал худощавый мужчина, в котором я узнала вчерашнего альфонса с крыши. Прямо сцена с картины художника: замок, рыцари, дамы. Что я-то тут делаю? Почувствовала себя на миг в музее средневекового искусства. Если бы всё было так просто. Не давая грусти-печали угнездиться в сердце, неспешно прошла к столу.

Наконец-то мой муж меня заметил. Его прожигающий насквозь взгляд сказал мне многое: восхищение, обещание скорой горячей встречи, досаду и усталость. Целый коктейль. Он привстал,

но его опередил худощавый хлыщ.

— Леди Мелинда, вы восхитительны. Каждый раз поражаюсь вашей красоте.

Он цепко ухватился за мою руку сухими пальцами и облизывал тыльную сторону ладони. Брезгливость волной поднялась внутри меня, но внешне я кисло улыбнулась. Отняв осторожно руку, чтобы не показаться неучливой, вытерла её незаметно о платье.

— Приветствую вас у себя дома, господа, — вежливо ответила я, чуть склонив голову.

Мне выдвинул стул хлыщ рядом с собой, а Аннабель хотела пересесть. Но я оказалась не промах. Подошла к Кевину, что сидел по левую руку от Годвина. Его взгляд убил бы меня на месте, но кривая улыбка, выдавленная с усилием, порадовала меня.

«Застрелись, говнюк», — пожелала я ему про себя и уселась рядом с мужем на освободившееся место.

Кевин сел рядом. Годвин развернулся ко мне и быстро положил несколько сочных кусков жареного мяса на мою тарелку, овощного гарнира, и налил в кубок тёмно-бордового вина, но я отодвинула бокал. Тогда он приподнял руку. К нему подошёл молодой парень. Он что-то шепнул ему на ухо. Через некоторое время мне принесли сладкий напиток с ягодной отдушкой на меду, с пряностями.

Весь ужин Годвин умудрялся оказывать мне знаки внимания. То в тарелку что-нибудь доложит, хотя я и не ела так много, то в кубок дольёт напитка.

— Как вам наша добыча? — спросил Кевин.

— Кого вы поймали? — спросила я.

— Сейчас мы едим мясо оленя, что я подстрелил, — с гордостью сказал мужчина.

— Очень удачно вы его подстрелили. Мясо нежнейшее, — похвалила я.

Не было никакого желания продолжать противостояние. Кевин недолюбливал меня. И скорее всего, причиной была несчастная женитьба друга на мне. Я его понимала.

— Ещё несколько куропаток и кабанчик, — был доволен и пьян мой сосед.

— Удачная охота, — сказала я и отвернулась.

Тёплая ладонь опустилась на правую ногу.

«Годвин, что ты делаешь?» — испуганно пронеслась мысль. Внешне я была сама невозмутимость.

Зато заметил Кевин. Он довольно рассмеялся в голос и запел очень красивым баритоном. Его мгновенно поддержали.

— Пошли песни, скоро пляски и разгул, — пробормотала я.

— Что ты сказала? — неожиданно близко оказался ко мне Годвин. О его руке на бедре я благополучно забыла и зря.

— Ничего. Красиво, говорю, — щёки опалило жаром. Я знала, как это выглядит со стороны. — Не надо здесь, — выдавила я.

— Что не надо? — нагло спросил муж, передвигая руку выше. Я затаила дыхание. Рука исчезла. Только тогда я выдохнула спокойно.

Я думала, что наши манипуляции никто не видит. Но нет. Хлыщ внимательно следил, как и Аннабель. Конечно, и Кевин тоже, что игриво подмигнул мне, когда я на него взглянула. Оттаивает. Это хорошо или плохо?

«Господи, только не это», — подумала я, смутившись и злясь немного на мужа. Тоже, блин, нажрался. Вон как глаза горят.

Ненавижу пошлые шутки. А это тут в порядке вещей, кажется. Аннабель встала со своего места и прошла в середину зала. Спокойно ужинавшие на своих местах люди вдруг подорвались и стали двигать столы ближе к стенам.

Смех стал громче, выкрики, притоптывание, волынка заиграла и пошла свистопляска, как я и предполагала. Аннабель была в своей среде. Хороша чертовка. Пригласили и гостей принять участие. Вскоре я и блондинка, да ещё и низкий, круглый, как колобок мужчина, оказались за

столом одни.

— Почему ты делаешь вид, что мы не знакомы, Мелинда? — раздался рядом вопрос. Я и не заметила, как блондинка пересела. Огромные голубые глаза смотрели на меня злобно.

— А почему я должна притворяться, что мне приятно тебя видеть? — прямо посмотрела я в глаза ещё одному врагу.

«Сколько их у меня? Надо список завести»

Глава 16. Луна

Волынка играла непрестанно, все раскраснелись от танцев.

Вышла небольшая заминка. Я следила за мужем. Рядом всё время крутилась Аннабель. Она вырядилась в ярко-синее платье с жёлтыми вставками, заплела косы и уложила их короной, вплетая жемчуг. Целое состояние, насколько я знаю. Даже без секретов и тайн, со своим богатством, Годвин мог бы привлечь внимание. Если он любовнице дарит такие украшения, то сколько таких безделушек в его сокровищнице? Громко сказано, но небезосновательно.

Толпа разошлась, и на полу я увидела скрещенные мечи с широкими лезвиями. Клейморы, кажется, так их называют.

Годвин встал над одним крестом из лезвий, над вторым встал Келвин.

— Красивый мужчина, — выдохнула блондинка. Я и забыла про неё.

— Келвин? — специально спросила я.

— Ты сейчас смеёшься надо мной?

— Да, Господи, прекрати ты шипеть над ухом. Годвин занят. Смирись.

Голубые глаза полыхали чёрным огнём. Испепелила бы, будь у неё возможность.

— Как ты смеешь издеваться надо мной? Ты и он, оба ублюдки. Кого бы вы из себя ни строили или кто бы вас ни опекал, — выплюнула она.

— Да-а-а? Эх, как тебя проняло. Нас это как-то не волнует, но вот ты прямо слюной брызжешь от злости. Почему этот факт тебя задевает? Может, сама из той же братии? — сделала я сочувствующее выражение лица.

— В моих жилах течёт королевская кровь, — задохнулась она от эмоций.

— Оба-на! Я была права. Кровь-то голубая?

Чиркнула по её коже ножичком. Слегка. В неглубоком порезе выступили бордовые бисеринки.

— Красная. Как у всех, — спокойно сказала я и отвернулась.

— Что ты творишь? Ты нормальная? — возмутилась женщина.

— Да успокойся ты. Смотри, мужчины собираются танцевать. И это самый красивый танец, между прочим, — спокойно сказала я, как будто ничего и не произошло.

— Жаль, что Мортимер опоздал. Сейчас бы ты сидела на привязи.

Сколько злости в таком красивом теле?

— Ага. Разбежались. А куда бы опекун смотрел? Не надо пытаться прыгать выше своей головы, дорогая королевская отрыжка. Уезжай отсюда и забудь, что я существую. И Мортимера заberi. Вам лучше пожениться. Вы друг другу подходите.

Волынка вдруг замолкла и послышался стук барабана. Танец начался. Мужчины были в одних рубахах и бриджах, на ногах шерстяные носки, подвязанные над коленями ремешками.

Ноги выделявали кренделя между лезвиями, стараясь не коснуться ступнями лезвий. Вперёд-назад, вправо-влево, ноги вместе, ноги врозь, а то и скрещиваются. Передать ритм и быстроту танца, его грациозность и искромётность очень трудно словами. Нужно это видеть.

— Я никуда не уеду. Я приехала к нему, — сказала блондинка.

— У-у-у. Кажется, мы перепили. Лорд Мортимер, вы бы не могли присмотреть за леди: кажется, она заговаривается. Перепила, — пожала я плечами на удивлённый взгляд мужчины, который только что подошёл. — Я пойду. Пора кормить ребёнка. Да и поздно уже.

Обойдя столпившихся людей, что хлопали по плечам танцоров, я направилась на выход. Подъём по лестнице, и по коридору третья дверь моя.

Переодевшись, покормила ребёнка, отослав Силву за тёплой водой. Жаль, что нет нормальной ванны. А заставлять таскать воду наверх я не могла. Это слишком. Когда же эти треклятые гости уедут?

Дверь распахнулась настежь. Я испуганно дёрнулась, но в дверях стоял Годвин собственной персоной.

— Что случилось? — спросила я.

— Почему ты ушла? Я танцевал для тебя. Но ты даже не смотрела.

— Неправда! Я видела танец от начала до конца, и мне очень понравилось. Так почему ты здесь?

— Ты так ловко притворяешься наивной, что иногда хочется свернуть твою нежную шейку, — с обидой произнес он, и показал руками жест, как будто сжал горло.

— Ты считаешь её нежной? — вкрадчиво спросила я, поднимаясь с кресла и укладывая ребёнка в колыбельку.

В этот момент зашла Силва, с ведром воды.

— Забери ребёнка и иди в детскую, — вполне трезво произнёс мужчина.

Силва с корзиной пошла к двери.

— Годвин, там не холодно?

— Я приказал ещё вечером, чтобы там натопили. Иди, — прикрикнул он на остановившуюся девушку.

Разворот на месте — и щеколда была задвинута (я настояла на том, чтобы дверь закрывалась). Килт, рубашка полетели в разные стороны. Мужчина стремительно двигался ко мне, на ходу обнажаясь.

Я глубоко вздохнула, когда он подхватил меня и бросил на кровать.

— Я весь вечер сходил с ума, с момента, как ты показалась на лестнице, — промычал он в шею, целуя её и всасывая кожу.

— Годвин, ты метишь меня. Это некрасиво, — запротестовала я.

— Думаешь? А я хочу, чтобы все знали, кому ты принадлежишь. Чтобы больше никто не смел тебя отнимать у меня.

— О, Боже, — выдохнула я, когда моё платье разорвали пополам.

Жадными поцелуями прошёлся мужчина по всей груди, плечам, животу. Его большие мозолистые ладони гладили, сдавливали и мяли мое тело, поворачивая его, словно я ничего не вешу. Тысячи поцелуев осыпались, как лепестки на мою спину. Влажный горячий язык прошёлся по позвоночнику. Меня положили на бок и притянули вплотную к могучей груди.

— Чистая, гладкая, тёплая — моя, — зарычал мужчина и вошёл в лоно одним чётким движением твёрдого члена. Я охнула и прижалась ближе. Хотелось насадиться ещё глубже, радуясь, что даже пьяный он пришёл именно ко мне. Много ли надо женщине, если любимый мужчина рядом?

Больше книг на сайте —

Но в следующую секунду мне захотелось его убить. Годвин заснул. Нагло, без капли совести, оставив меня в таком интересном положении.

Низ живота тянуло, лоно пульсировало и требовало поступательных движений. Так было приятно чувствовать наполненность. Ощущение давления на чувствительные стенки приносило наслаждение. Соски набухли и ныли, в голове шумело от напряжения. Но я была счастлива. Никуда он из меня не денется.

Вскоре я заснула. Перенервничала и переутомила. Пробуждение было жарким. В окно светила яркая луна. Я бы на её месте стыдливо отвернулась.

Мужчина вбивался в меня сильно, глубоко и ритмично, как будто и не проснулся только что. Левая рука теребила горошины сосочков и мяла грудь, а правая рука находилась внизу живота. Гибкие пальцы посылали импульсы болезненного наслаждения по всему телу, потирая и надавливая на клитор.

Большого напряжения я бы не выдержала.

— Годвин, подожди, — захныкала я.

— Тебе больно? — резко остановился он.

Ну что за мужчина? Я готова была плакать от умиления и благодарности. Даже будучи возбуждённым, он думал о моём благополучии.

— Позволь мне. Я хочу сама.

Я не стала объяснять, чего хочу сама. Просто толкнула его на спину и оседлала бедра. Взяла влажный твёрдый, горячий орган в руку и направила в себя, насаживаясь медленно и тягуче. Когда опустилась, вбирая в себя до конца, мы оба выдохнули с облегчением. Всё-таки немаленькое у мужчины половое орудие. Просто восхитительное.

Посмотрела на луну, затем в лицо Годвину и начала свой страстный танец. Вперёд-назад, раскачиваясь, совершая круговые движения.

— Я танцую на твоём мече, — улыбнулась я, а затем закусила губу от невероятных ощущений. Мужчина начал двигаться навстречу.

— И он будет единственным. Иначе я убью тебя.

Глава 17. Ночные приключения

Годвин остался со мной. Он заснул почти сразу же, как я соскользнула с него. Даже не шевельнулся, пока обтирала его сначала влажным, потом сухим кусочками полотна, что служили полотенцами. Накрыв мужчину меховым одеялом, принялась приводить себя в порядок.

Грудь налилась молоком. Значит, малыш скоро проснется. Быстро накинув на себя широкое, в виде трапеции, шерстяное платье, вышла в коридор. Детская находилась на третьем этаже. Это надо пройти коридор, выйти на лестничную площадку и подняться наверх по узкой лестнице. В коридоре горел только один факел. Я почти дошла до лестницы, когда слышались шаги.

Сначала, решила, что это Силва с ребёнком. Потом, прислушавшись, поняла, что звуки доносятся из-за закрытой двери, где находится то самое, западное, крыло. Я знала, что там поселили гостей вместе с личными слугами, предварительно приготовив комнаты.

«Кому не спится в столь поздний или, наоборот, ранний час?»

Быстро огляделась. Какой ужас! Даже спрятаться негде. Ни одного тёмного уголка или ниши. Я сейчас, как на ладони. Не сказать, что боялась кого-то. Нет. Я у себя дома. Но, зная местные обычаи, не стоит ночью гулять по спящему замку. Тем более молодой женщине с клеймом «странная». Ничего другого мне не оставалось, как спрятаться в ближайшей комнате. Вернуться бы я не успела.

Надо же!? Как по заказу — сразу и в покои лэрда. Я сюда не заходила ни разу за всё время, что здесь живу. Из принципа. Это глупо, наверное, но я не могла заставить себя. Мне эта комната казалась чужой. Да и представлялась вертепом, прекрасно сознавая, что не имею права на осуждение.

Чуть не заорала от страха, почувствовав, как толкают дверь за спиной. Стрелой бросилась к огромному сундуку и затаилась за ним. Благо, здесь в камине только догорающие угли светились от дуновения воздуха. В комнату просочилась белая тень. Не знаю я, что эта тень принадлежит вполне себе здоровой женщине, подумала бы, что это призрак. Тем не менее, желание пополнить ряды призраков ещё одним просто зашкаливало и руки чесались. Понятно, зачем она явилась сюда.

Женщина едва ли владела своим телом. Неужели напилась с горя после того, как я ушла?

Блондинка стянула с себя полупрозрачное нечто и нагишом продолжила свой путь до кровати. Выглядело очень аппетитно, если бы со всей придиричивостью оскорблённой женщины, не отметила бы худосочные ноги и обвисшую грудь. В платье буфера казались больше. Она с концлагеря сбежала или так трудится на благо короны, что не успевает отрастить мяса на мослах?

Ещё раз испытала нечто вроде шока, когда дверь снова открылась.

— Годвин, милый, это ты? — попыталась кокетничать блондинка.

— Дура. Что ты здесь делаешь?

Я-то узнала посетителя. А вот до пьяной женщины слабо доходило. Или ей было сейчас не до блужданий в поисках здоровой мысли в лабиринтах отключившегося от алкогольных паров разума.

— Ты никогда не был таким грубым, Годи. Даже не смей думать отказывать госте в гостеприимстве! Я особенная. Ты же знаешь.

Женщина провела по своему телу руками, тихонько с придыханием застонала.

«Боже, только не это. Не хватало ещё быть свидетельницей порносцены. Мортимер, будь джентльменом. Оттащи эту козу в свою комнату»

Но моё желание не было услышано. Мортимер не был джентльменом, а блондинка вцепилась в мужчину, как кошка. Он сопротивлялся сначала, стараясь отцепить от себя женщину, посыпая её голову тихими проклятиями, сдобренными матами. Затем сдался. Редко кто устоит. Голая, доступная и возбуждённая. Бери и пользуйся. Тем более, что ничем не грозит.

— Почему бы и нет, — проговорил он, резко запуская руку в белокурые локоны. Женщина сдавленно застонала.

— Больно же, Годи.

«То Вин, то Годи. Ты прям нарасхват, дорогой», — злилась я, не спуская глаз с парочки.

А что мне оставалось? Раз в эту ночь мне предстояло стать зрителем, то надо смотреть. Я предпочла

бы и не видеть, и не слышать. Мне к ребёнку надо. Но что-то подсказывало мне — Мортимер меня живой не отпустит. А становиться его игрушкой я не собиралась. Буду драться на смерть.

— Линдси, заткнись, — рявкнул мужчина коленопреклонённой женщине.

«Вот любитель минета. Импотенция, что ли, наступает на пятки? Пока не пососут, не встаёт»

Пошлые звуки наполнили комнату. Причмокивание, хлюпание, тяжёлое дыхание. Почему-то те же звуки с любимым так не раздражают. Их и не замечаешь. Но и не так всё это выглядит отвратительно.

— Хватит, — сказал мужчина.

За волосы, что он так и не отпустил из судорожно сжатой руки, он приподнял Линдси с каменного пола. Она потянулась потереть коленки, которые небось саднят, но ее дёрнули выше и бросили лицом на постель. С довольно высокой кровати она свисала вниз ногами. В камине треснуло полено. Мужчина вздрогнул, резко развернувшись. Языки пламени осветили его фигуру. Я видела его сбоку. Резкие черты лица выделялись чётким профилем. Штаны расстегнуты, в руке небольшой отросток, претендующий на звание члена.

Он вернулся к белоснежной ягодной части своей любовницы. Резкий шлепок пришёлся по одной из половинок, другой по второй.

— Эй, спать ты не будешь. Ты должна знать, что тебя имеют. Королевская кровь, видите ли. Седьмая вода на киселе. Таких королевских ублюдков немало, дорогая.

Мужчина пристроился к пытающейся заползти на кровать женщине и, цепко вцепившись в бедра руками-крюками, начал вбиваться в безвольное тело, утробно рыча. Линдси на каждый выпад постанывала.

— А теперь, принцесса, — с усмешкой и упиваясь собственной властью произнёс он, — попробуем десерт.

Я только могла представить, что этот недоумок задумал. Закрыв глаза, постаралась аккуратно, чтобы себя не выдать, заткнуть уши. Но вскрики при каждом резком выпаде мужчины прорывались через ненадежный заслон.

Так ужасно я не чувствовала себя даже в монастыре.

Мне казалось, что эта пытка длилась вечно, но она заняла всего ничего времени. Наш любовник оказался не особо выносливым.

Я молилась, чтобы он забрал женщину с собой.

Слава всем святым, он так и поступил.

Как только комната освободилась, выждала несколько минут и побежала наверх, к малышу. Только общение с ним очистило бы мой разум от гадких картинок. Было слышно его хныкание и тихое пение Силвы. Видимо, побоялась, к моему счастью, сунуться в спальню. Я ещё долго ворочалась, пока не забылась сном, отмечая заметно посветлевшее за окном небо. Просто фееричная ночь получилась.

Гости ожили достаточно рано. Линдси выглядела бледной, но живой. Она посветлела лицом, когда увидела Годвина. Но тот только кивнул и прошел мимо женщины, подходя вплотную ко мне.

— Ты оставила меня одного, — начал он обвинительную речь.

— Меня дожидался более нетерпеливый, но не менее дорогой для меня человек, — ответила я, улыбнувшись.

— Хочу тебя, — выдохнул он едва слышно и сразу же отошёл.

Щёки полыхнули жаром, и это не осталось без пристального внимания Аннабель и Мортимера. Линдси ещё находилась в прострации.

— Я уезжаю. Провёл отличные дни, отдохнул, — выражал свою благодарность хозяину гость. Я чуть в голос не расхохоталась. Едва сдерживаемую улыбку заметил Годвин. Возникнут вопросы.

— Леди Линдси, вы готовы к отъезду? — обратился Мортимер к блондинке.

— Не знаю, вынесу ли я эту ужасную дорогу, — вяло произнесла она.

— Думаю, что вам стоит поехать. Если начнутся дожди, останетесь здесь, — произнесла я, неожиданно даже для себя. Естественно, что всё внимание сосредоточилось на мне.

— А что в этом плохого? Или я уже надоела вам и вы не дожждётесь моего отъезда? — встрепенулась «ночная бабочка».

— Как можно? Мы всегда рады гостям. Но для такой изысканной и умной леди трудно придётся в нашей глуши. Никаких развлечений, никаких новостей, да и занятий, чтобы скоротать длинные дождливые дни. Не говоря о ночах. Я беспокоюсь только о вашем благополучии.

— Думаю, что стоит уехать сейчас, — едва заметно поморщилась она.

Встав из-за стола, она удалилась. В глазах Годвина и его смышлёного друга играли смешинки.

Глава 18. Иностранец

Гости уехали, и вместе с ними отправился Годвин с небольшим отрядом.

Неприятное чувство тревоги поселилось в груди с того самого момента, как я узнала, что муж будет сопровождать отряд до Эдинбурга. Слишком далеко. Мне и спрашивать никого не надо было, я прекрасно знала, что дорога будет нелёгкой. Разбойники, что всегда околачиваются у дорог с жаждой наживы, не так страшны. Воины Годвина, да и он сам хорошо подготовлены и не робкого десятка. К тому же, до сих пор они как-то выживали.

Меня пугали небольшие, мобильные отряды англичан. Они были мастерски обучены убивать, ранить так, чтобы человек обессилел от ран, но не умер. Таких они забирали в плен. Я помнила историю Средневековой Европы (Англии в том числе), и что ждало несчастных в каменных застенках.

Я передёрнула плечами. Приходилось надеяться на то, что Годвин опытный командир и воин. Я подозревала, что проводы гостей лишь предлог, чтобы замаскировать истинную цель своего отбытия.

А жизнь в крепости продолжалась. Не зная, чем себя занять, я совалась куда только можно было. Косые взгляды жителей меня мало волновали.

Я исследовала крепость вдоль и поперёк (не подходя, между тем, к развалинам). Пыталась определить её слабые и сильные стороны. Заходила в мастерские, навевалась несколько раз за день на кухню, нервирова этим Гвен. Прошарила все уголки и проходы. Крепостную стену обследовала только изнутри: выйти бы мне не позволили. Откуда я это знала? Открытые ворота охранялись. А ещё я заметила, что двое человек не сводят с меня глаз. Маячат где-то в пределах видимости. Но стоило мне попытаться поймать взгляд кого-нибудь из них, так начинали одолевать сомнения: не показалось ли мне? Таких шпииков ещё найти надо. Очень умело маскировались.

Служка меня не задевала. Это хорошо, что меня пасут. Неизвестно, кому может понадобиться моя тушка. Никто ведь не в курсе, что от их истинной леди присутствует только яркая оболочка. И я, настоящая, ничего не знаю о тайнах Мелинды. Так, с тех пор, как мне приснился сон в монастыре, она больше не пожелала ко мне явиться. Не хотелось бы думать, что состояние ухудшилось или... Но об этом я предпочитала не думать.

Беспокоила меня нервозность Аннабель. Я знала из моих ночных приключений, что женщина была в отчаянии. Значит, она крайне опасна и может решиться на крайние меры. Только вот какие? Я ещё не до конца выяснила, как умудрились меня (Мелинду) упечь в монастырь. К тому же желание исследовать развалины становилось всё навязчивее. И надо было это сделать так, чтобы никто меня не поймал.

Я дитя двадцать первого века, человек с жилкой авантюризма и жаждой к приключениям, выросший на экшенах, ужастиках, фэнтези и триллерах. Не отвязный подросток, но грамотный, здравомыслящий человек. Ужасные легенды и суеверный, благоговейный страх перед тайнами и призраками прошлого только будоражили воображение и привлекали ещё больше, чем пугали и отталкивали. Да и находилась я в такой ситуации, что промедление могло закончиться трагично. Для меня точно.

Поэтому во время своих прогулок я старалась выяснить, кто дежурит у ворот, когда они закрываются, время зажжения факелов, когда сменяется охрана. Надо было ещё учесть моих соглядатаев. Усыпить их бдительность. Пусть думают, что я просто обычная женщина. Что, кроме прогулок и своего ребёнка меня ничего не интересует.

Наверное, всё-таки есть у нас ангелы-хранители. Или высшие силы имеют свои планы на каждую подаренную жизнь. Судьба ли, рок определяют наш путь, но толкнуло меня на эту вылазку предчувствие, интуиция. Называйте как хотите.

Часов здесь не наблюдалось, но стояла глубокая ночь. Я не спала, прислушиваясь к звукам за стенами комнаты. Ребёнка покормила час назад. Теперь он будет спать до рассвета. Силва дрыхла без задних ног. Совсем её распустила.

Придвинула кровать-качалку ближе к спящей девушке. Одеда шерстяные брюки, перетянув в поясе верёвкой, тёмную тунуку, а сверху накинула короткий плащ с глубоким капюшоном. На ноги, поверх толстых вязанных носков, надела мягкие кожаные сапожки на плоской подошве. Факел приготовила заранее, как и кресало (огниво), чтобы поджечь его.

На всякий случай (предполагаемый, но непредвиденный) выкрала небольшой меховой сосуд из козьей шкуры для вина (в таких «фляжках» воины всегда возили разбавленное вино). Налила в него воды, в полотняном мешочке меня ждали хлеб, кусок твёрдого сыра и лесные орехи. Прихватила

острый нож, небольшой и удобный, в кожаных ножнах. Я нашла его на дне сундука Мелинды. Только что произошла смена караула. Следующая смена только утром. Самое время. У меня совсем немного его осталось.

Надо успеть вернуться до петухов. Прежде, чем кухарка займётся выпечкой.

Выбираясь из комнаты, затем проходя коридор и спускаясь по лестнице, я чувствовала себя Зорро, который явился в стан врага восстановить справедливость. Не хватало только широкополой шляпы с банданой, шпаги и маски. Из донжона (башни) я выбиралась через кухню. Если бы сунулась в главный вход, меня бы застучали. В зале спала та часть воинов, что не последовала за Годвином. Среди них были и те двое, что следили за мной.

Дверь, закрывающая чёрный ход в кухню, была заперта на засов. Поискала плоску с маслом, что использовали для смазывания противней. Намочила тряпицу в масле, подошла к двери. С силой сжала тряпицу, чтобы масло пропитало стыки петель. Вытерла руки и отодвинула засов.

Я молодец! Дверь распахнулась без звука. Быстро её прикрыла, чтобы сквозняк не просочился: в углу на кушетке спала тощая помощница кухарки, которая могла проснуться. Глубоко вдохнула холодный сырой воздух. Дождя не было, но клочки тумана, как овечья шерсть цеплялись за выступы и оседали между неровностями. Темень стояла бы беспросветная, если бы небо не было безоблачным. Только звёзды равнодушно перемигивались друг с другом от скуки. Я даже позавидовала их невозмутимости. Ведь сама тряслась как осиновый лист на ветру.

Не давая себе и шанса передумать, зашагала в сторону верхнего двора. Шла очень медленно. В такой темени и шею сломать недолго. Огонь зажигать не торопилась. Ещё издали засекут. Да и мои потуги с огнём столько шума издадут — вся крепость сбежится.

Я только завернула за одну из разрушенных стен, как сразу прижалась к ней с обратной стороны и даже присела, чтобы совсем уж исчезнуть из видимости. Затем медленно выглянула из-за угла, чуть не сдирая кожу со щеки — настолько сильно прижалась к камням.

В импровизированном очаге из нагромождения камней горел небольшой костерок. Рядом никого не было. Но это не значило, что тот, кто его зажжёт, ушёл. Я притаилась ещё больше, боясь даже дышать. Большая удача, что меня не поймали. Нервно оглянулась. Нижний двор не подавал признаков жизни. Над воротами горели факелы, как и на боковых гранях башни. Озеро тускло отсвечивало ленивыми бликами. Туман ещё не заполз туда, скапливаясь у кромки, словно боясь воды. Красиво. А тут я лежу, идиотка в развалинах и неизвестно кого или чего жду. На кону стоит моя жизнь и не только. Себе же не соврешь — я переживала не только за себя.

Ждать пришлось достаточно, чтобы я успела продрогнуть. Небольшой шум привлёк моё внимание, когда уже совсем отчаялась и решила уже вернуться.

Туман стал выше и стелился по земле ковром, когда из темноты внезапно появился молодой мужчина. А из-за его спины показалась Аннабель. Я чуть не присвистнула, хотя чего-то такого ожидала.

— Снова ничего. Сколько можно? Ни следа! Умели же прятать...

Мужчина разговаривал с акцентом. Он присел перед костром, который почти погас, оставив горящие угли. Подкинул несколько дощечек, достав их из какой-то ниши, и огонь жадно стал лизать сухое дерево, разгораясь вновь.

«А ребята неплохо устроились, даже дров запасли. Или этот товарищ здешний? Не похоже. Иностранец, по всей видимости», — рассуждала я.

— Трудно ориентироваться ночью. Только если днём поискать, — ответила Аннабель, зябко кутаясь в плед и садясь рядом с мужчиной. — Не может нам всё время так везти. Лэрд так надолго редко покидает крепость.

— Крепкий орешек. Так и не выдал ничего. Анни, ты ли это? Твои чары действуют незамедлительно на всех. Странно, что ты его не разговорила. Может, боишься довериться мне или ты чего-то боишься?

— Не надо говорить гадостей, Артур. Ты же знаешь, что я всё сделаю для тебя и Кэтрин. Не скрою — боюсь Мортимера. Он трусливый гад, но очень коварный. Мне бы узнать, где он прячет дочь. Ни минуты здесь не оставалась бы. А насчёт Годвина можешь забыть. Он по уши влюблён в свою жену. И раньше был, но сейчас просто не надышится ею.

— Что такого произошло? Ты меня заинтриговала.

— У меня такое ощущение, что после возвращения из монастыря она изменилась. Как будто другой

человек. Если бы я точно не знала, что у неё нет близнеца, подумала бы, что их обменяли, — задумчиво поведала она.

— Интересно. Я слышал про тот диск, о котором ты говорила. Говорят, что он обладает чудесной силой, — мужчина разворошил костер и добавил ещё несколько щепок.

— Мортимер сказал, что она украла у него какую-то вещь. Очень дорогую, с драгоценными камнями. Перед тем, как состоялась свадьба. И уверен, что она спрятала этот предмет здесь.

— Это не простой предмет или вещь, дорогая. Это платиновый диск. Вокруг него располагаются сапфиры, а прямо посередине зеркало из голубого стекла. Принадлежало оно одному из главных храмовников. Слышал, что он, смотря в зеркало, мог видеть будущее. Орден был разгромлен, когда это зеркало украли. Кто это сделал — никто так и не узнал. Сведения о нём скудные. Я шёл по рассказам о невероятных вещах, типа точных предсказаний или таинственных смертях, пока не попал к Брюсу. Наличие храмовников в его армии убедило меня в том, что я на правильном пути. Последний хозяин зеркала погиб в бою при Бэннокберне. Или ему помогли умереть. Так оно досталось Мортимеру, у которого его украла Мелинда.

— Эта девушка не могла его украсть. Уж точно не та, что была раньше. Скорее всего, ей его подложили. У меня даже есть подозрения, кто это сделал, — возразила Аннабель. — Но ты ведь ищешь не зеркало?

— Нет, конечно. Я не хочу умирать раньше времени из-за старого куска стекла. Анни, нам надо найти сокровища. Лорд Габриэль был одним из тамплиеров и, уверен, хранителем сокровищ, что ему поручили. Часть ушла на войну, в помощь Брюсу. Но не вся же?

— Мог бы родной дядя оставить тебе наследство, — грустно сказала Аннабель. — Сейчас жили бы в собственном доме, с дочерью.

— Троюродный дед, не дядя. Дом без денег — это груда камней, Анни. Как найдём то, что ищем, я заберу тебя, — пообещал мужчина, целуя женщину.

— А что делать с угрозами Мортимера? Где я найду ему зеркало? — спросила Белль.

— Сомневаюсь, что оно здесь. А не спрятала ли девчонка его в монастыре?

— Было бы где там спрятать. Она убила монахиню, что за ней присматривала. Всё так странно. Мелинда и мухи не обидела бы. Даже когда я подливала ей отвар и у неё появлялись галлюцинации, она никому не вредила и не была агрессивной. А тут взяла и убила. А Годвин замаял это дело. Сколько, интересно, он заплатил аббатисе?

— Ты думаешь о том, что и я? — спросил мужчина.

— Да, Артур. Годвин знает про сокровища, и где они спрятаны. Только никогда этого не скажет.

— Скажет. Надо только отнять у него то, чем он дорожит больше жизни, — уверенно произнёс Артур.

Глава 19. Мортимер

Я крупно вздрогнула от слов Артура, а сердце жалобно заныло.

«Надо не выпускать из виду ребёнка. Сволочи»

— Тэвиша? Сына Годвина? — удивилась и, как показалось мне, огорчилась Аннабель.

— Нет, конечно. Его жену. Раз она так дорога ему, то лучше она. Может ещё и про зеркало узнаем.

— Конечно, — с облегчением выдала женщина. Самую малость я была ей благодарна, что она переживала о ребёнке. Совесть ещё не совсем её покинула.

Но стоял огромный знак вопроса: когда и как они собираются меня похитить?

— Светает. Гвен просыпается рано. Если уже не копошится на кухне. Мне надо идти, — поднялась она.

— Да. Тогда затягивать не будем. Годвина не будет ещё несколько дней. Я найду убежище, а ты готовься к похищению. Никто не должен тебя заподозрить. Я бы забрал тебя с собой, но сама понимаешь, Мортимера не перехитрить.

— Да, понимаю.

В клубах тумана меня не было видно. Наступить на меня они не смогли бы. Артур исчез, как призрак, а Аннабель залила костёр водой и пошла в сторону башни. Мне стало интересно, как она исчезает и возвращается туда, без риска кого-нибудь разбудить. Я медленно следовала за ней.

Вдруг меня отвлек неясный шум. Даже не так. Под чьей-то ногой хрустнула веточка. Кто-то ещё следил за Аннабель или тоже решил под покровом тумана заняться грязными делишками.

Я присела и затаилась. Аннабель ничего не слышала, поэтому пошла дальше, не сбавляя ход и вскоре исчезла из вида. Из-за огромного валуна, непонятно как появившегося здесь (поднять и перетащить такую тяжесть вряд ли бы была возможность, только если не скатился с верху), появилась грузная тень. Человек постоял, смотря вслед Аннабель, осмотрелся и с проворностью горной козы, что было удивительно для его комплекции, посеменил в гору.

«Да это же ты, Донна, мразь конченная. Как я могла забыть о тебе? Вроде Годвин тебя отослал? Или нет? Вряд ли он знает, что ты здесь околачиваешься. Не крепость, а логово разврата и тайн. Сколько секретов хранят эти камни? Кажется, мои приключения на сегодня не закончились. Жаль только, что не узнала, какими Аннабель пользуется ходами»

Так размышляя, я шла за Донной. Надо было быть очень осторожной. Кто-то ведь должен был ждать эту пампушку?

Приходилось выжидать некоторое время, чтобы не пропустить ничего. Может быть я насмотрелась фильмов или читалась книг, но обычно тот, кто прячется, имеет привычку ждать предательства. И не сразу выходит на встречу. Вдруг кто-нибудь следит. В данном случае — это я.

Донна почти дошла до крепостной стены и застыла на видном месте. Странно, но ждала она терпеливо, превратившись в соляной столб. Это как она должна была быть предана или ... Чуть не рассмеялась от собственных мыслей, но такое предположение тоже не безосновательно. Только влюблённая дураха будет творить такие безрассудства. Не обо мне речь, в таком случае. И не в случае Аннабель.

Силуэт возник внезапно.

— Вы напугали меня, — томным голосом произнесла Донна.

Я с трудом сдержалась от смеха.

«Я больная. Какой смех, когда тут такие люди? Успокойся, Маша. Зреет заговор и это не смешно»

— Тебя напугаешь. В такую ночь только смелая женщина придёт на свидание, — мужчина пустил в голос томные нотки.

«Господи, держите меня семеро. Я сейчас разражусь гомерическим хохотом. Что за комедия?»

— А у нас свидание? — с придыханием спросила Донна и метнулась к Мортимеру. Да-да. Тот самый рыцарь, похититель женских сердец, грёбанный Ланселот.

Он непроизвольно дёрнулся назад от такого рвения в свою сторону. Женщина застыла на секунду,

но Мортимер справился. Он взял её за руки и поцеловал обе ладони поочередно. Донна разлилась в блаженной улыбке.

— Ты лучшее, что я встретил в моей жизни, моя девочка.

«Боже упаси! Хоть бы не стошнило. Какие мы женщины глупые. Что же ты надумал? И почему ты здесь, а не в Эдинбурге? И где Годвин?»

Мне реально стало плохо. Сердце подскочило до горла, больно сжав его удавкой. Надо выяснить, куда делся муж. И что с воинами. Не могли же они все исчезнуть бесследно?

— Ты же знаешь, что делать? — уточнил этот хорёк.

— Да. Завтра, охрана будет спать. И не только. Обещаю, — прижала к объёмной груди руки женщина. — Крепость будет ваша.

— Мне не нужна крепость. Мне нужна девчонка и то, что она у меня украла. А чтобы никто ничего не заметил и не поднял тревогу, всё нужно сделать тихо.

— Хорошо. Я прослежу за всем.

— Спасибо, дорогая! Как только я получу свою вещь, я добьюсь того, о чём мечтал всю жизнь, и ты займёшь своё законное место, которое заслужила.

Бедная дуреха не услышала угрозы в словах мужчины. Совсем спятила от радости.

«Сколько же охотников на мою бедную тушку?»

Глава 20. План

Вернулась домой без сил, под утро. Мне казалось, что я пробыла там часов шесть, не меньше, но первые петухи закукарекали только что. Я поздоровалась с охранником, что только что вылез из сторожки. Второй спал, закутавшись в плед.

— Не проспите нападение, — бросила я, проходя мимо. Услышала, как охранник тихо выругался и хмыкнула. Разве я не права? Знали бы они то, что знаю я.

Зашла со стороны чёрного хода на кухню. Видела издали, как оттуда вышла помощница Гвен и засемила в маслобойню. Значит, Гвен занята сдобой. Я и не пыталась строить из себя невинную скромность или прикидываться дуручкой. Буду вести себя уверенно, чтобы не возникало вопросов.

— День ожидается тёплый. Я уже поздоровалась с охранником. Что у нас на завтрак, Гвен? — спросила я невинно.

— Пирожки с пылу с жару, с требухой. Но вы такое не любите. Булочки с ягодной начинкой и лепёшки с мёдом будут позже. Пришлите Силву, я приготовлю поднос, — ответили мне, не оборачиваясь.

— Нет, Гвен. Пирожки — самое то, что мне сейчас нужно. Надо ещё малыша кормить, — улыбаясь, ответила я, и присела за стол на широкую скамью.

— Ну как же? — удивлённо воскликнула женщина.

— Мои предпочтения с рождением сына поменялись. Ради детей матери могут сделать что угодно, — твёрдо сказала я. — Чем лучше запить?

— Свежий ягодный настой есть с мёдом, — ответила кухарка.

— Если можно, то горячий, продрогла. Свежий воздух — это хорошо, но не так рано, — улыбнулась я.

Через минуту уже уплетала изумительные пирожки и запивала вкусным напитком. Гвен разговорилась, отвечая на мои нехитрые вопросы. Мы немного поговорили о домашних делах, что шли мимо меня. Но я должна была быть в курсе, как хозяйка.

— Гвен, я тут видела Донну. Она разве не была отправлена лэрдом обратно в Инвернесс?

— Вот, с утра надо было напомнить об этой тупой паршивой овце? Прямо настроение испортилось, — возмутилась Гвен.

Она с шумом поставила противень с готовой выпечкой и заложила в духовку другой. Ловкость и быстрота, как эта женщина управлялась с такой тяжёлой кухонной утварью, вызывали восхищение.

— Прости? — испугалась я, что не то ляпнула. Но мне нужна была информация, а кладёзь её находился на кухне.

— Что вам-то извиняться? Мы же не знали, что хозяин привезёт вас с младенцем. Он отправился в очередной поход. И приехали вы и эта паршивая овца. Тьфу! Никуда она не уехала, притворившись больной. Она поселилась у пришлых Маккензи. Вроде бы родственница их дальняя. Лаура говорит, что никакая она им не родственница, но отказать не смогла. Так в первый же день, бедную, до слёз довела. Волосы бы ей выдрала, твари! Ангус хороший человек. Он плотник, если вы не знаете. Прилежный и добросовестный. И Лаура порядочная женщина и детки их хорошие. А эта змея сидит у них на шее. И об отъезде ни слова, — возмущённо закончила Гвен свою тираду.

— А почему не сказать об этом лэрду? — спросила я. — Или его заместителю?

— Лэрду не до таких мелочей, а Кевин сам рылом в пух тыкается. Тоже тугодум и остопоп.

— Ты прелесть, Гвен. Но, знаешь, если эта, как ты говоришь, паршивая овца здесь осталась, то должна быть веская причина этому. Чем её могла привлечь жизнь в маленьком домике, в тесноте, с семьёй, что ей и не является родственной? Жила бы себе в Инвернессе. Я бы на твоём месте присмотрела бы за ней. Тем более, что лэрда дома нет. В такое беспокойное время это очень странное поведение, тебе не кажется?

— А ведь и правда. Я скажу, чтобы Лаура за ней присмотрела, — задумалась Гвен.

— Нет, Гвен. Мы же не хотим, чтобы безвинная женщина и дети пострадали, если что не так. Просто будь сама на чеку. У меня предчувствие, что не зря она здесь трётся в крепости. Ты не удивляйся. Её поведение и высокомерие по дороге сюда мне очень не понравились. Мнение о

женщине можно составить по отношению к ребёнку. Представляешь, она моего сына разбавленным вином поила, да ещё и пеленки не взяла, что ей должны были отдать монахини. Я чуть не убила её тогда. Годвин поэтому её отправил обратно. А она здесь засела.

— Всего-то полдня до города. И правда странно. Вот уж не знала, что маленький господин так настрадался. Вы кушайте ещё. Вот булочки есть, — засутилась она.

— Спасибо, Гвен. Ты лучшая кухарка, что я знаю. Не пускай в свою кухню Донну.

— Только пусть попробует сюда зайти! Я ей устрою! — погрозила пухлым кулаком женщина.

«Не знаешь ты коварства, простодушная Гвен. Сто пудов обведут тебя вокруг пальца»

Я вышла с кухни и встретила с встревоженными глазами своих секьюрити.

Мне стало смешно, но я сделала вид, что не заметила их растерянности. Если Годвин их оставил охранять жену, то доверяет им. Только что-то все расслабились.

«Я должна ждать похитителей с двух сторон. Кто сунется первым, неизвестно. Но, то, что всех усыпят — это факт. А если произойдёт схватка? Пострадают невинные люди. Что же мне делать? Хоть бы этот балбес Кевин был здесь»

Интуиция мне говорила, что, если я подниму шум, то только спугну похитителей, ещё и выставлю Мелинду в очередной раз в не лучшем свете. Враги затаятся и нападут, когда никто их и не ждёт.

Силва уже возилась с Тэвишем. Я спустилась с ними в купальню. Здесь было тепло. Искупала мальчишку. Сама помылась, пока Силва присматривала за ребёнком. Подождала, пока оба обсохнем, а Сива стирала наши вещи. За это время у меня выработался план. Сырой, полный несоответствия, но всё-таки план.

Не было у меня никакой уверенности, что, усыпив столько народу, крепость не подвергнется нападению. Глупо даже рассчитывать на это. Можно было бы послать за Годвином. Но где он сейчас, и что с ним, я не знала, и никто бы не смог сказать.

Если он работает напрямую на короля, то его пути неисповедимы. Он и его отряд должны стать призраками. Если на них напали, то, возможно, он где-то раненный лежит. Или даже в плену. Но в это я не верила. Не хотела верить. Как я смогу ему помочь тогда? Если только сам Брюс его не будет искать. Тоже вряд ли. Таких Годвинов у него, небось, полно. Незаменимых, к сожалению, нет.

Если бы ещё знать, могу ли я вернуться назад в будущее и где этот чёртов артефакт? Я была уверена, что это он виноват в том, что я и Мелинда поменялись душами. А ребёнок? Смогу ли я бросить сына, пусть и не моего, здесь? А Годвин? Я ещё не полюбила его без памяти, но стала привязываться к нему и была совсем не равнодушна. Так что мне было о чём подумать.

Во-первых, надо предупредить воинов.

К этому надо приступить сразу же. Уверена, что с вечерним питьём снотворное, возможно, даже яд, может попасть на стол. Кроме воинов сейчас там никто не ест.

Во-вторых, надо устранить Аннабель. Вот её точно надо усыпить. И в этом мне поможет Силва. Она сможет найти возможность навязаться с разговором к Гертруде.

Я знала, что Аннабель, когда Годвина нет дома, не спускается вниз.

Рисковать и дать ей выпить снадобье Донны я не могла. Не хочу, чтобы кто-нибудь умирал или страдал. А Донна на всё способна. Она видела Аннабель, но не сказала об этом Мортимеру. И не удивилась, увидев её. Выжидала, спрятавшись. Та ещё штучка. Не такая она и наивная, как кажется на первый взгляд. Не пригнул ли змею на груди Мортимер?

В-третьих — как раз она, наша дорогая Донна. Надо сделать так, чтобы её успели схватить на горячем. Чтобы потом доказательства были и свидетели.

В-четвёртых, спрятать Силву с Тэвишем. Только вот где? Я не могла рисковать их оставить в своей комнате или в детской. Хоть Артур и говорил, что не хочет иметь дел с ребёнком, я ему не верила. Мать придёт за дитём. Если Тэвиша украдут, я пойду за ним куда угодно.

А там — дальше всё по мелочи. Как защитить себя, я даже не представляла. Я не борец, не ниндзя. А использовать нож по другому назначению, кроме как оперативное вмешательство, просто не смогу. Хотя, если возникнет угроза жизни, не знаю, как себя поведу.

Глава 21. Приготовления к встрече

Каждый план, даже безупречный, может дать сбой. Мой и так был хлипкий, так что, когда всё пошло наперекосяк, я даже не удивилась. Аннабель с утра ускакала куда-то с Гертрудой. Отписались, что в деревню. Донна ещё раньше появилась в замке. Но ненадолго. Я видела, как она уезжает на дрогах в сторону деревни с мужичком, что привозил из деревни продукты.

Попытка поговорить с охранниками не увенчалась успехом. Один смотрел настороженно, как будто я прошу его кого-то ограбить, а другой просто проигнорировал меня.

Я стала действовать на свой страх и риск.

— Силва, я тебя видела на днях с очень интересным мужчиной. Это кто? — спросила я, начиная разговор.

— Это Кайден, — девушка покраснела.

— Ты же говорила, что он старик. Это как понимать? По мне так очень приятный и сильный мужчина и совсем не старый. А улыбка какая! Не каждый может похвастаться такой белозубой улыбкой. И мне кажется, что ты ему нравишься, — мягко сказала я.

— Да скажете тоже! — она потупила глазки, зарделась вся. — Вы, правда, так думаете?

— Я не думаю или гадаю, я видела. Хотела сразу расспросить: решила, что другой мужчина тебе понравился.

— Я знаете, что подумала, Кайден старше меня на двадцать лет, но очень хозяйственный. И одинокий. Его жена давно умерла в родах, и он до сих пор один. Лучше быть, как за каменной стеной, чем сидеть и ждать молодого распутного мужа домой или вовсе не дожидаться, — делилась своими мыслями девушка.

— Очень умно и практично. Ты молодец. Такие мужчины и в постели не подводят, глядишь — нарожаешь ему детишек. Какая красивая семья будет, — спокойно говорила я, хотя сама вся издёргалась от волнения и от того, что время бежит, а я никаких мер ещё не приняла.

— Вы же не просто так это спрашиваете, госпожа? — вырвала меня из своих мыслей Силва.

— Извини, — нервно улыбнулась я. — Я хочу кое о чём тебя попросить. Это очень важно. От того, насколько правильно мы с тобой сейчас поступим, зависит жизнь и здоровье людей. Многих людей.

— Я помогу, чем смогу. Что такого случилось и почему вы напуганы? Это из-за хозяина? Он вернётся, — горячо заверила меня девушка.

— Очень на это надеюсь. Понимаешь, Силва, иногда лучше не знать некоторых вещей. Но я всегда считала, что случайности не случайны. Я узнала одну информацию, что мне не даёт покоя. И я хочу, чтобы хотя бы на этот вечер, или пока не вернётся Годвин, ты ушла к Кайдену. И взяла с собой Тэвиша.

— Как? Это не прилично. Да и что я скажу ему? — удивилась девушка.

— Силва. Сегодня будет нападение на крепость. Ты не пугайся. Я сделаю всё возможное, чтобы люди не пострадали.

— А как же вы? Что вы сможете сделать?

— Я — гарантия того, что смогу уберечь остальных от гибели, — серьёзно ответила я.

— Но можно ведь собрать людей в деревне, поговорить с воинами.

— Меня считают странной, если не душевнобольной, Силва. И ты это знаешь, как никто другой. Меня не то, что слушать не стали, просто проигнорировали, когда я позвала просто. Я только хуже сделаю. А в деревне, думаешь, не так же думают? А крепких мужчин там раз-два и обчелся. Я не хочу, чтобы пострадали невинные. Там много женщин и детей. Да и от крепости это больше двух километров. Не думаю, что нападающих будет много. Всего несколько человек, от силы. И им нужна я.

— Вы не можете пойти с ними. И Кайден не останется в стороне, когда узнает, — уверенно произнесла девушка. Я была рада, что эти двое нашли друг друга.

— Нет, конечно. Поэтому ты ему скажешь, что хозяйка опять чудит, и ты решила оградить малыша от больной леди. Что ты боишься за ребёнка. Сможешь это сделать для меня? — я с мольбой

посмотрела на девушку.

— Это Аннабель, да? И её тетя? — вдруг заплакала девушка.

— Какая тетя? — подозрения и раньше были, но не думала, что они так близки друг другу.

— Да эта толстуха в чёрном. Я так и знала, что она неспроста сюда заявила. Я её и раньше видела. Мы ездили в Инвернесс за покупками. Аннабель получила деньги от хозяина на одежду. И она взяла меня с собой, потому что заболела Гертруда. Мы поехали в сопровождении нескольких воинов. Там я и видела, как они встретились. Именно после той поездки вы стали странной.

— Понятно. Тогда некоторые вопросы откладываются. Времени мало, ты идёшь? — вновь спросила я.

— Да, но как я отсюда уйду, да ещё и с ребёнком?

— Лаура с мужем в крепости, я их видела. Напросись с ними. Они тебя подвезут. Я надеюсь, что малыш не проснётся в дороге. Мало ли что ты можешь нести в корзине?

— Это да. Надо только молоко раздобыть. Хотя у Кайдена есть коза. Да и холодно уже. Побольше тёплых вещей надо взять. Я сейчас сбегаю, договарюсь с ними, — засуетилась девушка.

— Силва, не пей и не ешь ничего в крепости сегодня! — предупредила девушку прежде, чем та скрылась за дверью.

Она остановилась и замерла, как истукан. Уже, когда хотела её окликнуть, отмерла.

— Это серьёзно, — тихо произнесла Силва, наконец-то, осознав масштабы угрозы.

— Молоко ребёнку давай только кипячёное, — попросила я.

— Знаю. Животик болеть будет. Не переживайте, — отмахнулись от меня.

Если время до сих пор шло нормально, то сейчас оно понеслось вскачь.

Через час Силва покинула крепость. Я закрылась у себя и ждала ужина.

Когда воины собрались в зале, тихо проскользнула в кухню. Увидев, что несут ужин охранникам, попросилась отнести сама и по дороге «случайно» разбила кувшин с элем. Гвен набирала из одной бочки, я знаю. Отдала еду, вернувшись приготовила глинтвейн (подогретое вино), добавила пряностей и отнесла собственноручно охранникам, попросив быть бдительными. До конюхов, молодых ребят, тоже добралась я. Четыре человека в сознании — это уже неплохо. Конечно, они были удивлены, что леди собственноручно им еду таскает. Но, как говорится, голод не тётка. Может же у меня (полоумной леди) появилась новая причуда?

Вскоре шум стал стихать. Я сидела на ступеньках на самом верху и ждала. Не заснули только мои два охранника. Спустилась вниз, когда они пытались растрясти своих друзей.

— Что это значит? — увидев меня, подскочил ко мне более крупный мужчина, Брасс, кажется.

— Это значит, что надо слушать, когда вам пытаются что-то сказать. Тем более, что я не девчонка с улицы. Сейчас сюда попытаются прорваться. Они же не знают, что дозорные на воротах и два парня из конюшни, да ещё и вы двое в сознании.

— Нападение?

— Ну да. Хотят выкрасть меня. Только мне кажется, что вряд ли они оставили бы спящих в живых. Слишком большое искушение. Почему вы не выпили пиво?

— Петер, давай быстро в обход, — не стали мне отвечать, только измерили прищуренным взглядом. Я не отвела свой уверенный.

— Считаю это нецелесообразным. Вас мало. А крепость большая. Лучше спрятаться в донжоне. Иначе всех перебьют по одному, — продолжила я.

— Дело говоришь. Сможешь не мешать? — спросил Брасс.

— Могу помочь. Надо все окна проверить, и двери на кухне закрыть. Если есть подземные или тайные ходы, лучше забаррикадировать, — поступали от меня советы.

— Странная ты всё-таки, госпожа, — улыбнулся мужчина. — Где ребёнок?

— Уже сообразил же, что его нет в крепости? Зачем спрашиваешь? — хмыкнула я.

Не отвечая мне, он исчез.

— Было бы разумно оставить меня одну, раз я им так нужна, наглый ты человек, — возмущённо пробормотала я и помчалась готовить перевязочный материал, не сомневаясь, что скоро здесь будет очень жарко.

Глава 22. Во всеоружии

Ждать пришлось долго. Это правда, что самые неблагоприятные дела делаются в самое глухое время — после полуночи.

Донжон мы укрепили, как могли. Одного парня в кухне оставили. Гвен ещё вчера отпрашивалась и ушла ещё засветло в деревню навестить семью. Как ни странно, сухопарая помощница Гвен тоже не спала. Видимо, не любитель эля. Когда ей сообщили о сложившейся ситуации, она стала таскать дрова. Затем закрыла двери на улицу на тяжелый засов, а двери в купальню со стороны кухни подперла рогатиной.

Огонь она растопила пожарче. В котлах закипала вода. Не завидую тем, кого ошпарят. Я удивилась её действиям, но каждый защищает по-своему то, что ему дорого.

Самым уязвимым местом в зале были окна. Жаль стёкла, если побьют. Но главное, чтобы выдержали решётки. На вид они выглядели тяжёлыми. Времени на них тратить не будут. В просвет между прутьями можно стрелять стрелами. Впрочем, вряд ли нападающие будут ожидать отпор.

Охранников с ворот мы тоже завели в донжон. Сначала вояки сопротивлялись, объясняя это тем, что не могут оставить пост. Но когда им разъяснили ситуацию, решили не спорить.

Заснувших воинов пришлось оттащить к стене. Я предложила ещё закрыть их столами, уложив их на бок. Не хотелось бы, чтобы бесчувственные люди были ранены.

Всё оружие предложила распределить по залу, так можно было передвигаться от окон к дверям и иметь его в любом месте под рукой. Спящим оно ни к чему, а во время драки можно его и потерять.

Сбегав наверх, натянула брюки, одела тунику, а поверх длинный жакет, оторвав мех с ворота и рукавов, а на ноги надела сапоги. Волосы туго заплела в косу. В сапог засунула нож. Он постоянно был со мной в последнее время. Пробежалась по комнатам второго и третьего этажей и закрыла все ставни. На всякий случай. Жаль, что деревня так далеко. Будь в крепости побольше народу, мало кто рискнул бы повернуть такую операцию. С другой стороны, хорошо, что на территории нет жилых построек. Куда б мы дели этих людей?

Спустилась вниз. В купальне у меня был организован временный медпункт. Надо было ещё раз все перепроверить. Брасс смотрел на мои приготовления с ухмылкой, да и остальные не оставляли без внимания мои передвижения, но открыто пялиться не решались.

— Теперь осталось только ждать, — выдохнула я, присаживаясь на скамейку, придвинутую к боковой стене.

— Знать бы, сколько их будет, — поддержал разговор Брасс.

— Достаточно, чтобы преодолевать длинную дорогу и защищаться. Значит и для нападения на безлюдную крепость будет более, чем достаточно, людей, — ответила я.

— Хм.

Я проигнорировала это несерьёзное «хм». Желанием оказаться пленницей аморального типа я не горела.

— Предупредите, если вам не трудно, на кухне, чтобы не пускали никого, кроме лэрда, если будут стучаться. Это важно, — попросила я.

— Вы не говорили мне, что подозреваете кого-то, — прищурился Брасс.

— А вы как будто мне поверите? — хмыкнула я. — Кажется, я что — то слышу, — отвлеклась я на подозрительный звук.

В зале горел только камин, факелы мы затушили, поэтому была возможность незаметно наблюдать за тем, что происходит за пределами стен.

Оба охранника остались сторожить наверху. Брасс приказал им следить за верхним двором, где нет факелов и откуда, скорее всего, могут появиться похитители.

И вот, время пришло. Я слышала что-то, но снова стало тихо.

Раздался шорох сверху. Охранник показался на лестничной площадке и позвал рукой Брасса наверх. Я пошла следом.

— Оставайтесь внизу, — шепнул он мне.

— И не подумаю. Они сейчас могут попробовать взобраться по стене. Если кто и не спит, так легче обойти опасность. Спустить тело из окна и уйти можно без проблем, чем рваться на пролом, — тихо говорила я.

— Не думал, что вы такая выдумщица.

Я хотела возмутиться, но знак молчать заставил проглотить негодование.

— Тихо. Пришли, — шепнул мужчина.

Мы поднялись на четвертый этаж и подошли к проёму для окна. Здесь не было ни решёток, ни тем более окон.

— Мы находимся примерно в десяти метрах от поверхности. Я уже думаю, что ошиблась, — пробормотала я, внимательно следя за перемещением теней внизу. Их так много. — А есть здесь какой-нибудь другой ход, кроме парадного и чёрного на кухню?

— Насколько знаю — нет. Почему спрашиваете? — заинтересовался Брасс.

— Даже не знаю. В таком стратегически важном месте должны быть тайные ходы. Смотрите, — указала я на тени, что двигались быстро и обтекали башню.

— Надо вниз. Оставайся здесь и не отвлекайся, пока не позову, — приказал Брасс одному из охранников, а другого потащил с собой. Я побежала следом.

Прошло минут пятнадцать. Ни звука. А не показалось ли мне? Но вряд ли у нас всеобщая истерия и одинаковые галлюцинации.

Стекло ближайшего окна разлетелось вдребезги, в зал бросили несколько факелов. Сражение началось. Я бросилась в купальню, схватила несколько вещей, что сушились на верёвке и сунула их в котёл с водой. Забежав в зал, увидела, как Брасс проткнул ногу одному из нападающих, что бил ногой решетку. Тыкал мечом между прутьями и его напарник, но через некоторое время спрятался за выступ и присел, придерживая окровавленную руку.

Я со скоростью черепахи, как мне казалось, двигалась через весь зал к нему, по дороге бросая мокрые тряпки на факелы, гася пламя. На самом деле не прошло и десятка секунд. Когда я добралась до раненного, в помещении опять стало темно.

— Сильно покалечили? — спросила я мужчину. Он пытался перевязать себе руку. Жаль, что мой импровизированный медпункт на другом конце зала. — Давай я помогу.

Пора бы мне заканчивать рвать свои нижние юбки. Рану прикрыла сложенной материей и туго перевязала. А тот и рад, тут же в схватку. Я побежала обратно. Никогда не верила, что время может так тянуться, как в замедленной съёмке в кино. До этого дня. Считала, что люди преувеличивают, когда рассказывают о внезапно появившихся силах, о скорости и азарте, появляющихся в экстремальных ситуациях.

По крайней мере, мне азарт был не знаком, как и адреналиновая встряска. Я даже, попав в это время, вела себя относительно спокойно. А сейчас кровь словно вскипела. Пролетевшая перед моим носом стрела, что с отвратительным звуком воткнулась в стену, и её подруга, что свистнула, чуть касаясь моих волос сзади и заняла место почти рядом с ней, только разозлили меня. Если бы я двигалась чуть медленнее, вторая стрела воткнулась бы мне в висок или снесла затылок.

Останавливаться и выплескивать свою злость не было времени. На кухне всё было под контролем. Дверь закрыта, никто не ломится, как и во входную, кстати, тоже. Рванула наверх.

Глава 23. Сон во сне

— Всё нормально? — спросила охранника, когда поднялась на этаж.

Должна отметить, что четвёртый и пятый этажи пятиугольной башни стояли недостроенными. У них были только наружные толстые стены с оконными проёмами и выход на лестницу, закрывающийся добротной деревянной дверью. Большое помещение продувалось насквозь. И вид отсюда был потрясающий, как и с крыши.

— Да, пока нормально, — ответил мне мужчина. — Тут была попытка подняться, со стороны горы.

Я подошла к проёму, но меня дёрнули назад.

— Не выглядывайте, леди. Стреляют, — предупредил он. — Здесь можно свободно подняться по стене, если ты ловкий. Вот такому ловкачу я и проломил голову. Он лежит внизу, — похвастался он и показал мне несколько камней в углу.

Похоже, что для будущего камина принесли перегородки, которые так и остались валяться, не найдя применения.

— Вы молодец. Просто здорово, — не могла не похвалить воина. Он защищал нас. Хоть мне и было жутко. — Внизу тоже жарко. Одного из наших ранили, но не сильно. А как другие окна? — заставила я себя продолжить разговор.

Мужчина быстро пробежался вокруг на полусогнутых, выглядывая только с боку проёмов и чуть-чуть. И правильно. Одна из стрел едва не лишила его носа.

— Не лезут больше, — ответили мне запоздало. — Только обстреливают.

— Ладно. Я вниз. Приду провести ещё, — пообещала я.

Вдруг наступившая странная, звенящая тишина, насторожила. Или я не заметила, как бой закончился. Осторожно спустилась вниз.

— Наконец-то. Я думал, что вы сбежали, — подошёл ко мне Брасс.

— Не смешно, если шутишь, — буркнула я, обходя его.

— А если нет? — дерзко спросил он, следуя за мной.

— То ты ещё больший придурок, чем кажешься, — огрызнулась я, но тихо. Не хотелось грубить.

Глазами отыскивала раненного. Страх, ужас, волнение — всё отступило, когда вспомнила о том, что кто-то нуждается во мне. Схватила мужчину за здоровый локоть и потащила на кухню — самое освещённое и надёжное место. Притащила бинты из полотняной простыни, нитки и иглы, мазь, что мне вручила Силва перед уходом. Я знала, что у них тут есть знахарка, но она не жила постоянно в деревне. А в крепости появлялась ещё реже. Когда приезжала, то оставляла мази и настойки от всех хворей. Кошмар, короче.

— Садись и не дёргайся, — усадила я мужчину на скамью.

Налив ему полную кружку вина, из которого готовила глинтвейн, заставила выпить.

Рана заняла какое-то время. Я удивлялась стойкости мужчины. Пока я промывала рану, ушивала её, он даже не пикнул. Густо наложив мази, быстро перевязала. Ещё и подвесила руку, приказав не напрягать её. Знакомые манипуляции немного успокоили меня.

Вернулась в зал. Двери были открыты нараспашку. Я сначала испугалась: подумала, что враги прорвались внутрь, но услышала много голосов, и не враждебных. Во дворе стояла толпа. Среди них были и пожилые мужчины и совсем юные подростки. Все вооружённые чем попало. Среди них были Ангус и Кейдан.

Я дёрнулась было, чтобы позвать Кейдана, но не стала. В толпе мог оказаться и осведомитель. У меня ребёнок в деревне, без защиты. Мужчина сам меня нашёл взглядом. Я покачала головой. Он мне незаметно кивнул. Мы друг друга поняли. Не описать моего облегчения. Не важно, где он. Главное, что в безопасности.

Понятно, почему нападающие ушли. Увидели толпу с факелами и смылись.

Я вернулась в дом со смешанными чувствами и мыслями. Меня беспокоила странность поведения нападающих. Почему не смылись сразу, как поняли, что их план провалился? Почему, теряя людей,

рвались в неприступную башню? Да ещё и пытались меня убить. Хотя я им и нужна была. Но это ещё можно понять. Ночью все кошки серы. Никто, наверное, и предположить не мог, что леди в мужской одежде будет бегать под обстрелом. Пока я мыла руки, пила горячий отвар с куском ягодного пирога, слушала людей, что толпились в зале, я всё думала над первым вопросом.

Потом поняла. Это были наёмники. Разбойники с большой дороги, а не профессионалы. Мортимер ведь не дурак. Светиться ему не зачем. Лучше заплатить и ждать в удобном месте посылку. Где же ты сейчас, уродец?

Поднялась на свой этаж. Удар по голове пришелся тяжёлый. У меня от резкой оглушающей боли померкло в глазах. А сознание всё ещё цеплялось за свет, пытаюсь отдать команду мозгу, чтобы ни-ни: мне нельзя терять сознание.

— Засыпай, сучка.

Давление на шею — и я благополучно уплыла в темноту.

Солнечный свет струился в окна просторной, стильно обставленной комнаты. Большой диван и низкие кресла, обтянутые чёрной кожей. Всё остальное в светло-кофейной и белой цветовой гамме. Большой низкий стол посередине. Плазма на стене. На полу пушистый ковер. Тяжёлые занавеси и кружевной тюль на окнах, сейчас чуть откинутый в сторону. Ведь, опираясь на подоконник руками, там стояла девушка. Стройная, среднего роста, с каштановыми волосами до лопаток. Она была одета в длинное платье в пол.

— Я ждала тебя, — раздался смутно знакомый голос. — Что стоишь? Задавай вопросы, коль пришла.

Девушка развернулась, и я чуть не заорала. Хотела прикрыть рот рукой, но не смогла. И рук у меня тоже не было. Мне стало плохо.

— Маша, у тебя очень мало времени. Я сочувствую тебе, но помочь ничем не могу. Кроме как ответить на несколько вопросов, пока ты не очнулась.

Маша, а это была я, прошла спокойно и присела в кресло. Я с любопытством смотрела на себя со стороны. Именно со стороны, как чужой человек. Я (моё тело) сильно похудело. Волосы отросли. Но я всё ещё была очень привлекательной. Невольно улыбнулась.

— Кхм, — раздался звук.

— Что ты здесь делаешь? В квартире Павла? — уточнила я.

— Живу, — последовал очень исчерпывающий ответ.

— Я рассталась с ним и не собиралась даже поддерживать дружеские отношения, — возмутилась я.

— Как видишь, жизнь решила, значит, за нас обеих, — меня бесило её спокойствие. — Как тебе мой муж?

— Причём тут он? — разозлилась я. — Речь идёт обо мне.

— Не скажи. Ты заняла моё место. Забрала моего мужа и сына. Так как тебе мой муж?

— Ты больная? Не зря говорили, что ты не дружишь с головой, — дала я ей не тот ответ, который она хотела услышать.

— Я спрашиваю не просто так. Со мной ничего бы такого не случилось, если бы он был внимательным. Я не требовала любви. Всего лишь немного внимания, — с горечью сказала она.

— Он тебя любит, Мелинда. По-своему, — пожалела я девушку.

— Не любит, Маша. Если он и стал испытывать какие-то чувства, то только к тебе. Ты и выглядишь по-другому. Странно, что он тебя ещё не раскусил.

— Как мы с тобой поменялись, расскажешь? — примирительно попросила я.

— Всё дело в этом артефакте, что подарил мне отец. Это очень древний предмет. Говорят, что он принадлежал одному друиду, который тоже получил его от своего отца. Как он достался моему, не могу сказать, но предположения есть.

— Тамплиеры, — сказала я.

— Их храмовниками зовут. Не говори больше этого слова, если не хочешь беды, — предупредила она.

— Король, вроде, приветствует их, — не согласилась я.

— Ты серьёзно? У них такие богатства, такая сила даже после гонений, что любой будет рад получить от них помощь. Но до определённого момента.

— А ты умна, — восхитилась я.

— Для своего времени я получила прекрасное образование, — с гордостью подчеркнула девушка.

Я смотрела с жадностью на это лицо, руки. Слушала этот голос и скучала. По себе самой.

Глава 24. Продолжение сна во сне

— Хочешь вернуть свою жизнь? — вопрос Мелинды прозвучал неожиданно. — Не получится. Я сама не знаю, как это произошло. Последовательность нажатий на камни что-то изменила, наверное. Я сама не верю до сих пор. Тебе не скажу.

— Где ты спрятала артефакт, Мелинда?

— Зачем он тебе? Я не собираюсь возвращаться, — голос приобрёл металлические оттенки. — Учти, даже если ты его найдёшь, не сможешь им воспользоваться.

— Из-за него меня хотят убить.

— Сожалею, — без капли сочувствия произнесла она.

— Зачем Мортимеру артефакт? — задала я очередной вопрос. А внутри была целая буря эмоций. Ядовитый коктейль, который травил мне душу.

— У зеркала много свойств, и одно из них — власть. Тот, кто владеет им, приобретает огромную власть и могущество.

— Ну да. Потерял артефакт — могущество потерял. Слышала уже, — скептически хмыкнула я.

— Это же правда, — возмутилась похитительница моего тела.

— Я поняла, что артефакт даёт только то, что тебе нужно больше всего. Ты хотела исчезнуть, Мелинда?

— Это было моим заветным желанием. Уехать далеко от окружающих меня людей. Но на самом деле я хотела другого. Теперь это уже не важно. Хоть одно желание исполнилось. По-другому, не так, как я себе представляла и хотела. Тем не менее, я довольна.

— Мелинда, ты ничего не хочешь у меня спросить? — я решила прояснить некоторые моменты, разговаривая её ещё больше.

— Нет. Если ты имеешь в виду моего ребёнка, — прищурилась Мелинда, а моё сердце укололо ревностью: я уже считала Тэвиша своим малышом, — то я уверена, что ты будешь лучшей матерью для него. Если про мужа, то он человек жёсткий и берёт то, что ему нужно. Если он полюбит тебя, то повезёт. Нет — так и проживёшь свою жизнь в четырёх стенах, как прозябала я.

— Он не очень общительный человек, но и не злой. Насколько я поняла, — осторожно ответила я.

— Понравился тебе Годвин? Это хорошо. Он красивый мужчина. И страстный. Легче будет примириться, что ты там застрянешь навечно, — эта самодовольная улыбка на знакомом до боли лице раздражала до безумия. Так и хотелось её стереть.

— Я хочу вернуть свою жизнь. Ты не можешь занять моё место и притворяться мной. Я столько училась, трудилась и настрадалась! Я словно в ловушке здесь, — возмутилась я.

— Могу и заняла. Тебе придётся с этим смириться. Мне здесь хорошо и спокойно. И Павлу нравится, что я стала покладистой и домашней. Моя память так некстати потерялась, — мечтательно улыбнулась она. Я возненавидела её вальяжную расслабленность сытой кошки. — И он помогает мне прийти в себя, — продолжила она, насмешливо смотря моими шоколадными глазами. Мне захотелось закричать. — Если же ты про его измены, то это ерунда. Ты взрослая женщина. Должна понимать, что мужчина не ограничивается одной женщиной. Тем более, женой. Роль у жены другая. А любовница для того, чтобы снимать стресс, сбросить напряжение. Надёжнее иметь одну, но постоянную любовницу. Все так живут. Годвин умный человек и бастардов у него нет и не будет. Вот тебе только не повезло с его выбором. Аннабель не любит Годвина. И держаться за него не будет. Так что найди ему другую подстилку. Тебе же легче будет жить. Он любвеобильный. Сбросит пар на стороне и весь твой.

Самоуверенная, циничная, расчётливая сука. Я была поражена до глубины души. Это не та Мелинда, о которой у меня сложилось впечатление как о наивной, забитой и несчастной бедной девушке. Разительное отличие и не в мою пользу. Действительно, очень странная. Фальшивая насквозь. Но при сильном желании её можно было понять, но принять или примерить на себе — нет уж. Всю жизнь притворяться одним человеком, а на самом деле скрывать своё истинное нутро — это отвратительно. Лицемерная дрянь. А зеркало вывернуло её наизнанку.

— Так что с артефактом? — напомнила я, отодвинув все мысли в дальний угол. Не надо забывать о времени.

— Не помню. Там каменный круг рядом был. Но это тебе не поможет. Лучше смирись со своей участью, — утомлённо махнула она рукой.

— А сокровища? — спросила отчаянно, стараясь урвать хоть информации побольше. — Ты, говорят, всё время пропадала на развалинах.

— Сокровища есть. Я их сама видела. Только они уже не в крепости. Если я не упустила что-то. Я это точно знаю, — улыбнулась ... Маша?

Всё никак не привыкну, что разговариваю с собой.

— Кто твой отец? И кто такой Годвин? — задала очередной вопрос, не надеясь на честный ответ. Эта женщина удивляла меня всё больше.

— Мой отец Роберт Брюс. Я бастард. И обо мне не знает никто, кроме него. Мать умерла в родах. Бабка, что принимала роды, тоже. Меня воспитывали как сироту. А Годвин — сын одного из руководителей храмовников. Имени я не знаю, и тебе это не нужно. Его отец давно погиб. Ни о родственниках, ни о матери сведений нет. После зачистки ордена много семей уничтожили на корню, а кому повезло, тот успел исчезнуть. Годвина вывезли из Европы после того, как всё успокоилось. До этого времени он рос на улице. Никому не доверяет, никого не любит. Предан только делу, которому служит. И единственный авторитет — мой отец.

— Что я скажу, если увижу Брюса?

— Он не будет искать встреч с тобой. Ему сейчас не до этого. Я не представляю для него интереса. Пристроил и ладно. У него есть преданный слуга в лице Годвина, которого он привязал браком с собственной дочерью ещё крепче.

Она вздохнула. Мельком глянула на меня и вновь уставилась перед собой. Знала бы она, как мне неприятно её видеть. Сердце разболелось. Казалось, что я теряю что-то важное для себя. Лучше бы я её не видела.

— Если когда-нибудь получится встретиться, найдёшь, что сказать, — продолжила она. — Отец хотел, чтобы я была счастлива. Хоть и не любил меня. Так я счастлива. Скажи ему, что ты нашла свой белый вереск. Он поймёт.

— Мелинда, я хочу вернуть свою жизнь. Это неправильно, то, что происходит, — предприняла я слабые попытки достучаться.

— Ничего случайного не бывает, Маша. Ведь именно ты обменялась со мной душами. Ты будешь счастлива с Годвином. Я уверена в этом. Не суди меня строго. Я бы умерла, если бы не этот обмен. Так что ты спасла мне жизнь. Подари любовь мужчине, которому её не хватает и воспитай хорошего сына. Прощай, Маша. Нет. Мелинда. Будь счастлива, — она улыбнулась мне. Холодно, отстранённо, безжалостно. Отбирая у меня мою жизнь, мой мир, бросая меня здесь, в этом мрачном безжалостном веке. Ужас и печаль накатили цунами, сердце заныло, а грудь сдавило клещами. Я с криком села и открыла глаза.

— Наконец-то. Господин, она пришла в себя, — раздался женский голос.

— Где я? Что происходит? Почему я снова здесь? — я чувствовала боль в груди, комок с гору в горле. Щёки пощипывало от горячих солёных дорожек.

— А вот плакать не стоит. Мы можем договориться полюбовно. И ничего с тобой не случится. Обещаю.

Мужчина, весь в чёрном, похожий на старого ворона, опустил в кресло рядом с кроватью, на которой я находилась.

— Вы мне отвратительны, — вырвалось у меня.

Глава 25. В плену

— Я понимаю, что ты расстроена, моя дорогая. И напугана. Поэтому пока разговаривать с тобой не имеет смысла. Приведи в себя в порядок и спускайся к завтраку. Нам надо поговорить, — сказал Мортимер и вышел.

Спорить и злиться не имело смысла. Мне срочно нужно было решить свои естественные надобности и хотя бы умыться. Да и покушать не мешало бы. Слегка тошнило и тупая боль отдавалась в затылок.

«Я не твоя дорогая, урод. Сама бы тебя стукнула раз двадцать. Но не могу себе позволить этого. Подождём, узнаем, что ты мне скажешь»

— А ты что тут зависла? Не стыдно быть двуличной дрянью? — спросила я Гертруду. Это была именно она. — Прямо гадюшник какой-то. Гадина на гадине сидит и гадиной погоняет, — зло выдала я.

— Господин ждёт, — безэмоционально выдала женщина и тоже вышла.

Я огляделась. Помещение так себе. Обычная комната со старыми потертыми гобеленами, кое-где даже порванными. Широкая кровать с балдахином, занавеси тоже обесцветившиеся и грязные. Представляю, сколько живности здесь водится. Я передёрнула плечами. Постель, слава Богу, относительно чистая. Небольшой сундук под окном, железная жаровня посреди комнаты. Окно было закрыто тусклой плёнкой, но свет она пропускала.

«Значит, уже день на дворе. Сколько же я здесь пролежала?»

Дверь открылась и бледная девушка в сером платье занесла таз с горячей водой, плоску с сероватой жижей и кусок полотна.

Гертруда подождала, пока девушка выйдет.

— Там за перегородкой посуда для естественных надобностей. Я подожду за дверью.

— Вот это мы дожили. В крепости хоть было подобие туалета. А на горшок как я ходила — и не помню. Выбирать не приходится.

Чувство неловкости и неудобства ушли на второй план. В отношении гигиены и отправления естественных нужд эти люди не заморачивались. У Годвина в этом плане всё было, как положено. И это радовало.

Через полчаса я была готова к труду и обороне. Открыла дверь на выход, но выйти мне не дали.

— Что за ребячество? Вы отсюда не сможете сбежать (а-то я не знала — свернуть себе шею, прыгнув с этажа так третьего, не входило в мои планы). Да и замёрзнуть недолго, — прошла она к окну.

Возмущаясь, женщина закрыла ставни, по ходу бросая на кровать платье.

— Одевайтесь.

Я не стала с ней спорить или что-то объяснять. Да и смысла не было. Тяжёлое верхнее платье из бархата и нижние два из полотна, шерстяные чулки и подобие бридж из тонкого сукна.

«Интересно. И такое водится? Похоже, что этот товарищ тоже ошивался в крестовых походах. Приобщён к культуре».

— Будешь глазеть? — спросила женщину.

— Вам помочь? — невозмутимо проигнорировала она мой вопрос. Какая прелесть! Умная тварь.

— Нет, спасибо. Обойдусь. Мне просто не понятно, с чего бы ты беспокоилась о моём здоровье или внешнем виде после того, как знатно тукнула по темечку. А ещё и твои навыки, позволяющие одним нажатием на сосуды шеи вырубать сознание. Не вяжется с твоим положением прислуги, — говорила я, снимая с себя вещи и облачаясь в новые. — Знаю, что не ответишь. Пошли уже к твоему хозяину.

В глазах женщины что-то мелькнуло. Но и только. А я усмехнулась и пошла за ней. Даже настроение немного улучшилось.

«Не та я Мелинда, которую вы знали или думали, что знали. Очень интересно будет понаблюдать за

вами. Мне бы вылезти из этой ситуации целой и живой. Годвина где-то носит. Может и про него что узнаю. Главное, чтобы тоже был жив», — пока я размышляла, осматривалась.

Мы прошли коридором, потом спустились по лестнице. Несомненно, этот донжон был просторнее, чем в крепости Аркарт. Но древнее и неухоженней. Серые стены, выстланный свалывшимся камышом пол (я чуть не взвизгнула, подпрыгнув до потолка, когда под ногами шмыгнула мышь), закопчённый огромный камин, в котором огонь пожирал толстое бревно, длинный стол из грубо отёсанных, потемневших от времени досок, и широкие скамьи по бокам, узкие с решетками окна, затянутые промасленной бумагой.

У самого камина за массивным столом, имеющим более приличный вид и накрытый полотном, сидел Мортимер. Рядом с ним находился господин неопределённого возраста с суровым выражением лица. Они о чём-то тихо переговаривались.

— Наконец-то и наша гостя. Я умираю с голода, — жизнерадостно чуть ли не прокричал Мортимер, но не встретил в моём лице благосклонного слушателя. — Присаживайтесь, — подозвал он меня, галантно приподнялся и отодвинул стул.

Я чувствовала себя загнанной мышью, с которой играет сытый кот. Ждёт, пока не переварит предыдущую добычу и сожрёт вместе с костями. Даже представила, как хрустнули тонкие косточки. Воображение у меня что надо.

Я кивнула мрачному типу, тот ответил тем же. Разговаривать у меня не было желания.

Я не вслушивалась в их разговор. Всё равно говорили о доходах, зерне, лошадях и других хозяйственных вопросах.

Я поглощала довольно сносные лепёшки (ни в какое сравнение не шли с выпечкой Гвен), намазывая масло и мёд. Подогретое вино мне не понравилось: слишком кислое на вкус, и я его отодвинула. Мне принесли медовуху. И нутро согрето, и полезно.

Момент исчезновения мужчины я прозевала. Почувствовала себя неуютно под пристальным взглядом.

— Дайте доесть. Подавлюсь ведь и сдохну прежде, чем воспользуюсь моим ущербным мозгом, — буркнула я.

— Ты стала дерзкой и смелой. Не скажу, что мне это не нравится, — довольно хмыкнул мужчина.

Он придвинулся на стуле, я резко отпрянула.

— Мне не нравится, что ты меня боишься. Я просто хочу поговорить, — отодвинулся он. — Просто не хочу, чтобы подслушивали.

— Тогда пересядем к камину. Не думаю, что в нём кто спрятался, — посмотрела я в чёрные, как угли, глаза без выражения.

— Определённо что-то в тебе изменилось. Аннабель была права.

— И где эта доблестная дева? Что-то я её здесь не вижу. Только Гертруду. Отличную шпионку воспитали, — хмыкнула я.

— Приходится выкручиваться, как можешь.

— Да уж. Хочешь нормально жить — умей вертеться.

Мы уселись в деревянные кресла перед камином. Прежде, чем сесть, скинула замусоленную подушечку на пол.

— Сразу видно, что ты воспитанная леди, — заметил мои действия мужчина.

— Я не люблю грязь. И не думаю, что многим леди претит сидеть на грязных подушках.

Смех мужчины оказался неожиданностью. Я смотрела прямо на него без тени улыбки.

— Ладно. Повеселились и хватит. Что вам от меня нужно? — задала я главный вопрос.

— Ты прямолинейна. Я тоже буду честен. Мне нужна моя вещь, которую ты увезла с собой и где-то прячешь.

— Да неужели? Насколько я знаю, это не ваша вещь, она принадлежит королю, магистру Ордена Чертополоха. И он мне её подарил.

— А ты умна. Как я проглядел в тебе...

— Это не важно. И не интересно. Для меня, по крайней мере, — перебила я его. — В любом случае, я не собираюсь спорить о праве собственности на зеркало. Всё равно у меня его нет. И я даже не знаю, где оно. Верните меня обратно! — потребовала я.

— Ты никуда не уйдёшь. И если хочешь быть целой и невредимой, лучше не зли меня.

Мужчина так стремительно навис надо мной, что я даже шарахнуться не успела. Холодные пальцы впились в нежную кожу подбородка. Синяки останутся. Меня вновь затошнило от запахов застарелого пота и немытого тела. Ароматный букет дополнял кисловатый запах то ли одежды, то ли выпитого кислого вина. Меня чуть не вывернуло.

Увидев панику в глазах, Мортимер, как ни странно, понял, что это не от страха перед ним.

— Это от травмы. Гертруда перестаралась. У меня мало времени, у тебя ещё меньше. Подумай и дай мне ответ. А теперь можешь идти.

Я встала, оттолкнув его и пошла на выход, потирая подбородок.

— Где Годвин? — спросила я, остановившись, но не поворачиваясь.

— Мы разминулись. Он уехал в Абердин, я как бы в Эдинбург. Но ни он, ни я не доехали до пунктов назначения.

— Ясно, — прошептала я и стала подниматься по лестнице.

— Глупая. Зачем тебе этот мужлан? Он до мозга костей воин. И в его жизни женщины ничего не значат.

— Он хотя бы мужчина, который знает, что такое честь, — сказала я.

Когда я уже шла по коридору, послушался звон посуды и рычание. Стоит ли мне дразнить зверя?

Глава 26. Гости

— Сволочь. Руки бы тебе оторвать, — ругалась я. Зеркала не было, но я была уверена, что тёмные разводы на белоснежной коже уже проступили. — Куда же ты запропастился, Годвин? Знаешь ли ты, что меня нет в замке? Не почувствуешь ли ты облегчение, что отделался от проблемной жены или ты расстроишься? А Тэвиш? Я так скучаю по тебе, мой малыш...

И тут до меня дошла одна важная деталь — грудь мягкая, пустая. Неужели молоко перегорело? Я очень огорчилась этому факту, но с другой стороны и обрадовалась. Как бы я его сцеживала здесь, в таких условиях? Не хватало мне ещё болячек на больную голову.

— Надо поспать, пока есть возможность, — решила я — Мне не удастся что-нибудь выследить или найти лазейку, чтобы сбежать посреди дня. А если и удастся — куда мне идти? Я здесь ничего не знаю. Даже где нахожусь. И догонят меня очень быстро и не факт, что с меня шкуру не спустят.

Прилегла на кровать, натянув на себя тяжёлое одеяло из побитой молью шкуры. Зато согрелась. Жаровня исходила теплом от горячих углей, но не настолько грела комнату, чтобы свободно сидеть. Холодно. Сквозняки гуляют, как у себя дома. Gobелен шуршал и постоянно двигался, как и занавеси от балдахина. Я вспомнила жуткие рассказы про призраков. А потом рассмеялась. Призраки и привидения самая малюсенькая моя проблемка на данный момент. Там внизу монстры пострашнее несчастных неупокоенных душ. Надо продумать всё, проанализировать прежде, чем этот ворон-падальщик вспомнит обо мне.

И так, начнём. Мне интересно, как Гертруда незаметно попала в башню? Когда мы бежали по этажам, готовясь к сражению, то осмотрели всё: окна, двери, решётки в каминах (отметила ещё тогда эту странность — ни шанса пролезть через камин). Мимо нас она не могла пройти. Даже, если допустить, что женщина всё же умудрилась где-то спрятаться, то как она смогла утащить моё тельце? Я не такая и лёгкая, а в бессознательном состоянии весила, небось, тонну. Значит, и её сообщники были рядом. Должен быть тайный ход. Я предполагала это.

Жаль, что тогда не смогла проследить за Аннабель. Шастают в крепости все куда хотят, когда хотят, а Годвин и в ус не дует. Это один вопрос. Другой, не менее важный — куда делась Аннабель, если Гертруда, её личная служанка, здесь? И где сейчас Донна, что устроила сонное царство в крепости? Назревает ещё несколько вопросов: куда запропастился Годвин; что за тип Артур и когда он появится на сцене, ведь ему тоже нужна несчастная Мелинда? Кн. иг.о. ед/нет

— Что за каша? Просто окоlesiца какая-то, — возмутилась я и попыталась сосредоточиться.

Допустим, что Донна и Аннабель заодно. Мортимер им нужен только, чтобы дочь Аннабель забрать. Открыто его кинуть побоятся. Гертруда не является обычной служанкой якобы леди. Она сообщница Мортимера. Но, по уровню её работы и поведению, вполне возможно, что нарисуетя третье лицо, а наша Гертруда — это Мата Хари, самоотверженно работающая на правительство и во благо народа. Класс! Куда ещё заведут меня мои размышления?

Ещё один персонаж, Артур, не похож на авантюриста или искателя кладов. Но явился он сюда из-за сокровищ, точно зная, что они находятся в крепости. Только вот незадача — Мелинда (то бишь Маша в сей момент) сказала, что сокровища она видела, и их в крепости нет. Кроме Годвина их мог вывезти только Брюс, отец Мелинды. Но она предположила, что могла не знать — есть ли ещё тайники в крепости.

Жаль, что я не смогла поискать подземные ходы, через них бы можно было узнать о тайных ходах. Может, наткнулась бы на какой-нибудь тайник? Годвин ведь знает о них? Вот чёрт! Ну почему мужчины такие доверчивые? Он мог показать один из ходов Аннабель. Иначе никак. Хотя, она могла проследить за ним, а Гертруда за ней. Супер! И что мне делать такой умной? Надо потянуть время. Если получится, конечно.

Мортимер торопится и не даст вешать себе лапшу на уши. Тогда остаётся только один вариант, — поехать на то место в лесу, где я очнулась в теле Мелинды. А там, на месте, уже действовать по обстоятельствам. Может и сбежать удастся. Крепость оттуда совсем рядом. Избежать бы монастырь. Я там наследила и меня могут потерять. Жуткие исторические факты о пленниках казематов инквизиции замелькали в голове.

— Совсем рехнулась. До мрачных времён инквизиции ещё далеко. Слава Богу, — с облегчением выдохнула я.

Пока делала вычисления в голове, в которой стала пульсировать боль, не заметила, как заснула. Даже в неудобном положении и в одежде удалось выспаться.

Разбудил меня звук открываемой двери. В комнату вошла Гертруда.

— Время обеда. Лорд вызывает вас.

— Отлично. Я проголодалась.

Быстро плеснув в лицо воды, переплела косу, разгладила насколько могла складки на платье и пошла за женщиной.

— А тебе что за выгода в услужении этому подобию мужчины? — не удержалась я от вопроса.

Гертруда молчала до лестницы, и я думала, что она мне так и не ответит.

— У каждого есть веские причины поступать так или иначе.

— Или есть кого защищать, — добавила я.

За столом сидели трое. Хозяина рядом не наблюдалось. Мортимер и два типа, у которых под бархатными курточками проглядывала кольчуга. Не простые воины.

— Мелинда, вы похорошели, — пошёл мне навстречу один из мужчин. Блондин, высокий, широкоплечий, чуть грубоватый, с голубыми глазами и небольшой бородкой. Небольшой акцент выдавал в нём иностранца. Да и внешность тоже была не типичной для шотландцев.

Я посмотрела на Мортимера. Он хмурился, но даже не сдвинулся с места.

— Я вас знаю?

— Ах-ха-ха-ха! Сделала она тебя, Джордан. Ты прелесть, Мелинда, — стал хлопать в ладоши и смеяться второй мужчина. Он был примерно одного возраста с Джорданом, синеглазый брюнет. В меру смазливый, но безупречность черт лица портил небольшой шрам на левой щеке.

— Заткнись, Эдвард. Ты всегда была дерзкой и слишком умной для примитивного двора Роберта, Мел.

«Какая фамильярность! Кто он тебе, Мелинда?»

Мужчина схватил цепкими пальцами мою лапку и клюнул губами в поцелуе. У меня возникло непреодолимое желание вытереть ладонь о платье, но Джордан не отпустил её, пока не усадил за стол.

— Будьте любезны, сэр Джордан, обращаться ко мне не фамильярно. Я замужняя женщина, — попросила я.

— Браво, леди Мелинда. Он заслужил такое отношение, — вновь взорвался смехом Эдвард.

— Ты нарываешься, брат, — зло процедил сквозь зубы блондин и выругался.

— Что у нас такого есть на обед? Я проголодалась. Приятного аппетита, господа, не подавитесь.

Мортимер поперхнулся вином и закашлялся. Эдуард воздержался от очередного приступа смеха, слишком злым был его брат.

Поесть нормально мне дали, как ни странно. В разговоры мужчин я не встревала, пока среди слов об оружии, лошадях и политике не прозвучало имя Годвина.

— Вы знаете, где мой муж? — спросила я.

— Вас, леди Мелинда, не должна интересовать судьба этого человека. Всё равно к нему не вернётесь, — ухмыляясь, поведал Джордан.

— И кто мне запретит, не вы ли? — зло спросила я.

— Это Мелинда, Мортимер? — удивлённо спросил блондин. — Или так тебя изменила замужняя жизнь? — обратился он уже ко мне.

— Вас, а не тебя. И с чего вы взяли, господин Джордан, что я не всегда такой была?

— Вашу порочную натуру я знаю лучше всех, дорогая. Так, что у нас есть по поводу артефакта, Мортимер?

— Это нам расскажет леди Мелинда, — перевёл на меня стрелки мужчина.

— А я не знаю, где он. Знаю только, где очнулась после побега из монастыря.

— Крошка Мелли в монастыре побывала, и даже сбегала? А где был твой муж? — спросил Эдвард. Лучше бы помалкивал. Не разочаровывал.

— Мне интереснее узнать, где он сейчас. Не скажете? — вопросом на вопрос.

— Выезжаем утром, чтобы успеть засветло. И лучше бы нам найти артефакт, — с угрозой сказал Джордан.

— Хм, — хмыкнула я, хотя внутри забили тревожные колокола.

Глава 27. Спасение

День прошел быстро. В конце осени дни укорачиваются, а сегодня сумерки наступили внезапно. После обеда зарядил мелкий, рассеивающийся пылью нудный дождь. Полюбоваться даже им мне не удалось. Тем более, местным видом. На оконной плёнке, кажется, животного происхождения, виднелись прозрачные потёки дождевых слёз и буро-жёлтые пятна увядающей осени. Грустно.

Сейчас было бы здорово прогуляться по асфальтированным дорожкам городского парка под ярким лоскутом зонтика. Пройтись по тротуару, заглядывая в огромные светящиеся жёлтым искусственным светом окна многочисленных кафе, запоминая тёплые улыбки людей, добравшихся до чашечки горячего кофе или чая с друзьями или близкими.

Мне даже почудился шум машин, проносящихся по влажному блестящему шоссе, разбрызгивая лужи. Еле сдержала всхлип от таких родных сердцу картин.

Жаровню в комнате топили исправно (я нужна им здоровой, пока). Но пользы от неё было мало. Сквозняки уносили тепло, да ещё и сырость оседала на лёгких запахом многолетней плесени, смешанным с такой же древней пылью. Представляю, сколько людей может страдать от такой атмосферы. Пневмония, хронические бронхиты, артриты и куча других болезней сырости и промозглого холода. Не говоря уже о чахотке (туберкулёзе). Стало тягостно от этих мыслей.

С болью и тревогой переключилась на Тэвиша. Стараться не думать о нём становилось всё сложнее. Не заболел бы. Ещё и смена питания. Очень жалела, что не согласилась на кормилицу и надеялась, что Силва присмотрит за ним. А ещё переживала за Годвина. Не более двух суток вне дома, а такое чувство, что уже долгое время в плену.

Обидно, что Мелинда пользуется благами цивилизации, а я сижу в старом донжоне, не могу помочь близким людям, к тому же грязная, почти голодная и пытаюсь согреться. Голодная, потому что скушать всё подряд, что тебе здесь подают — это значит подвергнуть свой организм ещё большему стрессу. Если бы это тело было моё, прежнее, я уже давно приобрела бы гастрит, колит и ещё какую-нибудь болячку. Всё равно на одной выпечке и отваре с медовухой долго не продержусь без ущерба для здоровья. Мясо и гарниры пробовать я не рискнула. Ни внешний вид, ни запах меня не прельстили.

Мои унылые мысли прервал звук открываемой двери. Сначала подумала, что это Гертруда. Уже довольно поздно и она могла прийти узнать, на месте ли пленница или просто принести ещё дров. Те, что были, я уже использовала. Осталось два полена. Да мало ли зачем она могла прийти. Насторожила тяжёлая поступь. Это точно мужчина и силуэт, просвечивающийся через ткань, был мужским. Мне стало страшно.

Сделала вид, что сплю, пряча лицо под край одеяла. Может уйдет? Слабая, но надежда. Полог откинули и макушки головы коснулся холодный воздух. Стал подниматься край одеяла. Это уже покушение.

Я задвигалась и открыла глаза.

— Что вы тут забыли? — успела задать я вопрос прежде, чем одеяло откинули полностью, и ко мне прилёг Джордан, закрывая мой рот рукой. От его жёстких мозолистых пальцем несло чем-то кислым вперемешку с табаком. Губы больно придавило к зубам.

— Пустите меня, — пыталась сказать, но со стороны раздалось только мычание.

— Тише, девочка. Я не успел насладиться тобой до того, как эта сволочь тебя забрала, но сейчас не упущу возможности. Тебе понравится, сладкая.

От страха я запаниковала и почувствовала тошноту, подкатившую к горлу. Ещё и этот запах.

Я стала извиваться, пытаюсь высвободиться из рук насильника. Сильно прикусила руку, во рту появился привкус крови. Рвотные позывы подступили не вовремя.

— Пусты, гад! Убью, скотина, — пыталась крикнуть я, но только ухудшила своё положение. Горло сжали так сильно, что казалось, глаза вылезут из орбит.

— Ты, маленькая тварь! Так ловко избегала меня. Я просто рвал и метал, когда этот варвар тебя увёз. Думаешь, я прощу это Брюсу? Ну-ну, убивать я тебя не собираюсь, пока, — ослабил он хватку на горле, продолжая другой рукой возиться с платьем. Впервые в жизни я была рада такому количеству тряпья на себе.

— Ну же, расслабься. Как тебе хватка настоящего мужчины, дрянь? Это твоя вина, что я упустил сокровища и веру твоего папаши.

— Ты, сукин сын, Джордан! Подлец и насильник, а не мужчина. Годвин убьёт тебя. Тьфу! — из последних сил плюнула я ему в лицо сукровицей, что накопилась во рту. А сама шарила рукой, пытаюсь добраться до ножа. От страха и паники даже забыла, что всегда держала его поблизости.

«Наконец-то», — пришла мысль в голову, схватившись за ножны, но удар пришелся по щеке такой силы, что я чуть не лишилась сознания. А рука непроизвольно отпустила спасительный трофей.

Через звон в голове услышала странные звуки, как бы издалека. Крики, ржание лошадей, звон железа, хлопанье дверей — всё слилось в сплошную жуткую какофонию. Тело своего не чувствовала, плавая в каком-то мареве боли. Тяжесть с меня исчезла. Я так и не поняла, куда делся мужчина. Такая апатия навалилась, что готова была отдаться этой боли и бессилию.

Перед глазами всё плыло. Моя бедная голова подверглась новому испытанию и казалось, что я на грани.

Жуткий крик отвлек меня от погружения в пучину красной мглы, но ненадолго.

— Мелинда, милая, слышишь? Малышка, посмотри на меня! Всё хорошо! Я рядом. Больше никто тебя не обидит. Маленькая моя, прости, что не успел.

«Годвин», — узнала я это голос.

Я чувствовала, что он гладит мои руки, шею, с осторожностью прикасается к разбитым губам и онемевшей щеке.

— С ней всё в порядке?

Голос Кевина я тоже узнала.

— Он ударил её. Непоправимого ничего не произошло. Иначе я оживил бы его и ещё раз убил, отсекая каждую конечность, пока дышит, намотал бы кишки на кулак и после отрубил его поганую голову.

Годвин выплёвывал слова, как будто это были горькие пилюли.

— Четвертование — страшная казнь. Не пачкай свою душу и руки этим дерьмом, — тихо сказала я.

— Господи, ты пришла в себя! Я посажу тебя? Хочу осмотреть твоё личико.

— Моё лицо распухло, ничего хорошего ты не увидишь. Мне нужен холод. Примочки вряд ли здесь найдешь.

— Найдут! Из-под земли достанут. Кевин?

— Добрый вечер, леди. Быстро вам поправиться.

Я кивнула головой и тут же уткнулась в плечо Годвина. Голова кружилась нещадно.

— Тише. Тебе нельзя делать резких движений. Кевин, немедленно найди того, кто приготовит примочки и отвар от головной боли. Знаешь, чем им пригрозить?

— Знаю.

Я вдыхала запах железа, крови, смешанный с терпким запахом конского пота. Потерлась носом, зарываясь глубже и, наконец, поймала нотки собственного запаха мужчины. И стало так спокойно.

— Ты там хоть дышишь? — проговорил мне в макушку Годвин. От его горячего дыхания и нежных объятий по всему телу расплзалось тепло и, если бы не боль, что раскалённым железным обручем охватывала голову, всё было бы идеально. Я не выдержала и застонала, выпустив куртку из рук, схватилась за голову.

— Потерпи, родная. Скоро тебе станет легче, — от беспокойства в голосе мужа хотелось плакать, но и на это не было сил.

— Меня сейчас стошнит, — простонала я.

Меня усадили на колени и подставили посудину.

Вся эта круговерть длилась где-то с часа два. Мне стало легче. Помог и отвар, что для меня приготовили. И примочка тоже.

Еле уговорила Годвина пойти освежиться и поужинать. Очень хотелось знать обо всём, что с ними приключилось. Но этот могло подождать. Мужчина едва стоял на ногах от усталости. Да и меня

саму клонило в сон.

Я заснула мгновенно, но и сквозь крепкий сон почувствовала, как меня притянули к горячему телу.

Глава 28. Дорога

Следующие два дня выехать не удавалось. Виной всему было моё состояние. Не сказала бы, что чувствовала себя ужасно, но слабость присутствовала и головой старалась без особой надобности не делать резких движений. Меня сытно кормили и заставляли отлеживаться. Годвин обедал со мной и вновь убегал по важным делам. А ночью аккуратно пристраивался рядом и крепко засыпал. Меня это пока устраивало.

Годвин уверил меня в том, что с Тэвишем всё в порядке, и я расслабилась. Отвары очень помогли. Голова почти не болела. Но муж решил не выезжать раньше третьего дня. Такая забота была очень приятна. Тем более, что почти полдня на лошадях трястись, когда я вообще никогда на них не каталась, — для меня то ещё испытание.

Мне было скучно в течение целого дня, но встречаться с местными не было никакого желания. Лучше отдохнуть, пока есть возможность. Если бы ещё меня посвятили во все события, произошедшие ранее, может мне было бы о чём подумать.

Но, в те редкие минуты, что мы оставались вдвоем, Годвин хмурился и напряжённо думал о чём-то своём. А я не доставала его вопросами, подкладывая сочные кусочки в его тарелку. Думала, что он не замечает, пока не поймала лёгкую улыбку после очередного рейда в сторону чужой посуды. Лёгкий поцелуй в лоб — и опять я одна до глубокого вечера.

Я заснула, когда Годвин ввалился в мою комнату на вторую ночь, слегка пьяный и жутко уставший. Помогла ему умыться, стянуть вещи. Обмыла ноги и, высушив, надела чистые вязаные носки. Мужчина спал и даже не сопротивлялся, когда я его дёргала, разоблачая от верхней одежды. Наконец-то удалось его накрыть одеялом. Сама упала рядом и зарылась под бок, чувствуя себя выжатой, как лимон.

Проснувшись от тяжести навалившейся туши. Мне было жарко и душно, хоть и чувствовался холод в комнате, торчащим из-под края одеяла носиком. Сколько я проспала, даже не знала. Может, часа два? На улице ещё было темно. Я не позволила закрыть ставни, чтобы могла ориентироваться в сутках.

— Годвин, слезь с меня. Боже, какой ты тяжёлый. Ну, пожалуйста, — канючила я, извиваясь, как червяк.

— Можешь не шевелиться? Я думал, ты будешь спать до утра, — хриплый голос спугнул целый табун мурашек размером с пони. Каждое микроскопическое нервное окончание на коже почувствовало эти острые копытца.

— Я и спала, пока ты не навалился, как мамонт, — буркнула я.

— Мамонт? Какое странное сравнение, — хмыкнул мужчина, сдвигаясь в сторону, но притягивая меня к своему горячему боку. Я развернулась к нему спиной.

— Не рада мне, девочка? — спросил он, все таким же обалденным сексуальным голосом. Табун решил взять все призы по забегу, уже в обратную сторону.

— С чего ты взял? Я очень рада. Мы так мало видимся. А говорим ещё меньше, — стала я предъявлять претензии. — Ты спас меня, — тихо выдохнула, передёрнувшись от отвращения, вспомнив, как этот ублюдок меня душил.

— Не надо об этом. Я едва не допустил издевательства над любимой женщиной, — горячее дыхание коснулось затылка. Мурашки попадали в обморок. Сладкий холодок пробежался по позвоночнику вниз и слабо ёкнуло в промежности.

— Правда, спасибо тебе. Я бы не пережила такого унижения.

Я хотела отодвинуться, но меня развернули, и мягкий поцелуй едва коснулся болезненной припухлости на нижней губе, синяка на скуле, и глаза, в котором лопнули сосуды. Как он мне челюсть не сломал, даже странно.

— Я так хочу тебя сейчас. Но боюсь навредить ещё больше, — тяжело выдохнул мужчина. Я чувствовала горячую пульсирующую проблему, упирающуюся мне в бедро и постаралась не двигаться.

— Прости...

— Тебе не за что извиняться, — вздохнул Годвин и прижал меня крепче.

— Раз мы проснулись, можешь рассказать свою историю? — попросила я, поднимая голову и

заглядывая в тёмные провалы глаз, в которых вспыхивали искорки от неверно падающего света.

— Давай, малышка, не сейчас? Я всё обязательно тебе расскажу. А ты мне. Мы задолжали друг другу откровенный разговор.

Моё сердце испуганно замерло. Он ведь ещё не знал, что я не Мелинда. Смогу ли я когда-нибудь признаться ему в этом? Когда я стала привязываться к нему, когда во мне затеплилась любовь, не хотелось бы испугать его и оттолкнуть от себя. Не уверена, что мужчина спокойно воспримет тот факт, что чужая душа, как паразит, заняла тело его жены. Раньше, может, у них и были разногласия, но сейчас он был увлечён мной. Вероятность того, что я останусь в этом времени, очень высока. Что я буду делать, если он возненавидит меня или ещё хуже, буду ему противна?

С такими мыслями я заснула и проснулась, когда в окне забрезжил свет. Годвина уже не было в комнате. Мне принесли свежие лепешки и бульон. Сборы были быстрыми. Под тёплым, подбитый мехом плащ, я надела брючный костюм, выпросив его для себя. Так было и теплее и удобнее путешествовать. А плащ скроет фигуру. Голову я покрыла тёплым шерстяным платком. В такой холод широкий капюшон только от дождя скроет.

Я боялась, что меня посадят на лошадь одну. К счастью, мне такой свободы не предоставили: я уместилась в уютных объятиях мужа. Теперь колеблющаяся под попой ненадёжная опора в виде живой лошади меня не пугала, ведь меня крепко прижимали к широкой груди.

«Господи, я влюблена, как школьница в этого мужчину. Спаси и помоги мне. Моё сердце не выдержит, если он меня отвергнет».

Погода стояла ясная и прохладная. Солнце щедро дарило свои едва тёплые, но яркие лучи. Листва вся опала, и пространство вокруг было видно далеко. Засады можно было не опасаться. По крайней мере, неожиданной.

Мы углубились в лес. Долго ехали по лесной тропе, снова выехали на дорогу. В очередной раз углубились в лес, перешли вброд прозрачную речку. Вокруг было здорово. Воздух чистый, аж голова кружилась. Листва, лежащая под ногами бурым ковром, скрадывала стук копыт. По деревьям скакали белки. Порхали птицы, оставшиеся на зимовку или не успевшие улететь в тёплые края.

Всадники нашего небольшого отряда тихо переговаривались. Далеко вперёд выезжал один из воинов, который был меньше ростом и очень юркий. Пропадал на ненадолго, возвращался, делал знак, и отряд продолжал свой путь спокойно.

В одном месте мы так смогли объехать другой вооружённый отряд, сопровождавший какой-то обоз. Они нас так и не заметили. Широкий овраг скрыл нас полностью вместе с лошадьми. Ехать по краю ручья в глубоком овраге, когда с двух сторон над вами нависают рваные берега, заросшие кустами и пронизанные, как огромными червями, толстыми корнями деревьев, было удивительно. Я и так волшебным образом очутилась в прошлом, так что представить, что мы в новом фэнтези, было не сложно.

Я подняла голову и встретилась с тёмным взглядом мужа. Сердце на миг остановилось и вновь забилось, тяжело качая вмиг загустевшую кровь. В голове зашумело.

«Кислорода много», — промелькнула мысль и испуганно шарахнулась, вычищая полностью мозг. Прохладные упругие губы прижались к моим. Раненную губу дёрнуло, но я не хотела отстраняться и приоткрыла рот, лизнув языком чужие губы. Мне ответили. Горячо, настойчиво, и более чем охотно.

Поцелуй длился всего ничего, но мне хватило на море эмоций. Я уткнулась горящим лицом в крепкую грудь.

— Не устала?

— Нет, — отозвалась я. — Мне удобно.

— Проголодалась?

— Не беспокойся. Всё хорошо. Нам долго ещё ехать? Хотелось бы сына увидеть.

— Мы едем не домой, — ответили мне. И сердце ухнуло в пятки.

— Хочешь меня сдать? — удивительно спокойным голосом спросила я, хотя внутри вся заледенела.

— Ты о чём? — удивился мужчина и приподнял моё лицо за подбородок, заглядывая в глаза.

— Ты серьёзно? В монастырь, конечно, — ответила я.

— Глупый мышонок. Ты от меня не отделаешься. Так что даже не надейся.

«Что бы это значило?»

Глава 29. Знать бы, кто я

Дорога оказалась длинной и утомительной. Мы всего лишь раз остановились у ручья, чтобы перекусить и воспользоваться природными удобствами. Все последствия прелести верховой езды я почувствовала, когда меня сняли с живого транспорта. Мышцы спины и ног свело.

Я с трудом размялась, стараясь особо не размахивать конечностями и не издавать страдальческих звуков. Огляделась вокруг. Лес прекрасен в любое время года. Я вдохнула сырой воздух с запахом прелой листвы. Ещё немного похожу, чтобы размять затёкшие мышцы. Да и дела надо сделать. А времени в обрез.

Голые кусты ничего не скрывали. Поэтому пришлось искать подходящее местечко. Толстый ствол многолетнего дерева и небольшой холмик меня вполне устроили. Сделав свои дела, я остановилась передохнуть, зайдя глубже в лес. Всего на несколько минут почувствовать единение с природой. Представить, что ничего в моей жизни не изменилось. Вот немножечко пройду, и выйду на шоссе. Поймаю такси, если хоть один здравомыслящий человек возьмёт к себе в машину такое чудо, как я. Хотя, сейчас мало кого удивишь чудиками, разгуливающими в костюмах разных эпох или копирующих героев полюбившихся фэнтези. Ролевые игры в моде. Знали бы они, что возможно перемещение во времени.

— Чему ты так улыбаешься?

Я вздрогнула от неожиданности. У Годвина был очень красивый, с лёгким акцентом голос. Глубокий, бархатный. И сам он был очень притягательным мужчиной. Не такой красивый, как Павел, но выигрывал по все пунктам в моём представлении. Я казалась себе рядом с ним маленькой, хрупкой девочкой. Совсем ему не подходящей. Вот Маша бы подошла. И ростом повыше и мышечный каркас не такой хилый.

Тёмные волосы с каштановым отливом на солнце, высокий лоб, густые брови правильной формы, прямой нос с небольшой горбинкой, чётко очерченные полные губы, великолепные зубы, делающие его такую редкую улыбку ослепительной. Кожа гладкая, карамельного цвета. Красивые кисти рук с длинными гибкими пальцами с мозолями на ладонях от постоянного пользования оружием. А торс? А ноги?

— Ты осматриваешь меня так, как будто видишь впервые.

Я подняла взгляд и испугалась внимательного взгляда в ответ, как будто он видел меня насквозь.

— Да нет. Вижу не впервые. Но впервые восхищаюсь, завидуя самой себе. Ведь это всё мое, — ответила я охрипшим голосом, вяло махнув рукой в его сторону.

— Ты что-то невероятное, — мужчина придвинулся ближе и обнял меня, приподняв над землёй за талию. — Чудо, подаренное мне судьбой, — добавил он севшим голосом, удерживая на весу одной рукой, а другой зарываясь в волосы и утыкаясь в основание шеи.

Он заскользил носом и губами по шее вверх, уху, щеке и, наконец, поцеловал в губы.

«Господи, как я нуждаюсь в этом. Как же сладко!»

Я отдалась его губам. Так хотелось большего, чтобы мы были не здесь, в этом великолепном лесу, а в постели, дома. Обвила его бёдра ногами, раскрываясь полностью и прижимаясь лбом. Желание потереться об него, разжигая страсть, было невыносимым. Я отдавалась этим губам без остатка. Казалось, что меня сейчас сожрут, и я была не против. Я обеими руками притягивала его за шею.

Годвин же умудрился переместить руки на ягодицы, сжимая их с силой. Моя спина соприкоснулась с деревом, что слегка отрезвило меня. Мысль о том, что это неправильно, охладила почище ведра с холодной водой.

— Не надо так, — выдохнула я, отталкивая тяжело дышащего мужчину. Он выпустил меня из рук. Голова кружилась от недостатка воздуха. Я дышала, как загнанная лань.

— Как «так», малышка? — не в лучшем виде был и мужчина.

— Как будто я тебе необходима.

Сказать о любви духа не хватило. И я пошла прочь, даже не оглядываясь. Почему-то была уверена, что он не станет меня догонять или останавливать.

Я дошла до кратковременной стоянки и стала ждать, когда покажется Годвин, покорно ожидая у коня. Никто со мной не заговорил. Все уже были на своих лошадях.

— Леди?

— Всё нормально, Кевин. Вон он идёт, — ответила я.

Неимоверно сильно хотелось плакать. Так сложно, когда не знаешь, кто ты. Очень сложно.

Я снова сижу на коне впереди мужчины, который мне нравится, и фактически я принадлежу ему. Но на самом деле это не так. И мне от этого паршиво.

— Ты ничего не съела. Держи.

Мне в руки сунули свёрток. В нём оказался огромный ломоть хлеба и тонко нарезанные пластинки жареного мяса.

— Спасибо. Но это слишком много для меня, — буркнула я.

— Ты должна есть. Совсем прозрачная стала. Запьёшь вином.

— Мне...

— У тебя нет молока. Ты не сможешь навредить ребенку. Вино нужно, чтобы ты не замёрзла.

— Откуда знаешь... про молоко? — опешила я.

— Ничего сложного, мышка. Немного внимания и всё, — я чувствовала, что мужчина улыбается.

Желание плакать исчезло. Мне было приятно, что он заботится обо мне. Чтобы улыбка не лезла на лицо, впилась зубами в бутерброд. Может, всё ещё сложится?

Вскоре на горизонте показались крыши домов, а, проехав ещё немного, мы оказались на возвышенности, откуда был виден город.

— Инвернесс, — озвучил мои мысли Годвин. Потому что ближе города не было к дому. — Тебя там ждут.

— Меня? — удивилась я и встревожилась

— Выбрось из головы мысли о монастыре. Узнаешь, кто? — строго произнес Годвин и ни разу не заговорил со мной за всё время, что мы добирались до города, пока мы устраивались в гостинице, а вечером отправились в большой дом на окраине. Только я, Годвин и Кевин.

Нас встретила низенькая, скрюченная буквой «зю» бабуля. Она мне понравилась. Чистенькая, приветливая. Нас проводили в зал, где сидело несколько человек. От группы отделился высокий мужчина, почти одного роста с Годвином и крепко его обнял. Бросил мимолётный взгляд на меня и слегка, нехотя склонил голову. С Кевином, что шёл позади меня, тоже обнялся по-родственному. Они похлопали друг друга по плечам и обменялись любезностями в грубой форме, насмехаясь друг над другом. Мне не было смешно.

— Магда, отведи её к нему, — сказал он старухе и я пошла за ней, ничего не спрашивая. Никто не собирался меня просвещать. Все равно сама всё узнаю. Вот прямо сейчас.

Я знала, что в моей жизни будут значительные события, типа получения профессии, замужества, рождения ребенка. Иногда представляла себе встречи с кем-то знаменитым. Но это, как у всех. Вот только я даже предположить не могла, что буду стоять перед человеком (одним из нескольких), которого считала поистине великим. Уважала его и восхищалась им.

— Здравствуй, девочка, — раздался хриловатый голос.

«Не дочка. Девочка. Он знает. Конечно же, он знает. И Годвин знает»

Сердце сжалось до размера горошины и расширилось, вакуумом всасывая всю кровь, которая затем ударила в голову. Врать и изворачиваться не имело смысла. Да я и не смогла.

Глава 30. Брюс

— Ну, что ты застыла на пороге? Проходи, садись.

— Добрый день, ваше величество, — произнесла я и постаралась сделать книксен. Ноги дрожали так, что я чуть не рухнула.

— Не надо. Давай обойдёмся без этих глупостей вроде этикета и хождения вокруг да около проблемы.

— Простите. Я никогда не общалась с людьми вашего ранга.

— Значит, я не ошибся? — прозвучал то ли вопрос, то ли утверждение.

— Нет. Какой смысл скрывать от вас своё происхождение? Честно говоря, я просто устала. И мне необходимо это обсудить хоть с кем-то, кто не посчитает меня сумасшедшей.

— Присядь рядом, — приказали мне, и я подтащила стул к креслу.

Лицо горело. Мне было стыдно, горько и страшно одновременно. Любопытство тоже сжигало изнутри. Жуткий коктейль. Средних лет мужчина, но выглядевший старше своих лет из-за грубой, поражённой болезнью кожи. Заметна была деформация носа, искривление пальцев. Голос был хриплым, дыхание прерывалось. Но держался он молодцом. Я знала, что Роберт Брюс — король Шотландии — страдал от проказы (лепры) и умер от её последствий. В голове промелькнула мысль, что в начале двадцать первого века лепра успешно лечится антибиотиками.

— Простите меня. Но прежде, чем вы решите мою участь, я хотела бы поговорить с вами, — рискнула я предложить диалог. А что я теряла?

— И что я, по твоему мнению, собираюсь с тобой делать? — насмешливо поинтересовался он.

В это время раздался стук в дверь и вошла старушка. Она принесла поднос с дымящимся отваром.

— Вам пора выпить лекарство, — поклонилась она и вышла.

— Как видишь, я со своей участью не знаю, что делать, — вздохнул он и отпил несколько глотков, отчаянно поморщившись. — Вот почему лекарства не сладкие, а горькие?

— Лекарство без меры становится ядом, — выдала я на автомате и от своей смелости в ужасе открыла рот, чтобы извиниться, но прикрыла его рукой, чтобы не ляпнуть ещё чего-нибудь.

— Ах-ха-ха-ха, ты очень забавная, — рассмеялся мужчина.

— Это профессиональное, — буркнула я.

— Ты знахарка? — задал вопрос он.

— Я лекарь. Делаю хирургические операции. Работаю в больнице.

— Работаешь? Женщина лекарь?

— У нас нет особого различия — мужчина ты или женщина, если это касается твоей профессиональной деятельности.

— Ты из будущего, получается? — сделал он вывод.

— Да. Я из двадцать первого века. Почти тысяча лет между нами, — ответила я на вопрос.

— Интересно было бы узнать про мир в будущем. Но на это ни времени, ни желания нет. Не пойми меня неправильно, но будущего лучше не знать, — хмуро и с каким-то сожалением сказал он.

— Я могу сказать только одно, что и через тысячи лет вы всё ещё остаётесь одним из выдающихся личностей, и я восхищаюсь вами.

— Серьёзно? — устало прозвучал вопрос.

— Серьёзно. Роберт Брюс, граф Аннандейл, великий магистр Ордена Чертополоха, король Шотландии.

Я встала и поклонилась ему в пояс.

— Я не планировала очутиться здесь, — села обратно. — Тем более, занимать чьё-либо тело. Уверяю

вас, что, имея я такую возможность, исправила бы это недоразумение и вернула бы вам дочь, — горячо произнесла я.

— Тебе не нравится Годвин? Или тебя смущает ребёнок? Я понимаю, что в твоём времени жизнь лучше. Так и должно быть. Мы сейчас ради этого и стараемся всеми силами. Но ведь здесь тоже люди живут.

— Живут. И я восхищаюсь вами, людьми, я имею в виду. Но там осталась вся моя жизнь. Я столько лет училась, старалась стать лучше, чтобы быть полезнее. Конечно же, условия тоже имеют значение. Вон, ваша дочь не зря же решила остаться там? Так и сказала, что ей не жаль украденной жизни и посоветовала смириться.

— Ты говорила с ней? — всё, что услышал этот человек из моей речи — это о его дочери.

— Говорила. Когда я спросила её о том, что мне вам сказать, если мы встретимся, то просила передать буквально — я нашла свой белый вереск.

— Нашла свой белый вереск... — повторил со мной Брюс. — Знаешь, в моей жизни был единственный человек, которому я бы мог довериться душой — это мать Мелинды. Я любил её. Как раз так, как об этом поют менестрели. Те несколько лет, что я её знал, были самыми счастливыми в моей жизни. Мы виделись очень редко. Но те минуты или часы, что проводил в её обществе — самые драгоценные воспоминания. Она умерла в родах и я обещал ей присмотреть за малышкой и постараться сделать её жизнь лучше. К сожалению, дочь ничего не взяла от своей матери, кроме красоты. Внешне она была тихой девочкой. А внутри — очень расчётливой и целеустремленной, прямо как я. Не видела перед собой преград и готова была их устранить любым способом. Я решил её доверить Годвину. Надеялся на чудо. Но подстраховался на всякий случай. Ты уже, наверное, знаешь о сапфировом зеркале? Конечно. Из-за него ты здесь. Странно разговаривать с человеком, который знает больше тебя на тысячу лет вперёд. О том, что я даже представить не могу, — он вздохнул. — Итак, продолжу. Ты знаешь, что я член ордена тамплиеров, сам являюсь магистром. Вместе с некоторыми тайнами ордена, когда началось преследование, мне достался и этот артефакт, который мне вручил мой близкий друг и наставник перед смертью. Я должен был сохранить эту вещь и передать его сыну. Доставили мальчика в Шотландию не сразу. Через несколько лет. Я не мог рисковать его жизнью и вывести сразу. Просто установил за ним наблюдение. Когда его привезли, отдал его на попечение лорда Габриеля. Конечно, и здесь он не остался без присмотра. Годвин вырос порядочным человеком и отличным воином, преданным общему делу и ордену. Я мог бы отдать ему зеркало, но не хотел всё разрушить. Читай на Книгоед. нет

— Вместо него вы отдали зеркало дочери, самовлюбленной амбициозной девице, что могла запросто попать все моральные и этические принципы?

— Ты не вправе меня осуждать за любовь к дочери, — грозно произнёс Брюс.

— К женщине, которая давно умерла, а не к дочери, которая не оправдала ваших ожиданий, — у меня всё внутри сжалось от страха. Но не я провернула эту аферу.

— Вижу, что со временем человечество сильно изменилось, особенно прекрасная его половина, — рассмеялся Брюс.

Я думала, он меня прибьёт на месте. И всё же обидно, что над тобой смеются.

— Вы даже не представляете, насколько. Но и в моём времени большой недостаток достойных мужчин, — ответила я.

— Тогда тебе повезло, что ты встретила на своем пути Годвина. Он настоящий мужчина, девочка. Поверь мне — не важно время, не важны условия, а важно, с кем ты, кто рядом с тобой.

— Вы думаете, что я смогу вернуться, — хмыкнула я. — Это нереально. Я потеряла зеркало.

— Это артефакт. Такие вещи не теряются. Мортимер тебе уже не угроза. Аннабель с дочерью и тётей уже по пути в Лондон. Их сопровождает лорд Артур. Гертруда свою работу выполнила. У неё другое задание. Мелинда вне опасности. Я не связан обещанием с её матерью. Остался Годвин. Но, думаю, что ты его сделаешь счастливым и с твоими знаниями отведёшь от него немало бед. У внука будет замечательная мать. Я доволен.

— Так просто? Вы всё решили за нас, за меня? Так нельзя, — возмутилась я.

— Знаешь, дочка, если ты подумаешь хорошо, то судьба дала тебе замечательный шанс быть счастливой. Отпусти всё лишнее и прими это. Иди.

Мужчина откинулся в кресле и закрыл глаза.

Что я могла сказать? Что бы я ни сказала, как бы не злилась, это было бесполезно. Метания моей души доставляли мне беспокойство и боль. И не только мне. Надо поговорить с Годвином.

Может, тогда я успокоюсь и приму, наконец, свою судьбу. Я люблю этого человека. Надо признаться хотя бы себе в этом. И от его решения и его слов зависит наше будущее. Будет оно счастливым или мне придется провести остаток жизни в одиночестве в это страшное время.

Глава 31. Не та ситуация

Мы вернулись на постоялый двор (местная гостиница). Он состоял из переднего двора, заднего двора и привязи для лошадей. На заднем дворе была овчарня, курятник и прачечная. Их прекрасно было видно из нашего окна.

Сама гостиница — двухэтажное каменное здание с большим залом на первом этаже, где люди переждали погоду, давали себе время передохнуть, пока сменяют лошадей, проводили время за беседой или просто приходили поесть и выпить. Кухня и хозяйственные части тоже располагались здесь же, в подсобных помещениях. На втором этаже располагались комнаты для гостей и постояльцев.

Нам выделили, по-видимому, самую большую и светлую комнату. Хоть потолок и был низким, так что Годвину приходилось остерегаться задеть головой балки, комната казалась просторной. В закутке была даже ниша с тазом и кувшином с водой и полотенцем. Посреди комнаты располагалась широкая кровать на низких ножках. Стол и два стула. Даже жаровня притулилась в углу и в ней тлели горячие угли.

Зима была близко. Лужи покрывались за ночь тонким льдом. Иней покрывал все возможные поверхности, высохшие, побуревшие травянистые растения и саму свалывшуюся грязно-зелёного цвета траву. Твердела и грязь. По такой рифлёной поверхности пройти — только ноги отбить.

С утра всё это выглядело очень красиво, особенно под яркими лучами холодного солнца. Но красота эта быстро блекла и превращалась в мерзопакостную слякоть. Странно, что в этой части Шотландии до сих пор так тепло. Давно должен был выпасть снег и ударить мороз. А стылый ветер выметать все тепло.

Меня от созерцания природы и мыслей отвлек стук в дверь. Сначала вошла крупная с красными пухлыми руками девица с подносом в руках. Поставила его и вышла, нарочито толкнув широким задом Годвина, который ждал, пока она выйдет. Мне это не понравилось. Особенно то, что она шепнула ему что-то и мужчина улыбнулся, ответив. Реакцию девушки я не смогла увидеть, потому что дверь закрылась. Я хотела есть, но аппетит пропал.

— Я приказал принести ужин в комнату. Подумал, что тебе будет удобнее. Завтра рано в дорогу. Нужно отдохнуть, — сказал мужчина и стал снимать с себя вещи.

Оставшись в тунике и брюках, он пошёл к нише и стал умываться, налив воду в таз.

Я злилась на него, но решила всё-таки помочь. Кувшин был тяжёлым, но я справилась. Годвин прилёг на кровать, а я сидела и ковырялась в ужине. Пышный омлет, краюха чёрного хлеба, печёные овощи и напиток, отдающий яблоками.

— Почему ты не ешь? — раздался вопрос, когда я думала, что мужчина спит.

— Аппетита нет, — буркнула я, попытавшись встать. Но мне этого не позволили.

Я и не поняла, как за считанные секунды оказалась на коленях мужчины.

— Ты это съешь немедленно. Даже не думай капризничать, — твёрдо произнёс он.

Я так была ошарашена тем, что он сам меня кормит, что даже не думала сопротивляться. Годвин скормил мне всё.

— Запей, — поднёс он ко рту бокал с ароматной жидкостью.

— Не хочу, — воспротивилась я.

— Почему? Это лёгкий напиток, и он тебе не навредит. Воду здесь нельзя пить.

Я выпила полбокала и попыталась встать, но мне не дали.

Годвин зарылся в мои волосы одной рукой, придерживая затылок, а второй крепко обхватил за талию, прижимая обе руки к телу. Я оказалась в капкане.

— Отпусти, — пискнула я. Но кто бы меня слушал.

Горячие губы впились в рот. Поцелуй был настолько агрессивным, что я в возмущении приоткрыла его, чтобы отчитать мужчину, но этим нагло воспользовались, проникнув языком внутрь. Я чуть не задохнулась от ощущений: возбуждающих, смущающих. Болезненная истома прошла по телу, когда наглая ладонь сжала грудь в жёстком захвате. А язык прошёлся по дёснам, зубам, небу, сплёлся в страстном танце с моим.

Годвин целовался умопомрачительно. От груди шли болезненно сладостные импульсы, разжигающие пожар в низу живота, в котором закручивалась тугая спираль.

Раздался протяжный стон. Я испугалась, поняв, что это мой, и дёрнулась, пытаясь освободиться от захвата. Но не тут-то было. Комната опрокинулась, и спина соприкоснулась с холодной постелью. Я непроизвольно выгнулась и прижалась к телу мужчины.

«Когда он успел раздеться?» — мелькнула мысль и тут же исчезала, когда проворные пальцы прошлись по ноге и нашли средоточие наслаждения. Длинные пальцы вошли в сочащееся влагой лоно легко и глубоко. Моё тело дёрнулось само навстречу. Меня поражало то, как оно реагировало на действия этого мужчины. Я шарила по широким плечам, по мускулистым рукам и сама насаживалась на пальцы, стараясь дотянуться губами до всего, что видела перед собой. Гладкая бархатистая тёплая кожа сводила с ума. А жёсткая поросль на предплечьях и груди только заводила больше.

— Приподнимись, — хрипло произнес мужчина и стянул с меня одежду в два счёта.

Мысль о том, что сделал он это умело, была отодвинута в самый дальний угол. Не до ревности.

Когда наши тела соприкоснулись, вздохнула удовлетворённо. Я так жаждала этого.

— Ты истекаешь нектаром для меня. Вся горишь именно для меня, моя девочка. Такая красивая, такая желанная.

«Не твоя», — мелькнула горькая мысль.

— Прости, но не могу удержаться, — сказал он и скользнул вниз.

Ставшие рубиновыми камешками соски посасывали и прикусывали, выкручивая и потягивая по очереди, сжимая бока и оглаживая их широкими горячими ладонями, приподнимая грудную клетку, чтобы удобнее было.

Затем он спустился к животу, уделяя ему отдельное внимание. Горячие поцелуи-укусы плели свой узор, который спускался всё ниже. Меня подкинуло, когда рот накрыл жемчужину.

— Какая чувствительная, — хмыкнул Годвин и вновь толкнулся пальцами в лоно. Синхронные движения языка, губ и пальцев сводили с ума, заставляя метаться. Я вцепилась в густые волосы и то ли пыталась оторвать его от себя, то ли прижаться сильнее. Стоны издавались моим горлом независимо от моего желания. Когда тело стало потряхивать, мужчина отвлекся от своего занятия, заставив разочарованно выдохнуть.

— Сейчас, маленькая.

Меня перевернули, поставили в коленно-локтевую позу. Я хотела воспротивиться, хотела видеть его лицо. Но мне не позволили.

— Я не насытился тобой, — горячая ладонь легла между лопаток и прижала к постели. Горячий гладкий член вошёл до упора. Медленные, тягучие фрикции тянули все силы. Хотелось быстрее и жёстче. Но этот варвар решил, что мало меня мучил. Выдержка у него была колоссальная. Когда попыталась прикоснуться к себе, он взял в захват запястья, отведя руки за спину.

— Дай прикоснуться к себе, — взмолилась, когда стало совсем невозможно. В животе пульсировал горячий шар, готовый лопнуть от одного только прикосновения. В голове шумело от прилившей к ней крови.

— Нет. Сегодня хочу тебя трогать сам.

Я опять оказалась на спине. Новый заход. Руки в захвате, приподняты над головой. Посмотрела вниз. Большой влажный член входил в меня полностью и скользил с лёгкостью. Я чувствовала внутренними стенками каждую вздувшуюся венку.

— Годвин, дай кончить, умоляю, — попросила, откинувшись.

— Сейчас, моя хорошая.

Новая поза — сажу лицом к лицу и каждое движение вверх-вниз позволяет тереться всем телом о тело мужчины. Пульсирующая волна наслаждения прошла по телу. Мужчина внимательно следил за эмоциями на моём лице и продолжал насаживать трепещущее тело на всё ещё твердый ствол.

— Давай. Подари мне своё удовольствие, — прохрипел он и движения ускорились. Несколько резких движений — и моё тело забило в крепких руках.

Перед тем, как уплыть в нирвану, почувствовала глубоко в себе пульсирующий член и негромкий рык удовлетворённого мужчины.

Пришла в себя от того, что меня обтирают влажной тряпкой. Я не стала ни стесняться, ни отбиваться. Сил не было. Горячее голое тело прижалось к спине, притянув к себе. Почувствовала ягодицами эрегированный член.

Боялась пошевелиться, притворяясь спящей.

— Почему не спишь? Ты напряжена. Нам рано вставать.

— Годвин, — начала, но меня перебили.

— Спи. Я всё для себя решил. А чтобы ты не думала о глупостях, мы сделаем так.

Приподняв моё бедро, он глубоко вошёл в лоно и навалился всем большим телом на мой бок, утыкаясь лицом в макушку.

«Трудно думать о чём-то другом в такой ситуации», — согласилась я с ним и вырубилась.

Глава 32. Поляна

Утро наступило быстро. Проснулась, когда горячее тело сзади ритмично задвигалось и твёрдый орган стал таранить лоно. Низ живота сладостно занял. Я потянулась назад, выгибаясь, и схватилась руками за затылок мужчины, который с жадностью начал целовать шею и плечи, лаская грудь одной рукой, на которой я лежала, а второй ныряя к развилке бёдер и начиная быстро стимулировать клитор.

— Как же хорошо, — не выдержала я, когда низ живота запульсировал и мои соки смочили гибкие пальцы, что приносили мне удовольствие.

Годвин только тяжело и быстро дышал, ритмично вбиваясь в лоно.

— Да, моя хорошая, — выдохнул он, когда излился глубоко внутри.

Лёгкий чмок в макушку и плечо. Затем меня развернули и поцеловали глубоко и ласково. На глаза даже слёзы навернулись от такой нежности.

— Давай собираться. Нас уже ждут, — сказал мужчина, поднимаясь и отвешивая смачный шлепок по ягодице.

— Ай, за что? — возмутилась я, потирая пострадавшую часть тела.

— За глупые мысли в голове, — посмеиваясь, Годвин прошел к нише. Только сейчас я заметила, что от кувшина шёл пар.

— Это принесли, пока мы спали? — дрогнул у меня голос.

«Что за нравы?» — расстроилась я.

— Тебя за мной не было видно. Не переживай, — спокойно умывшись и обмыв самое важное, произнёс мужчина.

Он намочил полотенце и двинулся ко мне.

— Я бы искупалась, — поморщилась я.

— Дома, дорогая. Сколько хочешь времени, горячей воды и мыла. Обещаю, что сам тебя буду мыть.

Я спокойно лежала, пока он меня обтирал, каждый раз смачивая полотенце.

— Пойдём, я тебе полью. Умоешься, — предложил он.

Когда мы спустились, за столом в углу сидел Кевин. Он ехидно пожелал всего хорошего и очень откровенно. Я почувствовала, как лицо начинает гореть от стыда.

— Давай есть, — усадил меня муж и придвинул поближе тарелку с пышным омлетом. В кувшине было горячее вино с пряностями.

Через полчаса отряд уже двигался по лесу. Воины переговаривались громче, шутили друг над другом. Видимо, чувствовали себя в безопасности. Даже Годвин иногда посмеивался. Его грудная клетка, к которой он крепко меня прижимал, вибрировала. Горячая ладонь лежала на животе, иногда мягко поглаживая его. Я была закутана в тёплый длинный плащ с пропиткой, подбитый мехом и глубоким капюшоном. Штанины брюк из толстой шерстяной ткани заправлены в меховые же сапожки. Было тепло и уютно.

Я невольно любовалась природой. Стояла гулкая тишина. Только звуки нашего отряда были слышны на всю округу. В воздухе пахло зимой. Город ещё не успел скрыться из виду, как с серого низкого неба стали сыпаться снежинки, всё больше покрывая землю лёгким кружевом.

Вскоре я смутно стала узнавать эти места. В просвете леса мелькнула остроконечная крыша часовни.

«Точно. Это же лес, где меня поймали и вернули в монастырь. Здесь я очнулась в чужом теле»

Резко выпрямилась в седле, игнорируя попытку мужа прижать обратно к себе.

— Что случилось? — спросил он. Голос был спокойным. Выдержка что надо.

— Спусти меня с коня, — потребовала я.

— Нет, — ответили мне твёрдо.

— Немедленно спусти меня с этого проклятого коня, Годвин, — ярость, что вспыхнула в крови, дотла сожгла умиротворённость и покой.

Немыслимым образом вывернулась и скользнула вниз, падая под ноги животного. Больно ударились коленями о землю. Толстый слой листьев спас от сильной травмы. Я отбежала чуть ли не на четвереньках от места падения и со всей прытью, на которую была способна, бросилась вглубь леса.

— Стой! — раздался вслед крик. — Мелинда, стой!

Я бежала так быстро, как будто от скорости зависела моя жизнь. Было тяжело бежать, поэтому сбросила плащ, не беспокоясь, куда. Погоню за собой не слышала. Хотя, даже остановись я, ничего бы не услышала, пока не уткнусь носом. В ушах гремел не шум крови, а шум целого водопада. Сердце грохотало в груди, разбиваясь о рёбра.

В голове ни одной мысли. Сама не смогла бы ответить — почему бегу, куда бегу?

В какой-то момент споткнулась и полетела вперёд, раздирая руки, пытаюсь спасти лицо от ран. Я лежала на земле и чувствовала, как стремительно мокнет на мне одежда. Я лежала в луже, что скрывалась под слоем листвы. Холод добрался до кожи. Я вскочила на ноги. Прямо передо мной была небольшая поляна, окружённая густым кустарником и толстыми корявыми стволами деревьев. В круг расположились чёрные камни, покрытые местами мхом.

Я прошла внутрь круга и стала трогать камни, убирая зелёные мохнатые лоскуты. Странно было видеть светлые руны на черном. У одного из камней я остановилась, как вкопанная. Мягко опустилась на колени и, просунув руку в углубление под одним из камней, вытащила зеркало. Круглое, в обрамлении синих камней, впаянных в серебро.

Зеркало выдало чёткое изображение моего лица на фоне голых ветвей и серого неба. Снежинки стали падать быстрее. Скоро повалил густой снег. Тишина стала глубже. Услышала хруст ветки. Потом ещё. До меня добрались. Я слышала, как разговаривали люди. Искали меня. Были совсем рядом. Я видела их тени, но они не видели меня. И даже не пытались сунуться на поляну.

Вокруг меня стал клубиться туман. Странно было видеть сиреневую дымку, сквозь которую падали крупные рыхлые хлопья. Красота невероятная завораживала. Подумалось, что друиды, наверное, вот так же проводили свои ритуалы на вот таких вот полянах. Холода я не чувствовала, мокрая одежда не беспокоила. Навалилась апатия.

«Вот так я и умру здесь. Когда-нибудь кто-нибудь найдёт мои останки. Может быть пожалеет меня, помолится о моей душе»

Мне так стало себя жаль. Единственное, что чувствовала в этом призрачном сиреновом плену, — горячие дорожки слёз и их горькую соль на губах.

— Отзовись! Пожалуйста! Вернись ко мне! Не оставляй меня... Я люблю тебя, девочка!

Мне послышалось или нет? Я не знала. Теперь туман стал осязаемым, сумела даже поддержать клубящиеся завихрения в ладони. И запах. Пахло лавандой. Взглядом зацепила зеркало в другой руке. Снежинки не оставались на поверхности, а проскакивали сквозь, как будто не было стекла. Внутри закручивалась спираль из сиреновой дымки. Она растворилась, и я увидела свой мир. Будущее. Как на маленьком экране.

Знакомый парк, асфальтированные дорожки, послышался шум машин. Где-то сработала сигнализация, где-то раздался звук сирены. Пахнуло загазованным воздухом, от которого я чуть не закашлялась, как от первой затяжки. Меня потянуло внутрь. И я почти сдалась, когда раздался дикий крик. Как будто кого-то смертельно ранили. Я откинула зеркало, словно оно было раскалено, и оно врезалось в один из камней. Раздался звон разбившегося стекла. Но мне было всё равно. Я рванула на крик. Это не мог быть Годвин. Не мог быть. Я не могу его потерять.

Как только перешла границу камней, туман исчез, и я очутилась в снежном лесу. Меня пронзил насквозь лютый холод, вымораживая мокрую одежду и тело, вплоть до костей.

— Мелинда, — услышала голос, полный боли и тоски.

Я обернулась и попала в желанные объятия.

— С тобой всё в порядке? Я слышала крик, — пробубнила я в грудь мужчины, который сжимал меня так, что казалось, расплющит и вдавит в своё тело.

— Ты здесь и всё в порядке, — глухо ответили мне и судорожно вздохнули.

— Нашлась? Мы искали вас, леди. Вы куда пропали? — спросил Кевин. И, не дождавшись ответа,

ушёл, отменяя тревогу.

— Годвин, там зеркало.

— Нет.

— Его надо забрать, — настаивала я.

— Нет. Никаких зеркал, слышишь?

— Я разбила его. Мне не грозит возвращение домой.

— Твой дом здесь, рядом со мной. Прошу тебя.

— Хорошо. Только давай сапфиры заберём? Они нам лишними не будут.

Но кто бы меня слушал? Годвин подхватил меня на руки и быстро направился в противоположную сторону от поляны.

Я посмотрела поверх плеча мужчины назад. Никакого тумана и в помине не было. Как не видно было и камней. Везде только белый снег.

Эпилог. Письмо из прошлого

Прошло три года с тех пор, как душа Мелинды поменялась с душой Маши.

Дочь короля спокойно приняла свой переход и старалась приспособиться к этой странной, но удивительной для неё жизни.

Здесь всё было иным, как будто она перенеслась не в будущее, а в другой мир. Одежда, здания, дороги, отношения полов, техника — всё как в сказке или во сне. Особенно техника. В любом её виде. Мелинда до сих пор не любила смотреть телевизор. От машин же шарахалась долго.

Павел считал, что это последствия аварии. Он не любил говорить на эту тему, а Мелинде это было и не нужно. Какая разница, как Машу угораздило попасть под машину? Главное, что её связь с миром настолько истончилась, что они смогли поменяться душами. Сама Мелинда была ослаблена родами и тоже была готова к переходу. Она хотела совсем другого от артефакта, но раз он так распорядился, почему она должна быть недовольна? Всё равно ничего не изменишь. Когда отец сказал, что хочет подарить ей это удивительное зеркало и рассказал, что это за предмет, то она была вне себя от радости и простила отца за то, что он уделял ей скудное внимание.

У Мелинды было всё, что нужно: одежда, драгоценности, даже учителя. Она была хорошо образована для своего времени. А сколько крутилось рядом поклонников? И это не только потому, что она была дочерью короля, хоть и незаконной. Она была красавицей. И нынешний облик ей тоже очень нравился. Маша была очень ухоженной и чистоплотной девушкой.

Много времени и усилий пришлось Мелинде потратить, чтобы разобраться во многих нюансах жизни современной женщины. Самым невероятным было то, что муж мог позволить своей жене посещать дорогой салон красоты. Ты ничего не делаешь, зато над тобой трудятся. Дома у неё была экономка. Так что и здесь ей повезло. Павел был очень нежным, чутким и внимательным мужчиной. Красивым и умным. Главное, богатым. Он считал, что женщина потеряла память и помогал ей во многом.

С другой стороны, Мелинда была рада, что Павел много времени уделял работе. Только, что это за работа, когда не потеешь, не прилагаешь физических усилий, она не понимала. Да и не особо это её беспокоило. Она жила в большом доме. Чистом, тёплом, уютном. Разве этого мало?

Муж достаточно уделял внимания и развлечениям. Вozил жену иногда на вечера и другие мероприятия. У Мелинды были прекрасные платья и драгоценности. Павел не скупился, и она очень комфортно себя чувствовала в незнакомой обстановке. Этикет и воспитание даже в это время не потеряли свою значимость.

Единственным, что отравляло её размеренную сытую жизнь, были сны. Кошмары. Ей снился лес, как она бежит, падает лицом в лужу и захлёбывается грязной водой. Иногда ей казалось, что во рту остаётся привкус прелых листьев и земли.

Ещё ей снилась Маша, которая всё время упрекала в том, что она украла её жизнь, приходя в её сны в прежнем образе. Она просыпалась с криком и сидела до утра в кресле, завернувшись в тёплый плед, не решаясь лечь в постель. Два года назад Павел отвёл её к лекарю. Ей сказали, что он сможет вернуть ей память и вылечить душу.

«Вот этого вы точно не сможете сделать», — подумала она прежде, чем уплыла в воспоминания под мерный разговор пожилого мужчины.

Больше Павел её никуда не водил. Всё, вроде, было нормально. Но иногда Мелинда чувствовала на себе изучающий взгляд мужа. Холодок в отношениях испарился с рождением дочери. Девочка была очаровательной крошкой, похожей на отца.

«Слава тебе, Господи. Я бы не выдержала, если бы ребенок был похож на Машу», — подумала она тогда.

О сыне она почти не вспоминала, но дочь перевернула её мир. Павел перестал изучать жену, и кошмары перестали её преследовать. Прошел ещё год относительно спокойной жизни.

Недавно был продан дом Маши, и в руки Мелинды попала интересная книга про Шотландию. И это стало началом её одержимости желанием побывать в родных местах. Интернет уже был необходим, чтобы собрать информацию. Нелюбовь к гаджетам пришлось пережить.

Когда она увидела на экране монитора останки крепости Артвар, Мелинда горько заплакала. Хорошо, что Павла не было дома.

На годовщину свадьбы Мелинда, то есть Маша, попросила отправить её в Шотландию.

— Я поеду с тобой. Раз это так для тебя важно, я отвезу тебя сам, — пообещал после долгого молчания мужчина.

Откуда она могла знать, что муж был свидетелем её откровений во время гипноза? Что доктор, что Павел были шокированы теми сведениями, что выдавала девушка.

Доктор это объяснил тем, что в прошлой жизни она могла вполне жить в теле средневековой женщины. Или Маша была так сильно впечатлена романом о шотландских горцах, что говорила о них два часа без перерыва. Ярko, красочно, смеясь и плача, и как будто проживала эти моменты на самом деле.

Но как объяснить то, что сейчас жена от него требует в подарок поездку в Шотландию? Вроде прошло достаточно времени, и она должна была прийти в себя и забыть последствия гипноза. Видимо, не забыла.

Павел и Маша поженились через месяц после того, как она выписалась из больницы. Тот страшный день мужчина не забудет никогда. Он по-своему любил Машу. Она была красивой, умной, чистой девушкой. Таких очень мало встречается на пути богатых мужчин, подобных ему. И он считал себя везунчиком. То, что случилось, было всецело его виной. Но, вроде, всё обошлось, и Маша вернулась к нему. Став совсем другим человеком. Он не знал, радоваться ему этому факту или огорчаться. Спокойная, рассудительная, ненавязчивая, ласковая. Немного пуританка в постели. Полная противоположность себя прежней.

И, самое странное, не заикалась о профессии. Хотя, Павел был этому даже рад. Женщина была занята домом и не лезла в его жизнь. Обоих такая расстановка устраивала.

Наличие любовницы тоже жену не беспокоило, хотя и задевало чувства Павла. Казалось, что он ей безразличен, раз не ревнует. Но радость, что вспыхивала в глазах жены, когда он приходил домой, говорила об обратном.

Шоком для него стало поведение Маши на званых вечерах. Ему, кажется, завидовала вся мужская половина, а женская просто возненавидела его жену. Настоящая принцесса. Гордая осанка, надменный взгляд, правильная речь. А поведение за столом? Как будто ей должны прислуживать. И ведь стоял официант, до конца ужина. Где она могла этому научиться?

На годовщину свадьбы Павел хотел предложить жене поездку в какой-нибудь экзотический рай. Но вспомнил, как в последнюю их поездку на Гавайи жена категорически отказывалась раздеваться, говоря, что это неприлично.

Конечно же, они поехали в Шотландию. Он не мог ей отказать. Да и самому было интересно, чего хочет его жена. Мелинда всю дорогу нервничала. Она видела, как косится на неё муж, но не могла себя пересилить.

Супруги посетили Данфермлинское аббатство, аббатство Мелроуз и прямоком направились к озеру Лох-Несс. И Павел был уверен, что это не из-за чудовища.

В ту ночь, когда они были уже в гостинице в Инвернесе, Маша не спала всю ночь. Она закрылась в ванной и долго плакала. Павел слышал.

Утро стало сюрпризом. Маша исчезла. Но появилась к полудню.

— Ты где была? Я уже хотел бить тревогу, — возмутился он. Но, увидев, что жена бледна, как смерть, очень испугался. — Что случилось, родная?

— Всё хорошо. Больше, чем хорошо. Извини.

— Я так не могу больше, Маша. Рассказывай! — потребовал он, с недоверием и с некоторым любопытством разглядывая пакет с неясным содержимым, что жена поставила на стол.

— Павел... Это так невероятно... Ты можешь посчитать, что я сошла с ума. И это правильная реакция на такие вещи у здоровых людей. Я не могу тебе ничего сказать. Просто, почитай сам. И можешь мне верить или нет, — глубоко вздохнула она и села, сложив руки на коленях.

Мужчина вытащил из пакета небольшую металлическую шкатулку. Открылась она легко. Видно было, что замок сбит. В шкатулке нашлась ещё одна шкатулка, но деревянная. Потемневшая от времени, но целая. А уж в ней он нашёл огранённый синий камень, не допуская даже мысли, что это сапфир, но проигрывая себе. Он любил, ценил и знал о драгоценных камнях всё. Сейчас он держал в руках целое состояние. Об этом говорила прозрачность камня, его размеры и насыщенный синий цвет.

Он отложил камень и взял в руки сложенный лист бумаги, пожелтевший от времени.

«Здравствуй, Мелинда! Каково тебе жить в будущем? Я и хотела узнать, и не хотела одновременно. Но вскоре вообще решила выкинуть из головы и тебя, и мою прошлую (будущую) жизнь. Я надеюсь, что ты найдёшь это письмо. С тех пор, как мы поменялись местами, прошло уже много времени. Почти вся жизнь. Я её прожила хорошо и от души. Ты подарила мне то, к чему стремился человек всю свою жизнь, и, не получая этого, скорбит перед кончиной. Мне не о чем сожалеть и печалиться. Я была любима, и любила сама. И готова уйти.

Пишу на месте, где всё началось. Годвин всегда боялся, что я вернусь сюда и брошу его. Я бы никогда этого не сделала.

Жаль, что не могу сейчас видеть тебя и посидеть здесь рядом минутку. В будущем. Нам было бы о чём поговорить. Ты не переживай: я ни о чём не сожалею. Наоборот, благодарна тебе.

Я виделась с Брюсом. Он хороший отец. Был рад за тебя. Передала ему твои слова и было видно, что он успокоился. Великий человек. Всегда им восхищалась. Уже знаешь, наверное, почему? Правда, интернет полезная вещь? Но раз ты читаешь это письмо, то ты уже здесь, в Шотландии. В нашем лесу, на нашей поляне.

Я сюда вернулась, прожив жизнь, чтобы оставить тебе письмо. Остатки зеркала не нашла. Я его разбила и оставила лежать, когда бежала к Годвину. Но нашла вот этот камешек. Делай с ним, что хочешь.

Мы прожили в крепости у озера недолго. Я знала, что в будущем она будет разрушена английским войсками и у неё появится новый хозяин. Не так скоро. Но и ждать этого не стоило. После долгого разговора с Брюсом мы покинули Шотландию навсегда, переехав в не менее прекрасное место — в Ирландию.

Построили свой дом в красивом месте. Твой дядя Эдуард был бы рад принять нас, но хотелось чего-то своего и подальше от шума. Тем более, что его судьба была незавидной. Это и полезно и тяжело одновременно — знать о будущих событиях.

У меня хорошая семья. Тэвиш стал красивым и статным мужчиной, у него уже у самого семья, Аурика точная копия меня, теперешней, она уехала в Европу и знаю, что ей там хорошо с любимым мужем и сыном. Маркус, мой второй ребёнок, погиб в схватке с англичанами. Мы с трудом пережили его смерть. Но очень им гордились. Наша отрада — близнецы Габриэль и Роберт — выбрали образование и политику. У всех детей своя жизнь, семьи. Так что, жизнь сложилась.

Годвина нет уже пять лет. И мне пора встретиться с ним в следующей жизни. Я уверена, что он меня ждёт. Моя вторая половинка.

Будь счастлива так же, как и я, Мелинда! Ты справишься. Я уверена. Твоя Маша!»

— Что скажешь? — спросила она, стараясь поймать взгляд Павла.

— Это ничего не значит. Я догадывался, что что-то не так, но не думал, что у тебя другая душа.

— И ты не будешь меня презирать или сторониться?

— Нет. Я же сказал, что это ничего не значит. Ты моя жена.

— Я люблю тебя, — вскрикнула женщина и бросилась к мужу.

— Наконец-то дождался, — облегчённо выдохнул Павел и обнял свою Машу.

Через ещё год Мелинда поехала в Ирландию. Одна. Но её не интересовали исторические достопримечательности этой удивительной страны, на не менее удивительном острове. Двухэтажный каменный дом до сих пор стоял на берегу океана.

Здесь почти ничего не изменилось за тысячу лет. Время почти не коснулось его, только окна были пластиковыми и крыша другая. Заходить в дом и смущать жителей не имело смысла. Мелинда и не хотела этого. Она медленно пошла по тропинке. Невдалеке был виден рыбацкий поселок, а чуть дальше впереди — кладбище. Что-то тянуло её туда.

За красивой кованой оградой виднелись два чёрных камня, как с той поляны друидов. Тяжело дыша, Мелинда приблизилась и смогла прочитать на чистом русском языке: «Я буду любить тебя вечно».

Конец.